

Георгий
Полонский

ДОЖИВЕМ
ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА
♦
КЛЮЧ БЕЗ ПРАВА
ПЕРЕДАЧИ

*Счастье
это когда*

« А З Б У К А »

Русская литература. Большие книги

Наталья Долинина

**Доживем до понедельника.
Ключ без права передачи**

«Азбука-Аттикус»

1968, 1972, 1977, 1984, 1986, 1996

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Долинина Н. Г.

Доживем до понедельника. Ключ без права передачи /
Н. Г. Долинина — «Азбука-Аттикус», 1968, 1972, 1977, 1984,
1986, 1996 — (Русская литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-23067-5

Имя Георгия Исидоровича Полонского (1939–2001) хорошо известно благодаря фильмам, снятым по его сценариям: «Доживем до понедельника» (1968), «Ключ без права передачи» (1972), «Не покидай...» (1989). Но тексты Полонского ценны и сами по себе – они завораживают, их отличает виртуозная выверенность драматургии: под воздействием мелких, словно песок, событий меняются действующие лица его историй, неприметно деформируется правда... Невероятное усилие может потребоваться, чтобы сохранить себя, пойти наперекор, преодолеть страх или боль. Этой слащавости лишены и вымышленные миры Полонского (королевства Абидония или Пухоперония, например), недаром его сказки – для взрослых. Герои всегда следуют высоким идеалам. Но не каждый персонаж – герой. И в чудесных королевствах тоже... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-23067-5

© Долинина Н. Г., 1968, 1972, 1977,
1984, 1986, 1996

© Азбука-Аттикус, 1968, 1972, 1977,
1984, 1986, 1996

Содержание

Киноповести и сказки для взрослых	6
Доживем до понедельника	6
Четверг	6
Пятница	16
Суббота	40
Ключ без права передачи	50
Перевод с английского	91
1	91
2	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Георгий Полонский, Наталья Долинина
Доживем до понедельника.
Ключ без права передачи

© Г. И. Полонский (наследник), 2023

© Г. И. Полонский, Н. Г. Долинина (наследники), 1972

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство
Азбука®

Киноповести и сказки для взрослых

Доживем до понедельника *Киноповесть о трех днях в одной школе*

*Куда-то все спешит надменная столица,
с которою давно мы перешли на «вы»...
Все меньше мест в Москве,
Где помнят наши лица,
все больше мест в Москве,
где и без нас правы.*

Булат Окуджава

Четверг

Может быть, мы не заметили ту осень, которую любил Пушкин. Допустим, из-за ее застенчивой краткости в этом году.

А можно сказать категоричнее: такой осени не заслужили мы, вот Москва и не видела ее. Теперь уж не увидим – сразу, наверное, к «белым мухам» перейдем.

Факт налицо: не та осень! Всего лишь «облачная погода без прояснений», не более.

Только к утру перестал дождь.

Во дворе у серого четырехэтажного здания школы безлюдно – мокрые деревья да птичий крик...

Выбежали из этого здания два пацана без пальто. Поеживаясь и оглядываясь, закурили. Выступ небольшой каменной лестницы загораживает их от ветра и от возможных наблюдателей, но только с одной стороны.

А с противоположной – как раз идет человек. В очках. Сосредоточен на том, куда поставить ногу, чтобы не увязнуть в глине. В углу его рта – незажженная сигарета.

Мальчики нырнули обратно в помещение.

– Как думаешь, видел? – спросил один, щуплый, с мышинными зубками. Второй пожал плечами.

Потом тот человек вошел в вестибюль.

– Здравсте, Илья Семеныч, – сказали оба мальчугана. Щуплый счел нужным объяснить их отсутствие на уроке:

– Нас за нянечкой послали, а ее нету...

– А спички есть? – спросил мужчина, вытирая ноги.

– Спички? Не... Мы же не курим.

Мужчина прошел в учительскую раздевалку.

– Надо было дать, – сказал второй мальчишка. – Он нормально спросил, как человек.

Щуплый со знанием жизни возразил:

– А кто его знает? С одной стороны – человек, с другой стороны – учитель... Пошли.

* * *

Под потолком летает обезумевшая, взъерошенная ворона. От воплей, от протянутых к ней рук, от ужаса перед облавой она мечется, ударяясь о плафоны, тяжело машет старыми крыльями, пробует закрепиться на выступе классной доски, роняя перья... Там до нее легко дотянуться, и она перебирается выше, на портрет Ломоносова.

Молоденькая учительница английского языка ошеломлена и напугана ужасно. Сорвали урок!.. Совсем озверели от восторга, их теперь не унять, не перекричать... Весь авторитет – коту под хвост! Ее предупреждали: как начнешь – так и сложится на годы вперед... Проблема № 1 – правильно поставить себя, заявить определенный стиль отношений... Вот она и заявила!

– Швабру тащи, швабру!

– А почему она не каркает? Может, немая?

– Черевичкина, ты всегда завтраки таскаешь, давай сюда хлеб!

– Станет она есть, жди! Сперва пусть очухается!

– Наталья Сергеевна, а как по-английски ворона?

– Вспомнил про английский! Вот спасибо...

– Ну как, Наталья Сергеевна?

– А slow.

– Эй, кр-роу, крроу, кррроу!!!

– Тряпкой надо в нее! Дежурный, где тряпка?

– «Какие перышки! Какой носок! И верно, ангельский...»

– Ну знаешь классику, знаешь! Братцы, под лестницей белила стоят. Искушаем ее?

– Сдохнет.

– Крроу, крроу!

И все это выкрикивается почти одновременно, и в глазах Натальи Сергеевны рябит от этих вдохновенно-хулиганских, вспотевших, хохочущих лиц! Вот уже кто-то приволок швабру, отнимают ее друг у друга... Ворона сжимается, пьитися, закрывая глаза...

– Хватит! Не смейте ее пугать, она живая! – вдруг кричит Наталья Сергеевна, которая другие совсем слова готовила: про потерянный человеческий облик, про вызов родителей, про строжайшие меры... У переростка Сыромятникова она силой отбирает швабру, сует ее девочке:

– Дикари вы, да? Рита, унеси швабру!

Потом она встала на стул и в наступившей тишине потянулась к вороне:

– Не бойся, глупенькая. Ничего мы тебе не сделаем...

Восхищенно переглядываются ребята: новая англичаночка у них, оказывается, – что надо!

Одному из ребят возня с вороной наскучила. Это Генка Шестопал, парень с темными недобродушными глазами, с драмой короткого роста, со скандальной – заметим к слову – репутацией. Китель расстегнут, руки в карманах, движения какие-то нервно-пружинистые. Он вышел в пустой коридор вслед за девочкой, которая вынесла туда швабру.

– Что бу-удет!.. – весело ужасаясь, сказала ему девочка про всю эту кутерьму.

Она была тоненькая, светлая, зеленоглазая, ее звали Рита Черкасова.

– А что будет? – меланхолически спросил Генка. – Будут метать икру, только и всего...

– А кто это сделал-то? Я и не заметила, откуда она вылетела.

– А зря. – Генка открыто разглядывал Риту. Другим девочкам не под силу соперничать с ней, и она это знает, оттого и ведет себя с тем королевским достоинством, которому не приходится кричать о себе: имеющий глаза увидит и так...

– Зря не заметила. Ты член бюро, с тебя будут спрашивать...

Она дунула небрежно вверх, прогоняя падающую на глаза прядь волос, и хотела вернуться в класс, но Генка привалился спиной к двери.

– «Что за женщина, – тихонько пропел он, – увижу и неме-е-ею... Оттого-то, понимаешь, не гляжу...»

– Пусти, ну!

– Если это дело будет разбираться в верхах, – проговорил Генка бесстрастно, – можешь сказать, что ворону принес я.

– Ты?! Очень мило с твоей стороны, – поразила ее она. – Я жутко запустила английский, два раза отказывалась, а сегодня погорела бы точно.

– А моя ворона умница, она это учла, – глядя в потолок, намекнул Генка. – Ну ладно, иди, а то телохранитель твой заволнуется. – Это он произнес уже другим тоном, едким и мрачным.

– Из-за тебя? – Она смерила его взглядом и вернулась в класс. Генка вздохнул и пошел за ней.

...Наталья Сергеевна, все еще стоя на стуле, подумала вслух:

– Так она не пойдет на руки. Надо хлеба на книжку... Есть хлеб?

– А как же! Черевичкина! – Это крикнул Костя Батищев, красивый парень в таких джинсах, какие в конце шестидесятых могли достать и натянуть на себя немногие... Это его Генка назвал телохранителем Риты, и она действительно немедля оказалась рядом с ним. Они и за партой сидели вместе. И вообще их роман законным образом цвел на глазах у всех.

Пышнотелая Черевичкина давно держала наготове полиэтиленовый мешочек с бутербродами. Не вынимая их оттуда, она отщипнула немножко.

– Вороне Главжиртрест послал кусочек сыра, – продекламировал Михайцев, большой энтузиаст нынешнего переполоха. Он вырвал у нее мешочек. – Не жмотничай, тебе фигуру надо беречь...

Класс продолжал ходить ходуном.

* * *

По коридору шагал Илья Семенович Мельников, учитель истории, – это его мы видели, когда он входил в школу. Худошавый лобастый человек. Сорок пять ему? Сорок восемь? Серебряный чубчик. Иронический рот и близорукость придают его облику некоторую надменность. Но стоит ему снять очки – выражение глаз станет беззащитным. Он чем-то на Грибоедова похож.

Мельникова остановил шум за дверью девятого «В». Пришлось заглянуть: с нового учебного года он был здесь классным руководителем.

То, что он увидел, было настоящим ЧП: класс радостно сходил с ума; учительница, явно забывшись, стояла на стуле; кольцом окружали ее ребята, ни один не сидел за партой; все шесть плафонов на потолке угрожающе раскачивались; спасибо, что не все шесть – на полную амплитуду!

Мельников распахнул дверь и ждал не двигаясь. Просто глядел и вникал. Они застыли на местах. Мальчишки прекратили жевать конфискованные у Черевичкиной бутерброды.

Опустив голову, закрыв щеки и уши обеими руками, умирала от стыда и страха Наталья Сергеевна. Она даже со стула забыла слезть, до того оцепенела.

Мельников понял, что взрослых здесь не двое, как могло показаться, а он один.

Оглядываясь на него, ребята побрели к своим партам. Наталья Сергеевна, неловко натягивая подол, слезла со стула. Только теперь, когда все расступились, Мельников увидел ворону. Она, словно специально, чтобы обратить на себя его внимание, покинула ломоносовский портрет и села на шкаф для наглядных пособий. Многие прыснули.

– Илья Семенович, понимаете... – краснея, начала Наталья Сергеевна, – я давала на доске новую лексику, было все хорошо, тихо... И вдруг – летит... Я не выяснила, кто ее принес, или, может быть, она сама...

– Сама, сама, что за вопрос! Погреться, – насмешливо перебил Мельников, глянув на закрытые окна. – А зачем передо мной оправдываться? Класс на редкость активен, у вас с ним полный контакт, всем весело, – зачем же я буду вмешиваться? Я не буду. – Он повернулся и вышел.

В классе приглушенно засмеялись, потом притихли – кто затаил азартное любопытство (теперь-то что она будет делать?!), кто – сочувствие (зря мы ее подставили... все-таки совсем еще девчонка).

– А правда, что вы у него учились? – спросил Генка, с интересом наблюдавший за ней.

Ответа не последовало. Прикусив губу, постояла в растерянности Наталья Сергеевна и вдруг выбежала вслед за Мельниковым. Догнала его в пустом коридоре.

– Илья Семенович!

– Да? – Он остановился.

– Зачем вы так? Илья Семеныч? Да, я виновата, я не справляюсь еще... Но вы могли бы помочь...

– В чем же? Если вам нужна их любовь – тогда дело в шляпе: они, похоже, без ума от вас... А если авторитет...

– А вам теперь любовь не нужна?

Мельников усмехнулся:

– Любовь зла. Не позволяйте им садиться себе на голову, дистанцию держите, дистанцию! Чтобы не плакать потом... А помочь не сумею: никогда не ловил ворон!

Почему у нее горят щеки под его взглядом? Почему она поворачивается, как солдатик, и почти бежит, чувствуя этот взгляд спиной?

В классе она, конечно, застала все то же бузотерство вокруг вороны. И – принялась держать дистанцию...

С такой холодной угрозой она им сказала: «Silence! Take your places», что сели они сразу и молча уставились на нее с опасливым ожиданием. Она подошла к окну, открыла первую раму... Немного замешкалась, открывая вторую: шпингалет не поддавался.

– Выбросит! – вслух догадалась Рита Черкасова.

– Вспугнуть бы... – прошептал мечтательно чернявый Михейцев.

Англичанка стояла спиной: надо было успеть, пока она не обернулась. И, прицелившись, Костя Батищев сильно и точно запустил в ворону тряпкой. Но слишком сильно и слишком точно – так, что даже ахнули: мокрая и оттого тяжелая тряпка накрыла птицу, сбила ее и только упростила учительнице дело. Она взяла этот трепыхающийся ком – и выкинула.

Стало очень тихо. Наталья Сергеевна захлопнула окно и стала быстро-быстро перебирать и перелистывать на столе свои записи...

– А мне мама говорила, что птичек убивать нехорошо, – меланхолично сказал переросток Сыромятников.

– Без суда и следствия, – добавил Михейцев.

Не очень послушной рукой Наташа стала выписывать на доске лексику к новому тексту. Но класс не унимался.

– Наталья Сергеевна, ведь четвертый же этаж! В тряпке! Зачем вы так, Наталья Сергеевна! – волновались девочки.

Напрасно она пыталась вернуться к английскому, напрасно стучала по столу и повторяла:

– Stop talking! Silence, please!¹ – (Чужой язык раздражал их, пока не выяснили кое-чего на своем.)

Генка, ни слова не говоря, сердито-серьезно следил за событиями. Зато острил, розовый от злости и возбуждения, его соперник Костя Батищев:

– Гражданская панихида объявляется открытой... Покойница отдала жизнь делу народного образования.

– Батищев, shut up!² – грозно сказала учительница.

– А может, не разбилась? – предположил кто-то. – Я сбегаю погляжу, можно, Наталья Сергеевна? Я мигом, – вызвался Сыромятников и уже встал и пошел. – Я даже принести могу – живую или дохлую, хотите?

Наташа схватила его за рукав:

– Вернись!

– Ты не сюда, ты Илье Семеновичу принеси, – медленно, отчетливо произнесла Рита. – Пусть он видит, какие жертвы для него делаются...

Это оскорбило Наталью Сергеевну до слез, она задохнулась и скомандовала на двух языках:

– Черкасова, go out! Выйди вон!

Рита дунула вверх, прогоняя падающую на глаза прядь, переглянулась с Костей и неторопливо, с улыбкой, ушла.

Сыромятников – вслед за ней.

– Интересно, за что вы ее? – сузил глаза Костя. – Ребятки, нам подменили учительницу! У нас была чудесная веселая девушка...

– Батищев, go out! Я вам не девушка! – выпалила Наталья Сергеевна под хохот мужской половины класса.

– Ну все равно – женщина, я извиняюсь, – широко улыбаясь, продолжал Костя. – И вдруг – Аракчеев в юбке.

– Думайте что хотите, но там, за дверью... Be quick!

В знак протеста мальчишки застучали ногами, загудели... У двери Костя посулил сострадательным тоном:

– Так вы скоро одна останетесь...

– Пожалуйста. Я никого не держу! – окончательно сорвалась учительница, бледная, как стенка, и отвернулась к доске, чтобы выписать там остаток новых слов...

Поднялся и пошел к двери Михайцев. И его сосед. И в солидарном молчании поднялось полкласса... а затем и весь класс. Уходя, Генка сказал:

– «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове...»

...Потемнело в глазах Натальи Сергеевны. Только слух различал, как еще одна группа встает, еще ряд пустеет... Когда она открыла глаза, в классе сидела только одна перепуганная толстая Черевичкина. Ужаснулась Наташа и снова закрыла глаза.

* * *

Уроки кончились, школа работала в тот год в одну смену. Жизнь, правда, превращала эту одну – минимум в полторы. Вот гнется над тетрадками словесница Светлана Михайловна, гуляет по страницам ее толстый синий карандаш. И это, считайте, покой еще, почти досуг... Вот она подняла голову, недоуменно прислушалась: музыка... Прекрасная и печальная музыка, совсем необычная для этих стен.

¹ Прекратите разговаривать! Тишина! (англ.)

² Замолчи! (англ.)

Светлана Михайловна заложила тетрадку карандашом и встала, любопытство повело ее наверх, в актовый зал... Она тихонько входит. В зале свет не горит и пусто. Нужно сперва освоиться с полумраком, чтобы увидеть: на сцене у рояля сидит Мельников и играет пустым стульям. При чахлом свете законного фонаря ему клавиатуры не видно наверняка – и не надо, выходит? Пальцы его сами знают все наизусть?

– Так вот кто этот таинственный романтик! – бархатисто засмеялась Светлана Михайловна.

Мельников вздрогнул, убрал руки с клавиш.

– Да нет, вы играйте, играйте, я с удовольствием вас послушаю. Я только мрака не люблю, я включу? – И зажглись все плафоны. – Вот! Совсем другое настроение... Это вы играли какую вещь?

Мельников вздохнул, но ответил:

– «Одинокий путешественник» Грига.

Помолчали.

– Да... – теперь уже вздохнула Светлана Михайловна. – Настоящую музыку понимают немногие...

Она сделала паузу, ожидая, что он подхватит ее мысль, но Мельников молчал, только пальцы его изредка задевали клавиши... Продолжить пришлось самой Светлане Михайловне:

– Я всегда твержу: нельзя нам замыкаться в скорлупе предмета. Надо брать шире, верно? Черпать и рядом, и подальше, и где только возможно! Всесторонне. И тогда личная жизнь у многих могла бы быть богаче... Если подумать хорошенько.

Мельников согласился вежливо:

– Если подумать – конечно.

– А кстати, почему вы не спешите домой? Не тянет?

Вопрос был задан значительно, но Мельников его упростил:

– Дождь.

– Дождь? – переспросила она недоверчиво. – Ну да, конечно.

Разговор клеился плохо.

– «В нашем городе дождь...» – негромко пропела Светлана Михайловна, умудренно, с печальной лаской глядя на Мельникова. – «Он идет днем и ночью...»

Одним пальцем он подыграл ей мелодию.

– «Слов моих ты не ждешь... Ла-ла-ла-ла...»

Вдруг все плафоны погасли. Мимо застекленной двери, за которой оставался последний из нормальных источников света, прошла нянечка с ведром. Возможно, это был с ее стороны намек: закругляйтесь, мол, с вашей лирикой...

– Я ведь пела когда-то, – поспешила заговорить Светлана Михайловна. – Было такое хобби! Когда я еще в Пензе работала, меня там, представьте, для областного радио записывали: «Забывшие романсы»... И четырежды дали в эфир! Где-то и теперь та бобина пылится.

– Вот бы послушать, – сказал Мельников.

– Вы правда хотите? – встrepенулась Светлана Михайловна.

– А что? Допустим, на большой перемене? Школьный радиозел не балует же нас ничем человеческим – а тут всех разом приобщил бы к романсам! Питательно же!

Это он пошутил? Холодновато как-то. А может, и едко. Впрочем, она перестала понимать все его шуточки – безобидные они или обидные? Вот и сейчас, не разобрав толком, ужалил он ее или ободрить хотел, – потускнела Светлана Михайловна, сникла. От самой головоломки этой. Затем, преодолев минутную слабость, потребовала:

– Дайте мне сигарету.

Мельников дал сигарету, дал прикурить и спустился в зал. Сел там на один из стульев. Теперь они были разделены значительным пространством.

Светлана Михайловна жадно затянулась и затем спокойно через весь зал сказала:

– Зря злитесь, зря расстраиваетесь... И зря играете «Одинокого пешехода».

– Путешественника, – поправил он. И зачем-то перевел на английский: – «Alone traveller».

– Вот-вот, – подхватила Светлана Михайловна. – Ничего ей не будет. Ее простят – и дирекция, и вы в первую очередь. Она же девочка, только начинает. Это мы с вами ничего не можем себе простить и позволить...

Закрыв глаза, Мельников откинулся на спинку стула.

Шумел за окнами дождь.

Светлана Михайловна подошла к Мельникову.

– Что с вами? – спросила она, страстно желая понять. – Почему вы стали таким?

– Каким? – Мельников спросил, не открывая глаз.

– Другим!

Он вдруг подмигнул ей и прочитал:

– Не властны мы в самих себе,
И в молодые наши леты
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть,
Всевидающей судьбе.

Как просто сказано, обратите внимание... как спокойно... И – навсегда.

– Еще бы, – осторожно поддержала Светлана Михайловна. – Классик.

– Кто?

Глаза ее устремились вверх, на лбу собралась гармошка морщин – ни дать ни взять, школьница у доски.

– Похоже на Некрасова. Нет?

Он покачал головой. Ему нравилось играть с ней, с учительницей литературы, в такие изнурительные для нее викторины.

– Тю... Не Тютчев?

– Холодно.

– Фет?

– Холодно. Это не из школьной программы.

– Сдаюсь...

– Баратынский.

– Ну, знаете! Никто не обязан помнить всех второстепенных авторов, – раздражилась вдруг Светлана Михайловна. – Баратынский!

– А его уже перевели, вы не слышали разве?

Она смотрела озадаченно.

– Перевели недавно, да. В первостепенные.

За что он ей мстит? За что?! И она сказала, платя ему той же монетой:

– Вы стали злым, безразличным и одиноким. Вы просто ушли в себя и развели там пессимизм! А вы ведь историк... Вам это неудобно с политической даже точки зрения.

Вот этого ей говорить не стоило! Мельников едко усмехнулся и отрезал:

– Я, Светлана Михайловна, сейчас даю историю до семнадцатого года. Так что политически тут все в порядке...

Он поднялся, чужой, холодно поблескивающий стеклами очков, в черном пальто, накинутом на плечи...

Она поняла, что его уже не вернешь, и мстительно спросила вслед:

– Вас, очевидно, заждалась ваша мама?

– Очевидно. До свидания.

Хлопнула дверь.

Сидит Светлана Михайловна в полутемном зале одна, слушает гулкие шаги, которые все дальше, все тише.

Черт бы подрал его с этими шуточками! Учитель не имеет права на них! Учитель – это же ясность сама, ему противопоказана двусмысленность... Разве не так?

* * *

Они встретились в булочной – учитель и ученик.

– Пять восемьдесят – в кондитерский, – сказал ученик кассирше. Он был интеллигентный, симпатичный – и почти совсем сухой, в то время как на улице наяривал ливень, отвесный, как стена.

– Двадцать две – хлеб, – сказал Мельников.

И тут парень, отошедший с чеком, заметил его:

– Илья Семенович!

– Виноват...

Дождь сделал непрозрачными мельниковские очки.

Пришлось их снять.

– Боря Рудницкий, если не ошибаюсь?

– Так точно! Вот это встреча!..

Дальнейшее происходило в кабине серой «Волги». Борис сидел с шофером, Мельников – сзади, засовывая хлеб в портфель.

– Ну вот... так-то веселей, чем мокнуть. Приказывайте, Илья Семенович, куда вам?

– Хотелось бы домой, на старый Арбат, там переулок...

– Отлично. Толик, слышал? – обратился Борис к шоферу; тот кивнул и дал газ. – Все там же живете, все там же работаете... – с тепловатой грустью не то спросил Мельникова, не то констатировал Борис.

– Да. Боря, а что означает сия машина? – В тоне Мельникова благожелательное удивление.

– Как что? – засмеялся Борис. – Простую вещь означает: что в моем департаменте о ценных кадрах заботятся лучше, чем у вас... Мне, например, уже тогда было обидно, что такой человек, как вы, распыляет себя в средней школе... месит грязь, рискует в гололед... Не только несправедливо, но и нерентабельно для общества! С гораздо более высоким КПД вас можно использовать...

Борис говорил это с тем особым дальновидным юмором, который амортизирует резкость любых суждений и не позволяет придраться к ним...

– Расскажи о себе, – переключил его Мельников.

– А что я? Я в порядке, Илья Семенович, жалоб нет.

– Женат?

– Свободен. – Юмор Бориса утратил долю своей естественности. – Да, кстати, ведь там у вас обосновалась одна наша общая знакомая?.. Как она?

– Рано судить, – с заминкой ответил Мельников. – Есть свои трудности, но у кого их нет?

– Так ведь она обожает их, трудности! Настолько, что создает их искусственно. Себе-то ладно, это дело вкуса, но другим она их тоже создает...

Помолчали. Мельникову хотелось спросить, что значат эти слова, но его что-то удерживало.

Вдруг, разом потеряв свой «амортизирующий» юмор, бывший ученик повернулся к Мельникову и жарко заговорил:

– Ну ладно: вам я скажу, вам это даже надо знать! Представьте себе невесту, которая буквально у входа в загс бормочет: «Прости меня», швыряет цветы и бежит от тебя! Бежит, как черт от ладана... Красиво? Мало того, что меня опозорили, мало того, что у моего отца был сердечный приступ, так еще сорвалась моя командировка в Англию. На год командировочка! Сами знаете, как они любят посылать неженатых! Да еще в страны НАТО! Про свои чувства я уж и не говорю...

Летели в окнах дрожащие, обгоняющие друг друга огни... Чтобы закруглить эту тему без насады и зла, Борис сказал:

– А вообще-то все к лучшему. Знаете такую песенку:

В жизни всему уделяется место,
Рядом с добром уживается зло...
Если к другому уходит невеста,
То неизвестно, кому повезло!

Огни, огни... Лиц мы не видим.

– Или я не прав?

– Прав, Боря, прав... Здесь можно остановить?

– Так ведь еще не ваш переулочек... я ж помню его!

– А не важно, я дворами – короче... Спасибо. Мне еще в аптеку...

– А вот и она, – сказал шофер Толик.

– Благодарю... Прав ты, Боря, в том, что мой КПД – он и впрямь мог быть существенно выше...

Хлопнула дверца.

«Волга» сначала медленно, словно недоумевающая, сопровождала Мельникова, идущего по тротуару, а затем рванула вперед.

* * *

Он ел без всякого интереса к пище, наугад тыкая вилкой и глядя в «Известия».

Его мать – старуха строгая, с породистым одутловатым лицом и умными глазами – сидела в кресле и смотрела, как он ест. Вздрагивающей ладонью она поглаживала по голове бронзовый бюстик какого-то древнего грека – Демосфена? Демокрита? Геродота? – словом, кого-то из них.

– Кто-нибудь звонил? – поинтересовался Мельников.

– Звонили... – Полина Андреевна не оживилась от вопроса.

– Кто же?

– Зрители.

– Кто-кто? – переспросил Мельников.

– Зрители кинотеатра «Художественный» – терпеливо объяснила мать. – Спрашивали, что идет, когда идет, когда бронь будут давать... У них 291–96, а у нас 241–96... вот и сцепились.

– Ну, это поправимо.

– А зачем поправлять? Не надо! Человеческие голоса услышу, сама язык развяжу... а то я уж людскую речь стала забывать!

Мельников засмеялся, покрутил головой:

– Мама! А если баню начнут спрашивать? Или Святейший Синод?

Старуха, не обратив внимания на эту издевку (над кем и над чем, спрашивается?), продолжала свое:

– Тебе не повезло. Тебе очень не повезло: в свои семьдесят шесть лет твоя мать еще не онемела... Она еще, старая гримза, хочет новости знать – о том о сем... Вот ведь незадача! Ей интересно, о чем сын думает, как работа у него, как дети слушаются... С ней бы, с чертовой перчницей, поговорить полчаса – так ей бы на неделю хватило... всё-ё бы жевала...

– Мама, но там не театр, там обычные будни. Я не знаю, что рассказывать, ей-богу... – Он честно попытался вспомнить. – Говорил я тебе, что к нам пришла работать Горелова? Моя ученица, помнишь, нет? Наташа Горелова, выпуск семилетней давности... Бывала она здесь...

Полина Андреевна просияла и повернулась к сыну всем корпусом:

– Ну как же. У нее роман был с этим...

– С Борей Рудницким. Ну вот тебе и все новости. – Мельников направился в свою комнату. – Нет, еще одна: сегодня ей сорвали урок...

Теперь он у себя.

Здесь властвуют книги. Верхние стеллажи – под самым потолком. Это не нынешние подписные собрания сочинений со знакомыми всем корешками, – нет, у этой библиотеки еще довоенный базис, старые издания – в большинстве.

На стене одна репродукция – с известной картины «Что есть истина?» Николая Ге. Диспут Понтия Пилата с Христом: для римского прокуратора Иудеи в слове «истина» – труха, но Сын Божий, хоть и близок к мукам Голгофы, а слова этого уступить не намерен...

Старенькое пианино с канделябрами, диван, рабочий стол. На столе, в сочетании, понятном одному хозяину, лежат том Шиллера, книжка из серии «Библиотека современной фантастики» и давно сделавшийся библиографической редкостью (а некогда еще и способный схлопотать своему владельцу беду!) журнал «Каторга и ссылка»...

Илья Семенович расслабил узел галстука, повалился на диван, взял одну из этих книг. Но нет, не читалось ему...

Глядя вверх страницы, он думал, курил и наконец, до чего-то додумавшись, резко поднялся, чтобы забрать от мамы к себе переносной телефонный аппарат. Когда он, путаясь в длинном перекрученном шнуре, направился к себе, Полина Андреевна весело окликнула его:

– Слушай, а привел бы ты ее к нам! Ведь будет же что вспомнить...

– Например?

– Ну как же. Например, как ты сам жаловался, что ее глазищи мешают тебе работать?..

Как уставятся молитвенно...

– Мама!

– Что? Или я сочиняю! Это что-нибудь да значило, а? Уж не знаю, куда глядел этот ее парень...

– Будет, мама, ты увлеклась, – перебил Мельников, рассерженно недоумевая (о чем это она?! что за бред!), и, потянув за собой телефонный шнур, ушел к себе, заперся.

– Нет, обязательно приведи! – в закрытую дверь сказала Полина Андреевна. – Скажи, я пригласила...

Разговор этот, похоже, взбесил Мельникова.

Он лежал и смотрел на телефон, стоящий на полу, как на заклятого врага. Отвернется в книгу. Потом посмотрит опять... Пресек наконец сомнения, набрал номер.

– Алло? Алло? – неразборчивым клекотом ответила трубка.

Мельников, после нелепо долгой паузы, спросил:

– Скажите, что у вас сегодня?.. Это кинотеатр?.. Нет... Странно...

Он надавил ребром ладони на рычажки, стукнул себя чувствительно трубкой по лбу. Тот же номер набрал снова.

– Наталья Сергеевна, извините, это я пошутил по-дурачки... От неловкости – в нелепость! Мельников говорит... Дело вот в чем... Я видел, как вы уходили зареванная... Это вы напрасно, честное слово. Если из-за каждой ошипанной вороны...

Но трубка остудила его порыв какой-то короткой фразой.

– Ах, сами... Ну добро. Добро. Извините.

Он сидит с закрытыми глазами. Резко обозначена впадина на щеке.

Пятница

Первый утренний звонок в 8:20 дается для проверки общей готовности. На него не обращают внимания.

Учительская гудит от разговоров, легко подключая к ним вновь прибывших, тем более что темы поминутно меняются. Кто-то между делом спешит допроверить тетради: на них вечно не хватает времени...

– Вчера, представляете, просыпаюсь в час ночи не на своей подушке...

– Да что вы? Это интересно...

– Ну вас, Игорь Степанович!.. Просыпаюсь я головой на тетрадке, свет в глаза... проверяла, проверяла – и свалилась!

– Аллочка, имейте совесть! – так обращались время от времени к химичке Алле Борисовне, которая могла висеть на телефоне все внеурочное время. Она роняла в трубку какие-то междометия, томно поддакивала, скрывая предмет своего разговора, и это особенно злило учителей.

– Угу... Угу... Угу... – протяжно, в нос произносит Аллочка. – Угу... Кисленьких... Угу... Как всегда... Угу... Грамм двести – триста.

Светлана Михайловна говорила с Наташей грубовато-ласково:

– Ну что такое стряслось? Нет, ты плечами не пожимай, ты мне глаза покажи... Вот так. Не обижаешься, что я говорю «ты»?

– Нет, конечно.

– Еще бы! Здесь теперь твой дом – отсюда вышла, сюда и пришла, так что обособляться некрасиво...

– Я не обособляюсь.

– Вот и правильно! Раиса Пална, а вы что ищете?

– Транспортир – большой, деревянный.

– На шкафу...

Мельников говорил в углу со старичком-географом, который постоянно имел всклокоченный вид, оттого что его борода росла принципиально криво. Илья Семенович возвращал ему какую-то книгу и ругал ее:

– Это, знаете, литература для парикмахерской, пока сидишь в очереди. Он же не дал себе труда разобраться: почему его герой пришел к религии? И почему ушел от нее? Для кого-то это вопрос вопросов – для меня, к примеру... А здесь это эффектный ход!..

Старичок-географ смущенно моргал, словно сам был автором ругаемой книжки.

Мельников замолчал. До него донесся сетующий насморочный голос учительницы начальных классов:

– И все время на себя любят! Крохотули такие, а уже искокетничались все... Им говоришь: не ложите зеркальце в парту! Его вообще сюда таскать запрещается. – Ложат, будто не слышали... Вчера даже овальное, на ручке ложили – представляете?

– Послушайте... нельзя же так!

Говорившая обернулась и уставилась на Мельникова, как и все остальные. Чем это он рассержен так?

– Я вам, вам говорю. Вы учитель, черт возьми, или...

– Вы – мне? – опешила женщина.

– «Ложить» – нет такого глагола. То есть на рынке-то есть, а для нас с вами – нету! Голубушка, Таисия Николаевна, как не знать этого? Не бережете свой авторитет, так пощадите чужие уши!..

Его минутная ярость явно перекрывала повод к ней. Он и сам это почувствовал, отвернулся, уже жалея, что ввязался. Учительница начальных классов издала горлом булькающий сдавленный звук и быстро вышла... Светлана Михайловна – за ней:

– Таисия Николаевна! Ну зачем, золотко, так расстраиваться?..

Потом была пауза, а за ней – торопливая разноголосица:

– Время, товарищи, время!

– Товарищи, где шестой «А»?

– Шестой «А» смотрит на вас, уважаемая... – (речь шла о классном журнале).

– Лидия Иванна, ключ от физики у вас?

– Там открыто. Только я умоляю, чтобы ничего не трогали... Вчера мне чуть не сорвали лабораторную...

Светлана Михайловна вернулась взбудораженная, красная, сама не своя. Перекрыв все голоса, она объявила Мельникову:

– Вот, Илья Семенович, в чужом-то глазу мы и соломинку видим... Весь ваш класс не явился на занятия. В раздевалку они не сдали ни одного пальто, через минуту второй звонок, а их никто не видел... Поздравляю.

Стало тихо в учительской. У Ивана Антоновича, у географа, что-то с грохотом посыпалось из портфеля, куда он засовывал книжку. Оказывается, он яблоками отоварился спозаранок и – без пакета...

– Я так и знала, что без Анны Львовны что-нибудь случится, – добавила Светлана Михайловна, ища взглядом Мельникова и – странное дело! – не находя. Отгороженный столом, Илья Семенович сидел на корточках и помогал старику собрать его несчастные яблоки (на глаз можно было определить, что кислятина!). Они вдвоем возились там – «история с географией», а учителя саркастически улыбались.

– Чей у них должен быть урок? – спросил Мельников. Он показался без очков над столом.

– Мой, – объявила Наташа.

И ножка ее отфутболила к Мельникову запыленное яблоко.

* * *

Мельников осматривался, стоя без пальто у дверей школы. Двор был пуст. Кувыркались на ветру прелые листья, качались молоденькие оголенные деревца. С развевающимся шарфом Илья Семенович пошел вдоль здания.

С тыльной стороны пристраивали к школе мастерские. Там был строительный беспорядок, стабильный, привычный, а потому уже уютный: доска, например, водруженная на старую трубу из котельной, образовала качели, леса и стальные тросы применялись для разных гимнастических штук; любили также пожарную лестницу... Здесь можно было переждать какую-нибудь опасность, покурить, поговорить с девчонкой – словом, свой девятый «В» Мельников не случайно обнаружил именно здесь.

Его увидели.

Кто-то первый дал сигнал тревоги, кто-то рванулся «делать ноги», но был остановлен... До появления Мельникова они стояли и сидели на лесах группками, а теперь все сошлись, соединились, чтобы ожидаемая кара пришлось на всех вместе и ни на кого в частности...

Генка Шестопал наблюдал за событиями сверху, с пожарной лестницы; он там удобно устроился и оставался незамеченным.

Мельников разглядел всю компанию. Они стояли, разлохмаченные ветром, в распахнутых пальто... Портфели их сложены на лесах.

– Здравствуйте, – сказал Илья Семенович, испытывая неловкость и скуку от предстоящего объяснения.

– Здравствуйте... – Они старались не смотреть на него.

– Бастуем, следовательно?

Они молчали.

– Какие же лозунги?

Сыромятников выступил вперед. Если лидер – он, поздравить этих архаровцев не с чем...

– Мы, Илья Семенович, знаете, за что выступаем? За уважение прав личности!

И многие загудели одобрительно, хотя и посмеиваясь. Сыромятников округлил свои глазки, неплохо умеющие играть в наив. Столь глубокие формулировки удавались ему не часто, и он осмелел.

– Надо, Илья Семенович, англичаночку призвать к порядку. Грубит.

Поглядел Мельников на длинное обиженное лицо этого верзилы – и не выдержал, рассмеялся.

Костя Батищев перекинулся взглядом с Ритой и отодвинул Сыромятникова.

– Скажи, Батя, скажи... – зашептали ему.

Костя заговорил, не вынимая рук из косых карманов своей замечательной теплой куртки:

– Дело вот в чем. Сперва Наталья Сергеевна относилась к нам очень душевно...

– За это вы сорвали ей урок, – вставил Мельников.

– Разрешите я скажу свою мысль до конца, – самолюбиво возразил Костя.

– Прежде всего вернемся в помещение. Я вышел, как видите, без пальто, а у меня радикулит...

Ребята посмотрели на Костю; он покачивал головой; явно ощущал красивый этот парень свою власть и над ними и над этим стареющим продрогшим очкариком...

– А вы идите греться, Илья Семенович, – позволил Батищев с дружелюбным юмором. – Не рискуйте, зачем? А мы придем на следующий урок.

– Демидова, ты комсорг. Почему ж командует Батищев? – не глядя на Костю, спросил Мельников.

Маленькая Света Демидова ответила честным взором и признанием очевидного:

– Потому что у меня воля слабее.

– А еще потому, что комсорг – это рабочая аристократия, – веселым тонким голосом объявил Михейцев.

– Пошутили – и будет, – невыразительно уговаривал Мельников. И смотрел на свои заляпанные глиной ботинки.

– А мы не шутим, Илья Семенович, – солидно и дружелюбно возразил Костя. – Мы довольно серьезно настроены...

– А если серьезно... тогда получите историческую справку! – молодеющим от гнева голосом сказал учитель. – Когда-то русское общество было потрясено тем, что петрашевцев к «высшей мере» приговорили – кружок, где молодой Достоевский был... где всего лишь читали социалиста Фурье, а заодно и знаменитое Письмо Белинского к Гоголю. И за это – гражданский позор на площади... надлом шпаги над головой... потом на эту голову – мешок... и тут должен был следовать расстрел! В последний миг заменили, слава богу, острогом.

...Или другое: из Орловского каторжного центра просочились мольбы заключенных о помощи: там применялись пытки...

В таких случаях ваши ровесники не являлись в классы. Бастовали. И называли это борьбой за права человеческой личности... Как Сыромятников.

Такая аналогия смутила ребят. Не сокрушила, нет, а именно смутила. До некоторой степени. А Мельникову показалось, что лекция его до абсурда неуместна здесь... что ребятам неловко за него!

– И что... помогали они? Ихние забастовки? – трусливо вобрал Сыромятников голову в плечи. Ответа не последовало.

– Предлагаю «не удлинять плохое», как говорили древние. Не слишком это порядочно – сводить счеты с женщиной, у которой сдали нервы. А? – Илья Семенович оглядел их всех еще раз и повернулся, чтобы уйти восвояси: аргументы он исчерпал, а если они не сработали, сцена становилась глупой.

Но тут он увидел бегущую сюда Наташу. Ребята насторожились, переглянулись: теперь учителей двое, они будут снимать стружку основательнее, злее... За ворону, за срыв уроков вчера и сегодня, за все...

Наталья Сергеевна была, как и Мельников, без пальто, но не мерзла – от возбуждения. Блестя сухими глазами, она сказала легко, точно выдохнула:

– Я хочу сказать... Вы простите меня, ребята. Я была не права!

И – девятый «В» дрогнул: в школе тех лет нечасто слышали такое от учителей, не заведено было. Произошло замешательство.

– Да что вы, Наталья Сергеевна! – хором заговорили девочки, светлея и сконфуживаясь.

– Да что вы... – заворчали себе под нос мальчишки.

– Нет, вы тоже свинтусы порядочные, конечно, но и я виновата...

Срывающийся голос откуда-то сверху сказал взволнованно:

– Это я виноват! Ворона-то – моя...

Все задрали головы и увидели забытого наверху Генку. Он еще что-то пытался сказать, спускаясь с лестницы, но все потонуло во взрыве смеха по его адресу. Обрадовался разрядке девятый «В»!..

– А я на Сыромятникова подумала!

– Что вы, Наталья Сергеевна, я ж по крупному рогатому скоту!

...Мельников, стоя спиной к ним, завязывал шнурок на ботинке и горевал о том, что сполна избавиться теперь от жидкой глины, на обувь налипшей, получится только дома; а как в этом виде на уроки являться? Ветер трепал его шарф и волосы. У него было такое чувство – неразумное, конечно, но противное, – будто вся компания смеется над ним. И Наташа тоже.

* * *

Потом урок английского шел своим чередом. Зная, что они похитили у Натальи Сергеевны уйму времени, ребята старались компенсировать это утроенным вниманием и активностью.

– What is the English for...³ ехать верхом? – спрашивала звонко Наташа.

В приливе симпатии к ней поднимался лес рук. Все почему-то знали, как будет «ехать верхом»!

– To ride-rode-ridden! – бодро рапортовал Сыромятников. Даже он знал!

Но тут вошла в класс Светлана Михайловна. Все встали.

– Ах, все-таки пожаловали? – удивленно сказала она. – Извините, Наталья Сергеевна. Я подумала, что надо все-таки разобраться. В чем дело? Кому вы объявили бойкот? Садитесь, садитесь. Воспользовались тем, что завуч бюллетенит, что учительница молодая... так? – Она

³ Как по-английски сказать... (англ.)

ходила по рядам. – Только не нужно скрытничать. Никто не собирается пугать вас административными мерами. Я просто хочу, чтобы мы откровенно, по-человечески поговорили: как это вас угораздило – не прийти на урок? Чья идея?

Молчит девятый «В» в досаде и унынии: опять двадцать пять!

– Так мы уже все выяснили! – сказал Батищев.

– Наталья Сергеевна сама знает, – подхватила Света Демидова.

– Да... у нас уже все в порядке, Светлана Михайловна, – подтвердила Наталья Сергеевна.

– О... Так у вас, значит, свои секреты, свои отношения... – Светлана Михайловна улыбалась ревниво. – Ну-ну. Не буду мешать.

По классу облегченный вздох прошелестел, когда она вышла.

* * *

Школьная нянечка, тетя Граня, выступала в роли гида: показывала исторический кабинет трем благоговейно притихшим первоклассникам.

– Вишь, как давно напечатано. – Она подвела их к застекленному стенду с фотокопиями «Колокола», «Искры» и пожелтевшим траурным номером «Правды» от 22 января 1924 года. – Ваших родителей, не только что вас, еще не было на свете... Вот ту газету читали тайно, за это царь сажал людей в тюрьму!

– Или в концлагерь, – компетентно добавил один из малышей.

– Ишь ты! Не, до этого уже после додумались... А ну, по чтению у кого пятерка?

– У него, – сказали в один голос две девочки, – у Скороговорова!

– Ну, Скороговоров, читай стишок.

Она показывала на изречение, исполненное плакатным пером:

Кто не видит вещим оком
Глуби трех тысячелетий,
Тот в невежестве глубоком
День за днем живет на свете.

(И. В. Гёме)

Шестилетний Скороговоров, красный от усилий и от общего внимания, громко прочел два слова, а дальше затруднился. Тут вошел Мельников.

– Это, Илья Семеныч, из первого «А» малышня, – спокойно ответила на его недоумение тетя Граня. – У них учительница вдруг заболела и ушла, а что им делать – не сказала. Вот мы и сделали посещение... А трогать ничего не трогали.

– Ну-ну, – неопределенно сказал Мельников и подошел к окну. Внезапно он понял что-то...

– А как зовут вашу учительницу? – спросил он у малышей.

– Таисия Николаевна! – ответил Скороговоров.

А одна из девочек сказала, переживая:

– На арифметике она все плакать хотела. А второго урока уже не было.

Мельников понял: да, та самая, которую он унизил за вульгарный глагол... «Ложат зеркало в парту»... Господи, а как надо было? Ясно одно: не так, как он. Иначе!

– Илья Семеныч, а вот как им объяснить, таким клопам, выражение «вещим оком»? Сама-то понимаю, а сказать...

Рассеянный, печальный, Мельников не сразу понял, чего от него хотят. Взгляд тети Грани приглашал к плакату.

– Ну, вещим – пророческим, значит. Сверхпроницательным...

Первоклассники смотрели на него, мигая.

– Спасибо вам. – Граня поджала губы и заторопила детей. – Пошли в химию, не будем мешаться...

* * *

...Эта комната фактически принадлежала ему, Мельникову. Ничего тут особенного: карты на стенах. Два-три изречения. Вместительный книжный шкаф – там сочинения Герцена, Ключевского, Соловьева, Тарле... Плюс избранное из классиков марксизма, конечно (Илья Семенович был в особом контакте с ранним Марксом, с молодым...). Доска тут – но не школьная, а лекционная, поменьше.

Илья Семенович провел пальцами по книжным корешкам. Поднял с пола кнопку и прищипил свисавший угол карты... Потом взял мелок и принялся рисовать на доске что-то несуразное.

Он оклеветал самого себя: сначала вышел нос с горбинкой, потом его оседлали очки, из-под них глянули колючие глаза... Вот очерк надменного рта, а сверху, на черепе, посажен белый чубчик, похожий на язык пламени...

Все преувеличено, все гротеск, а сходство схвачено, и еще как остро! Мельников подумал и туловище нарисовал... птичье! Отошел, поглядел критически – и добавил кольцо, такое, как в клетке с попугаем. Теперь замысел прояснился: тов. Мельников – попугай.

Но Илья Семенович был недоволен. Туловище он стер и на сей раз несуетливыми, плавными штрихами любовно обратил себя в верблюда!

И опять ему показалось, что это не то... И не дилетантская техника рисунка смущала его, а существо дела: это шел «поиск себя»...

* * *

На доске были написаны темы:

1. Образ Катерины в драме Островского «Гроза».
2. Базаров и Рахметов (сравнительная характеристика).
3. Мое представление о счастье.

Девятый «В» писал сочинение.

Светлана Михайловна бесшумно ходила по рядам, заглядывала в работы, давала советы.

Иногда ее спрашивали:

- А к «Счастью» эпиграф обязательно?
- Желательно.
- А выйти можно?
- Только поживей. Одна нога там, другая – тут...

Генка Шестопал вертелся и нервничал. У него было написано: «Счастье – это, по моему...»

Определение не давалось.

Он глядел на Риту, на прядку, свисающую ей на глаза, на ожесточение, с которым Рита дула вверх, чтобы эту прядку прогнать, и встряхивала авторучкой, чтобы не кончались чернила... Генка смотрел на нее, и, в общем, идея счастья казалась ему ясной, как день, но на бумагу перенести ее было почему-то невозможно...

Да и стоит ли?

Светлана Михайловна остановилась перед ним:

- И долго мы будем вертеться?

Генка молчал, насупившись.

– Ну соберись, соберись! – бодро сказала учительница и взъерошила Генкины волосы. – Знаешь, почему не пишется? Потому что туман в голове, сумбур... Кто ясно мыслит, тот ясно излагает!..

...И снова рабочая тишина.

* * *

Была большая перемена.

Младшие ребята гоняли из конца в конец коридора, вклиниваясь в благопристойные ряды старшеклассников, то прячась за ними, то чуть не сбивая их с ног...

Школьный радиоузел вещал:

«...Вымпел за первое место по самообслуживанию среди восьмых классов получил восьмой „Б“, за дежурство по школе – восьмой „Г“. Второе и третье места поделили...»

Мельников стоял, соображая с усилием, куда ему надо идти. Подошла Наташа.

– Что с вами? У вас такое лицо...

– Какое?

– Чужое.

– Это для конспирации.

Наташа спросила, чтоб растормошить его:

– Да, мы не dospорили: так как насчет «дистанции», Илья Семеныч? Держать ее... или как?

Мельников ответил серьезно, не сразу:

– Не знаю. Я, Наталья Сергеевна, больше вам не учитель.

– Вижу! – огорченно и дерзко вырвалось у нее.

Помолчали.

– Где же наши? – Наташа оглядывалась и не находила никого из девятого «В».

– Пишут сочинение. У меня отобрали под это урок.

– Вам жалко?

– Жалко, что не два.

Слова были сухие и ломкие, как солома.

– Пойдемте посмотрим, – предложила Наташа, и Мельников пожал плечами, но пошел за ней к двери девятого «В» – по инерции, что ли...

Наташа заглянула в щель:

– «Мое представление о счастье»... Надо же! Нам Светлана Михайловна таких тем не давала, мы писали все больше про «типичных представителей»... А физиономии-то какие: серьезные, одухотворенные...

Слышит ли он ее? О чем думает?

– А Сыромятников списывает! – углядела Наташа. – Чужое счастье ворует...

– Это будет перед вами изо дня в день, налюбуетесь, – отозвался Мельников.

Гудела, бурлила, смеялась большая перемена. Ребячья толкотня напоминала «броуново движение», как его рисовали в учебнике Перышкина.

– Не понимаю, как они пишут такую тему, – вздохнула Наташа. – Это ж невозможно объяснить – счастье! Все равно что прикрепить к бумаге солнечный зайчик...

– Никаких зайчиков. Все напишут, что счастье в труде, в борьбе...

Он был сейчас похож на праздного, постороннего в школе человека. Что это – позиция? Поза? Тоска?

Открылась дверь, выглянула Светлана Михайловна. Дверью она отгородила от себя Наташу, видела одного Мельникова.

– Может быть, зайдете? – предлагает она. Но, перехватив его взгляд, оборачивается: ах вот что! Воркуете? Но нельзя ли подальше отсюда, здесь работа идет, сказал ее взгляд. Резко закрылась за ней дверь. Прозвенел звонок.

– У меня урок, – говорит Наташа.

– А я свободен, – с шалой усмешкой, с вызовом даже отвечает Мельников, словно он неприкаянный, но гордый люмпен, а она – уныло-старательный клерк.

И они разошлись.

* * *

Девятый «В» писал сочинение второй урок подряд, не разогнувшись и в перемену.

Молча протянула Светлане Михайловне свои листки Надя Огарышева, смуглая тихоня.

Генка взял себя в руки и дописал наконец первую фразу: «Счастье – это, по-моему, когда тебя понимают».

Когда он поднял голову, Светлана Михайловна растерянно глядела в сочинение Огарышевой.

– Надюша... золотце мое самоварное! Ты понимаешь, что ты понаписала, а? Ты себе отчет отдаешь? – Она сконфуженно, натянуто улыбалась, глядя то в листки, то на ученицу, а в глазах у нее была паника. – Я всегда за искренность, ты знаешь... потому и предложила вам такую тему! Но что это за мечты в твоём возрасте, ты раскинь мозгами-то...

– Я, Светлана Михайловна... думала... что вы... – Надя Огарышева стоит с искаженным лицом, наматывает на палец колечко волос и выпаливает наконец: – Я дура, Светлана Михайловна! Ой, какая же я дура...

– Это печально, но все-таки лучше, чем испорченность. – Светлана Михайловна говорила уже мягче: девочка и так себя казнит...

Класс с интересом следил за разговором, почти все оторвались от своей писанины.

– А чего ты написала, Надь? – простодушно спрашивает Черевичкина.

– Ну не хватало только зачитывать это вслух! – всплеснула руками Светлана Михайловна и строго окинула взглядом растревоженный класс: – В чем дело, друзья? Почему не работаем?

– А почему не прочесть? – напирал Михейцев. – А вдруг мы все, вроде Огарышевой, неправильно пишем?

– Успокойся, тебе такое в голову не придет...

Понятно, что такие слова только подогрели всеобщую любознательность... Даже сквозь смуглоту Надиной кожи проступила бледность. Она вдруг сказала:

– Отдайте мое сочинение, Светлана Михайловна.

– Вот правильно! Возьми и порви, я тебе разрешаю. И попробуй написать о Катерине, может быть, успеешь... И никогда больше не пиши такого, что тебе самой же будет стыдно прочесть!

– А мне не стыдно, Светлана Михайловна. Я прочту!

– Ты... соображаешь?! – всплеснула руками Светлана Михайловна. – В классе мальчишки!

– Но если вам можно знать, то им и подавно, – объявила Рита.

Класс поддержал ее дружно и громко.

– Замолчите! Отдай листки, Огарышева!

– Не отдам, – твердо сказала Надя.

– Ну хорошо же... Пеняй на себя! Делайте что хотите! – обессилив, сказала Светлана Михайловна и, высоко подняв плечи, отошла в угол класса...

– Молчишь? Нет, теперь уж читай!

Повадился мельниковский класс срывать уроки! Сейчас это выражалось в демонстративном внимании, с каким они развесили уши...

Надя Огарышева читала крамольное сочинение срывающимся голосом, без интонаций:
– «...Если говорить о счастье, то искренно, чтобы шло не от головы. У нас многие стесняются написать про любовь, хотя про нее думает любая девчонка, даже самая несимпатичная, которая уже не надеется. А надеяться, по-моему, надо!..»

Тишина стояла такая, что даже Сыромятников, который скалился своей лошадиной улыбкой, вслух засмеяться не рисковал. Девчонки – те вообще открыли рты...

– «Я, например, хочу встретить такого человека, который любил бы детей, потому что без них женщина не может быть по-настоящему счастливой. Если не будет войны, я хотела бы иметь двоих мальчиков и двоих девочек...»

Сыромятников не удержался и свистнул в этом месте, за что получил книгой по голове от коротышки Светы Демидовой.

Надя продолжала, предварительно упрямо повторив:

– «...двоих мальчиков и двоих девочек! Тогда до конца жизни никто из них не почувствует себя одиноким, старшие будут оберегать маленьких, вот и будет в доме счастье.

Когда в последнее время я слышу плохие новости или чье-нибудь нытье, то думаю: но не закрываются же роддома, действуют, – значит, любовь случается, и нередко, а это значит, что грешно клеветать на жизнь, грешно и глупо! Вспоминается, как светилась от радости Наташа Ростова, когда она, непричесанная, в халате, забывшая о приличиях высшего света, выносит гостям пеленку – показать, что у маленького желудок наладился... Здесь Толстой влюблен в жизнь и в образ матери! Кстати, именно на этих страницах я поняла, что Толстой – окончательный гений!»

Светлане Михайловне демонстративно весело стало:

– Ну слава богу! А мы все нервничали: когда же Огарышева окончательно признает Толстого?!

А Надя пропустила издевку мимо ушей и сказала последнюю фразу:

– Я ничего не писала о труде. Но разве у матерей мало работы?

Класс молчал.

Надя стояла у своей второй парты с листками и глядела не на товарищей, а в окно, и все мотала на палец колечко волос...

– Ну и что? – громко и весело спросил учительницу Генка.

И весь девятый «В» подхватил, зашумел – облегченно и бурно:

– А действительно, ну и что? Чем это неправильно?

– Ну, знаете! – только и сумела сказать Светлана Михайловна. Куда-то подевались все ее аргументы... Она могла быть сколь угодно твердой до и после этой минуты, но сейчас, когда они все орали «ну и что?», Светлана Михайловна, вдруг утратив позицию, почувствовала себя ужасно, словно стояла в классе голая...

А Костя Батищев нашел, чем ее успокоить:

– Зря вы разволновались, Светлана Михайловна: она ведь собирается занять детей от законного мужа, от своего – не чужого!

– А ну хватит! – кричит Светлана Михайловна и ударяет изо всех сил ладонью по столу. – Край света, а не класс... Ни стыда ни совести!

Потом у нее наверняка болела ладонь...

* * *

Дверь кабинета истории приоткрыла немолодая женщина в платке и пальто, с пугливо-внимательным взглядом.

– Разрешите, Илья Семенович?

– Входите...

Женщина боком вошла, подала ему сухую негибкую руку:

– Здравствуйте...

– Напрасно вы ходите, товарищ Левикова, честное слово.

– Почему... напрасно? – Она присела и вынула платок. – Я уж не просто так, я с работы отпрашиваюсь...

– Не плакать надо передо мной, а больше заниматься сыном.

– Но вчера-то, вчера-то вы его опять вызывали?

В дверь заглянула Наташа:

– Илья Семенович... Извините, вы заняты?

Он покосился и жестом предложил ей сесть, не ответив.

– Я только две минуточки! – жалобно обратилась родительница теперь уже к Наташе. Та смущенно посмотрела на Мельникова, села поодаль.

– Я говорю, вчера-то вы опять его вызывали...

– Вызывал, да. И он сообщил нам, что Герцен уехал за границу готовить Великую Октябрьскую революцию. Вместе с Марксом. Понимаете – Герцен! Это не укладывается ни в одну отметку.

– Вова! – громко позвала женщина.

Вова, оказывается, был тут же, за дверью. Он вошел, морща нос и поводя белесыми глазами по сторонам. Левикова вдруг дала ему подзатыльник.

– Чего дерешься-то? – хрипло спросил Вова; он, конечно, ожидал этого, но попозже; он недопонял, почему сразу, уже на входе...

– Ступай домой, олух, – скорбно сказала ему мать. – Дома я тебе еще не такую революцию сделаю... И за границу...

– Это не метод! – горячо сказала Наташа, когда Вова вышел, почесываясь. Левикова поглядела на нее, скривила губы и не сказала ничего. Обратившись к Мельникову, ее лицо опять стало пугливо-внимательным. И все время был наготове носовой платок.

– Стало быть, как же, Илья Семенович? Нам ведь никак нельзя оставаться с единицей, я уже вам говорила... Ну выгонят его из Дома пионеров, из ансамбля этого... И куда он пойдет? Вот вы сами подумайте... Обрато во двор? Хулиганить?

Мельников испугался, что она заплачет, и перебил, с закрытыми глазами откинувшись на спинку стула:

– Да не поставил я единицу! «Три» у него. «Три»... удовлетворительно...

– Вот спасибо-то! – встала, всплеснув руками, женщина.

– Да нельзя за это благодарить, стыдно! Вы мне лишний раз напоминаете, что я лгу ради вас, – взмолился Илья Семенович.

– Не ради меня, нет... – начала было Левикова, но он опять ее перебил:

– Ну во всяком случае, не ради того, чтобы Вова плясал в этом ансамбле... Ему не ноги упражнять надо, а память и речь, и вы это знаете!

Уже стоя в дверях, Левикова снова посмотрела на Наташу, на ее ладный импортный костюмчик, и недобрый огонь засветился в ее взгляде. Она вдруг стала выкрикивать, сводя с кем-то старые и грозные счеты; такой страсти никак нельзя было в ней предположить по ее первоначальной пугливости:

– Память? Память – это верно, плохая... И речь... А вы бы спросили, почему это? Может, у него отец... потомственный алкоголик? Может, парень до полутора лет головку не держал, и все говорили, что не выживет? До сих пор во дворе доходягой дразнят!

Слезы сдавили ей горло, и она закрыла рот, устыдившись и испугавшись собственных слов.

– Извините. Не виноваты вы... И которая по русскому – тоже говорит: память... и по физике...

И Левикова вышла.

Молчание. Наташе показалось, что угрюмая работа мысли, которая читалась в глазах Мельникова, не приведет сейчас ни к чему хорошему. Поэтому с искусственной бодростью сказала:

– А я вот за этой партой сидела!..

Он озадаченно поглядел на стол, на нее...

– Извините меня, Наташа.

Он вышел из кабинета истории...

* * *

...и рванул дверь директорского кабинета.

Сыромятников, почему-то оказавшийся в приемной, шарахнулся от него.

Директор, Николай Борисович, собирался уходить. Он был уже в плаще и надевал шляпу, когда появился Мельников.

– Ты что хотел? – спросил директор, небрежно прибирая на своем столе.

– Уйти в отпуск. – Мельников опустил на стул.

– Что? – Николай Борисович тоже сел – просто от неожиданности. – Как в отпуск? Когда?

– Сейчас.

– В начале года? Да что с тобой? – Николая Борисовича даже развеселило такое чудачество.

– Я, видимо, нездоров...

– Печень? – сочувственно спросил директор.

– Печень не у меня. Это у географа, у Ивана Антоновича...

– Прости. А у тебя что?

– Да так... общее состояние...

– Понимаю. Головокружения, упадок сил? Понимаю...

– Могу я писать заявление?

– Илья, а ты не хитришь? Может, диссертацию надумал кончать? – прищурился Николай Борисович.

Мельников покрутил головой.

– Это уже история...

– А зря. Я даже хотел тебе подсказать: сейчас для твоей темы самое время!

– Прекрасный отзыв о научной работе... и могучий стимул для занятий ею, – скривился Мельников и, отойдя к окну, стал смотреть во двор. Николай Борисович не обиделся, лишь втянул в себя воздух, словно заряжаясь новой порцией терпения: он знал, с кем имеет дело.

– Слушай, ты витамин бэ двенадцать не пробовал? Инъекции в мягкое место? Знаешь, моей Галке исключительно помогло. И клюкву – повышает гемоглобин! И печенку – не магазинную, а с базара...

– Мне нужен отпуск. Недели на три, на месяц. За свой счет.

– Это не разговор, Илья Семеныч! Ты словно первый день в школе... Для отпуска в середине года требуется причина настолько серьезная, что не дай тебе бог...

Директор снял шляпу и говорил сурово и озабоченно.

– А если у меня как раз настолько? Кто это может установить?

– Медицина, конечно.

Мельников повернулся к окну. Ему видны белая стена и скат крыши другого этажа; там прыгала ворона с коркой в клюве, выискивала место для трапезы... Вот зазевалась на миг, и эту корку у нее утащили из-под носа раскричавшиеся на радостях воробьи.

– Мамаша как поживает?

– Спасибо. Кошечку ищет.

– Что?

– Кошку, говорю, хочет завести. Где их достают, на Птичьем рынке?

Директор пожал плечами и всмотрелся в заострившийся профиль Мельникова.

– Да-а... Вид у тебя, прямо скажем, для рекламы о вреде табака... – И, поглядывая на него испытующе, добавил тихо: – А знаешь, я Таню встретил... Спрашивала о тебе. Она замужем и, судя по некоторым признакам, – удачно...

Мельников молчал.

– Слышишь, что говорю-то?

– Нет. Ты ведь меня не слышишь.

Николай Борисович помолчал и отвернулся от него. Они теперь – спинами друг к другу.

– А ты подумал, кем я тебя заменю? – рассердился Николай Борисович.

– Замени собой. Один факультет кончали.

Директор посмотрел на него саркастически:

– У меня же «эластичные взгляды», я легко перестраиваюсь, для меня «свежая газета – последнее слово науки»... Твои слова?

– Мои. – Мельников выдержал его взгляд.

– Видишь! А ты меня допускаешь преподавать, калечить юные души... Я, брат, не знал, куда прятаться от твоего благородного гнева, житья не было, – горько сказал Николай Борисович и продолжал серьезно, искренне: – Но я тебя всегда уважал и уважаю... Только любить тебя – трудно... Извини за прямоту. Да и сам ты мало ведь кого любил, а? Ты честность свою любил, холил ее, пылинки с нее сдувал... – как-то грустно закончил он.

– Ладно, не люби меня, но дай отпуск, – гнул свое Мельников.

– Не дам, – жестко отрезал директор. – На тахте – оно спокойней, конечно... И честность – под подушку, чтоб не запылелась!

– Про тахту – глупо: у меня бессонница. А что касается честности – да, она гигиены требует, ничего странного. Как зубы, скажем. Иначе – разрушается помаленьку и болит, ноет... Не ощущал?

– Что? Зубы-то? – запутался Николай Борисович. – Да нет, уже нет... Могу дать хорошего протезиста – надо?

– Ты подменил тему, Коля, – засмеялся Мельников. – Сплутовал!

– Слушай, отстань! Седой мужик, пора понимать: твоими принципами не пообедаешь, не поправишь здоровья, не согреешься...

– Конечно. Это тебе не шашлык, не витамин бэ двенадцать, не грелка...

Мельников прошелся по кабинету, взял с полки какое-то пособие, полистал.

– Ты никогда не размышлял о великой роли бумаги?

– Бумаги?

– Да! Надо отдать ей должное: все выдерживает! Можно написать на ней: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», а можно – кляuzu на соседа... Можно взять мою диссертацию, изъять один факт (один из ключевых, правда), изменить одну тракточку – и действительно окажется, что для нее «самое время»! Да ведь противно... Души-то у нас не бумажные, Коля! И уж во всяком случае, у ребят не должны они стать бумажными! – грохотал Мельников. – Вот учебник этого года! Этого!..

Николай Борисович поднял на него унылые глаза:

– Да чего ты петушишься? Кто с тобой спорит?

– Никто. Все согласны. Благодать!..

* * *

Светлана Михайловна сидела в учительской одна, как всегда склонившись над ученическими работами. Тихо вошла Наташа, сунула классный журнал в отведенную ему щель фанерного шкафчика и присела на стул. Внимательно посмотрела на нее Светлана Михайловна. И сказала:

– Хочешь посмотреть, как меня сегодня порадовали? – Она перебрала на край стола листки сочинения...

Наташа прочитала и не смогла удержать восхищенной улыбки:

– Интересно!

– Еще бы, – с печальной язвительностью кивнула Светлана Михайловна: она ждала такой реакции. – Куда уж интересней: душевный стриптиз!

– Я так не думаю.

(Теперь-то уж никаких сомнений: это они работу Нади Огарышевой обсуждали...)

– И не надо! Разный у нас с тобой опыт, подходы разные... принципы... – словно бы согласилась Светлана Михайловна и усмешливо подытожила: – А цель одна...

Потом протянула еще один листок, где была та единственная, знакомая нам фраза («Счастье – это когда...»). И пока Наташа вникала в нее, ветеранша рассматривала свою бывшую ученицу со всевидящим женским пристрастием... А потом объявила:

– Счастливая ты, Наташа...

– Я? – Наташа усмехнулась печально. – О да... дальше некуда... Вы знаете...

– Знаю, девочка, – перебила Светлана Михайловна, словно испугавшись возможных ее откровений. И обе женщины замолчали, обе отвели глаза. А потом с грубоватой простотой Светлана Михайловна такое сказала, что пришел Наташин черед испугаться:

– Только с ребеночком не затягивай, у учителей это всегда проблема. Эта скороспелка, – она взяла из Наташиных рук листочки Нади Огарышевой, – в общем-то, права, хотя не ее ума это дело.

Наташа смотрела на Светлану Михайловну растерянно, земля уходила у нее из-под ног...

– Да-да, – горько скривила губы та, – а то придется разбираться только в чужом счастье...

И стало видно вдруг, что у нее уже дряблая кожа на шее, и что недавно она плакала, и что признания эти оплачены такой ценой, о которой Наташа не имеет понятия...

– Тут оно у меня двадцати четырех сортов, на любой вкус, – показала Светлана Михайловна на сочинения. – Два Базарова, одна Катерина... А все остальное – о счастье...

Тихо было в учительской и пусто.

– Ты иди, – сказала Светлана Михайловна Наташе.

* * *

Люди, давно и близко знакомые, узнали бы невероятные вещи друг о друге, если бы могли... поменяться сновидениями!

Николаю Борисовичу, директору школы, часто снилось, как в пятилетнем возрасте его покусали пчелы. Как бежал он от них, беззвучно вопя, а за ним гналась живая, яростная мочалка – почти такая же, как у Чуковского в «Мойдодыре», только ее составляли пчелы! Маленький директор бежал к маме, но попадал в свой взрослый кабинет... Там сидел весь педсовет, и вот, увидев зареванного, на глазах опухающего дошколенка, учителя начинали утешать его, дуть на укушенные места, совать апельсины и конфеты; они позвали школьную медсестру, та затеяла примочки, а Мельников будто бы говорил:

– Терпи, Коленька. Спартанцы еще и не такое терпели... Рассказать тебе про спартанского царя Леонида?

Не очень понятно, к чему это написано... Не затем, во всяком случае, чтобы буквально снимать это все в кино! Тем более, что часто и справедливо сны советуют понимать наоборот. Вот и здесь перевертыш: хотя своих «пчел» и «укусов» хватало в жизни обоих, но в ту пятницу именно Мельников устал отбиваться от них. Без церемоний расхаживал он по этому начальственному кабинету, погруженный в себя и в свое раздражение. Не столько просил, сколько требовал помощи!

А директор, не умея помочь, просто маялся заодно с ним. Чем поможешь в такой туманной беде? Интеллигентская она какая-то, странная, ускользающая от определений... Многие припечатали бы: с жиру бесится! Подмывает издевательски цитировать «Гамлета» и «Горе от ума»! Но Илью так не отрезвить: он легко подомнет Николая Борисовича на этом поле, выигрывает по очкам. А попутно договорится до гораздо худшей, до реальной беды! Черт... Не толковать же с ним о спартанцах, в самом деле, об этих античных чемпионах выносливости?

Шляпа Николая Борисовича брошена на диван, а хозяин ее – с голодухи, видимо, – настроен сейчас элегически.

– Историк! – произнес он с едкой усмешкой. – Какой я историк? Я завхоз, Илья... Вот достану новое оборудование для мастерских – радуюсь. Кондиционеры выбью – горжусь! Иногда тоже так устанешь... Мало мы друг о друге думаем. Вот простая ведь: завтра – двадцать лет, как у нас работает Светлана Михайловна. Двадцать лет человек днюет и ночует здесь, вкалывает за себя и за других... Думаешь, почесался кто-нибудь, вспомнил?

– Ну так соберем по трешке... и купим ей... крокодила, – бесстрастно предложил Мельников.

– У тебя даже шутки принципиальные. И ты мне с этим юмором – надоел! – сказал Николай Борисович, возобновляя свое облачение, чтобы уйти, наконец.

– Вот и отлично... И дай мне отпуск.

– Не дам! – заорал директор.

– На три недели. А если нельзя – освобождай совсем, к чертовой матери!

– Ах, вот как ты заговорил... Куда ж ты пойдешь, интересно? Крыжовник выращивать?

Мемуары писать?

– Пойду в музей. Экскурсоводом.

– А ты что думаешь, в музеях экспонаты не меняются? Или тракторки?

– Я не думаю...

– Какого ж рожна...

– Там меня слушают случайные люди... Раз в жизни придут и уйдут. А здесь...

– Меня твои объяснения не устраивают!

– А учитель, который перестал быть учителем, тебя устраивает?!

– Ну-ну-ну... Как это перестал?

– Очень просто. Сеет «разумное, доброе, вечное», а вырастает белена с чертополохом.

– Так не бывает. Не то сеет, стало быть.

Мельников неожиданно согласился:

– Точно! Или вовсе не сеет, только делает вид, по инерции... А лукошко давно уж опустело...

– Ну, знаешь... Давай без аллегорий. Мура это все, Илюша. Кто же у нас учитель, если не ты? И кто же ты, если не учитель?

Мельников поднял на него измученные глаза и сказал тихо:

– Отпусти меня, Николай! Честное слово... а? Могут, в конце концов, быть личные причины?

И Николай Борисович сдался. Оттягивая узел галстука вниз, он выругался и крикнул:

– Пиши свое заявление... Ступай в отпуск, в музей... в цирк! Куда угодно...

Мельников, ссутулясь, вышел из кабинета – и увидел Наташу. Она сидела в маленькой полуприемной-полуканцелярии и ждала. Кого?

Вслед за Мельниковым, еще ничего не успевшим сказать, вышел директор.

– Вы ко мне?

– Нет.

Заинтригованный Николай Борисович перевел взгляд с Наташи на Мельникова и обратно. Как ни устал Эн Бэ от этих бурных прений, а все же отметил с удовольствием, что новая англичаночка, независимо даже от ее деловых качеств, украшает собой школу.

Всем почему-то стало неловко.

Эн Бэ вдруг достал из портфеля коробку шоколадных конфет, зубами (руки были заняты) развязал шелковый бантик на ней и галантно предложил:

– Угощайтесь.

Каждый из троих взял по конфете.

Директор еще постоял в некоторой задумчивости, покрутил головой и поведал Наташе:

– Честно говоря, жрать хочется! Всего доброго...

А Мельникову показал кулак и ушел.

– Пойдемте отсюда, – спокойно сказала Наташа и подала Илье Семеновичу его портфель, который она не забыла захватить и с неловкостью прятала за спиной. Из школы вышли молча. Ему надо было собраться с мыслями, а она не спешила расспрашивать, спасибо ей.

Во дворе Мельников глубоко втянул в себя воздух и вслух порадовался:

– А здорово, что нет дождя.

Под дворовой аркой они опять увидели Николая Борисовича, которого держал за пуговицу человек в макинтоше и с планшеткой – видимо, прораб. Он что-то напористо толковал про подводку газа и убеждал директора пойти куда-то, чтобы лично убедиться в его, прораба, правоте.

Мельников и Наташа прошли мимо них. Взглядом страждущим и завистливым проводил их Эн Бэ.

* * *

В этот час в школе задерживались после уроков несколько человек из девятого «В».

– Ребята, ну давайте же поговорим! – убеждала их изо всех сил комсорг Света Демидова. – Сыромятников, или выйди, или сядь по-человечески.

Сыромятников сидел на парте верхом и, отбивая ритм на днище перевернутого стула, исполнял припев подхваченной где-то песенки:

Бабка!
Добра ты, но стара.
Бабка!
В утиль тебе пора!
По науке строгой
Создан белый свет.

Бабка,
ну, ей-богу,
никакого Бога нет!

Костя Батищев и Рита тихонько смеялись на предпоследней парте у окна. Он достал из портфеля человечка, сделанного из диодов и триодов, и заставлял его потешать Риту.

Черевичкина ела свои бутерброды; Михейцев возился с протекающей авторучкой; Надя Огарышева и Генка сидели порознь, одинаково хмурые.

– Ну что, мне больше всех надо, что ли? – отчаивалась Света. – Сами же кричали, что скучно, что никакой работы не ведем... Ну, предлагайте!

– Записывай! – прокричал ей Костя. – Мероприятие первое: все идем к Надьке Огарышевой... на крестины!

Надя с ненавистью посмотрела на него, схватила в охапку свой портфельчик и выбежала.

– Взбесилась она, что ли... Шуток не понимает... – в тишине огорченно и недоумевающе сказал Костя.

– Ну зачем? – вступился за Надю Михейцев. – Человеку и так сегодня досталось зря...

– А пусть не лезет со своей откровенностью! – отрезал Костя. – Мало ли что у кого за душой, – зачем это все выкладывать в сочинении? Счастье на отметку! Бред...

– А сам ты что написал? – спросил Генка угрюмо.

– Я-то? А я вообще не лез в эту тему, она мне до фонаря! Я тихо-мирно писал про Базарова...

– По науке строгой
Создан белый свет.
Бабка,
Ну, ей-богу,
Никакого Бога нет! –

прицепилась эта песенка к Сыромятникову и не хотела отстать.

– Кончай, – сказал ему Генка. – Батищев прав: из-за этого сочинения одни получились дураками, другие – паскудами...

– Почему? – удивилась Черевичкина. – Чего ты ругаешься-то?

– Ну мы же не для этого собрались, Шестопал! – продолжала метаться Света Демидова. – Не для этого!

– Сядь, Света, – морщась, попросил Генка. – Ты хороший человек, но ты сядь... Я теперь все понял: кто писал искренне, как Надька, – оказался в дураках, об них будут ноги вытирать... Кто врал, работал по принципу У-два – тот ханжа, «редиска» и паскуда. Вот и все!

– Что значит У-два? – заинтересовалась Рита.

– Первое «у» – угадать, второе «у» – угодить... Когда чужие мысли, аккуратные цитатки, дома подготовленные, и пять баллов, считай, заработал... Есть у нас такие, Эллочка? – почему-то он повернулся к Черевичкиной, которая мучительно покраснела:

– Я не знаю... Наверно...

– Что ж ты предлагаешь? – обеспокоенно спросила Света.

– Разойтись, – усмехнулся Генка. – Все уже ясно, все счастливы... – Видно было: с головой накрывала его печаль оттого, что к таким и только таким оценкам с неизбежностью подводи́ла жизнь...

Черевичкина спрятала в полиэтиленовый мешочек недоеденный бутерброд и стала собираться.

Михейцев был задумчив.

Костя тихонько уговаривал Риту идти с ним куда-то, она не то кокетничала, не то действительно не хотела, – слов не было слышно.

А Света Демидова вдруг объявила:

– Знаете что? Переизбирайте меня. Не хочу больше, не могу и не буду!.. Ну не знаю я сама, чего предлагать...

Сыромятников спел персонально припев про бабу: что, хотя она и добра, самое время ее – «в утиль»... А потом у него и для Риты с Костей нашлось что спеть; он выдал этот куплет (из той же, похоже, песенки), ласково следя за ними, за их переговорами:

Выйду я с милой гулять за околицу,
В поле запутаем след...

Мы согрешим, –
Ну а бабка помолится
Богу, которого нет.

– Самородок... – глядя сквозь него, сказала Рита.

* * *

Мельников и Наташа шли по улице. Она не поехала на своем автобусе, а он не пошел домой. Не наметив себе никакой цели, не отмерив регламента, они просто шли рядом, бессознательно минуя большие многолюдные магистрали, а в остальном им было все равно, куда идти.

Была пятница. Люди кончили работу. С погодой повезло: небо освободилось от тяжелых, низких туч, вышло предвечернее солнышко, чтобы скупо побаловать город, приунывший от дождей.

Может быть, не надо нам слышать, о чем говорили, гуляя, Наташа и Мельников? Не потому, что это нескромно, а потому, что это был тот случай, когда слова первостепенного значения не имеют. И есть вещи, догадываться о которых интереснее даже, чем узнавать впрямую. Скажем только, что идилии не получалось, что для этого мельниковская манера общаться слишком изобиловала колючками... Трудный он все-таки человек, для самого себя трудный... – думалось Наташе. Или это оттого, что сегодня – его черная пятница, когда

Видно, что-то случилось
С машиной, отмеривающей неудачи.
Что-то сломалось, –
Они посыпались на него так,
Как не сыпались никогда.

Скрытая камера – неподкупный свидетель.

Она расскажет о том, как эти двое не попали в ресторан с неизменной табличкой «Мест нет», и хорошо, что не попали: наличность в мельниковском бумажнике развернуться не позволяла, мог бы выйти конфуз... А потом они ели пирожки и яблоки во дворике бездействующей церкви. Оттуда их скоро прогнали, впрочем, четыре старухи, вечно мобилизованные на изгнание дьявола и одоление соблазна; не нашлось у двух учителей ясного ответа на бдительный и колючий их вопрос: «А вам тут чаво?»

Потом они шли по какому-то парку и шуршали прелыми листьями... Дошли до Наташиного дома; она показала ему свои окна на шестом этаже... И они уже попрощались, она вошла в подъезд, но бегом вернулась и, находясь под своими окнами, звонила из автоматной будки маме, чтоб та не волновалась и ждала ее не скоро.

А потом он повел ее к букинистическому магазину, возле которого, по старой традиции и вопреки милиции, колобродил чернокнижный рынок. Здесь у Наташи зарябило в глазах от пестроты типов и страстей. А Мельников уверенно протолкался внутрь, в полуподвальный магазинчик; там главным продавцом был старый знакомый Мельникова – лысый, похожий на печального сатира, в профиль – еще и на большую птицу. Он спросил:

– О! Кто вам сказал, что сегодня я что-то имею для вас?

– Интуиция, Яков Давыдович, больше некому... И потом, давно не заглядывал... Как здоровье ваше?

– Мальчик, – не ответив, старик переключился на юного покупателя, который почти лег на прилавок, – ты слишком шумно и жадно дышишь. – Поднял перекладину. – Иди, смотри здесь...

– А можно?

– Я же говорю, ну! Так вот, дорогой товарищ Мельников. Как здоровье, вы спросили? Плохо, а что? На эту тему есть два анекдота, но я не хочу отвлекаться. Пробеите сорок шесть семьдесят, давайте мне чек, потом мы будем разговаривать...

– А книга, Яков Давыдыч? – засмеялся Мельников. – Раньше я хочу видеть книгу...

– Нет. – Он глазами показал; не та обстановка, чтобы демонстрировать такой товар. – Нет. Я лучше знаю, что я говорю. Сорок шесть семьдесят в кассу – и не будем один другого нервировать, я же весь день на ногах!

Илья Семенович переглянулся с Наташей. Стало понятно: о безусловной ценности идет речь, придется верить на слово... Вот только найдется ли у него эта сумма? Наташа успокоительно помахала своим портмоне и заняла очередь в кассу, а Мельникова этот букинист придержал:

– Минуточку! Это ваша жена?

– Нет, что вы...

– Еще нет или совсем нет? Я извиняюсь за мои вопросы, но такие девушки теперь – не на каждом углу...

– Факт, – охотно согласился Мельников и боком ретировался к кассе. – Значит, сорок шесть семьдесят?

...Потом он, счастливый, прижимал завернутую книгу к себе и тряс руку Якова Давыдовича (тот объявил, наконец, шепотом заговорщика, что это – эккермановские «Разговоры с Гёте»! «Academia», 1934 год!).

– Мне ее один писатель заказывал... большая шишка, между прочим. Но расхотелось звонить ему... Последний его роман – я не сужу, кто я такой, чтобы судить? Но, клянусь вам, приличные люди не позволяют себе такую туфту! Или – они уже неприличные... Я подумал: «Нет, Яша, ни Эккерман, ни тем более Гёте уходить в такие руки не хотят...» А тут – вы как раз, и – с такой девушкой. Она изумительно похожа на мою дочь! Всего хорошего вам, – обратился он к ней напрямик. – Заходите с товарищем Мельниковым...

Распрощались.

Но, чудной старик, он не дал им уйти просто так.

– Минуточку! Меня тут не будет с первого ноября. Но мы все утрясем: с понедельника будет Зиночка, это мой кадр, неплохо обученный; если я смогу ей вас показать, – она уже будет знать ваше лицо и оставлять что-то хорошее, что вас интересует...

– Спасибо. А вы, значит, на пенсию?

– Я – в больницу, дорогой. Вы что хотели? – обратился он к военному с чеком.

– Вон, желтенькую. «Бумеранг не возвращается».

– Ради бога. Вы хотите убить время? Вы его убьете. Завернуть?

– У вас что-нибудь серьезное, Яков Давыдович? – спросил Мельников, снова поймав его беспокойный птичий взгляд.

– Слушайте, семьдесят один год – это хороший отрезок времени? Да? Я тоже так думаю. – Он сердито отложил это число на счетах. – И довольно! – замахал он руками, не допуская возражений, и полез на стремянку доставать для одной дамы «Семью Тибо». Там, наверху, он оглянулся – еще раз посмотреть на Наташу:

– Ах! Чтобы такое сходство...

* * *

Ребята начали расходиться, но груз нерешенного, недосказанного словно не пускал домой, и они тащились по коридору медленно, неохотно отдирая от пола подошвы...

– Ге-ен! – позвал Костя Генку, который пошел не со всеми, а к лестнице другого крыла. – Гена-цвале!

Генка остановился. Рита и Костя подошли к нему.

– Ну чего ты так переживаешь? – спросила его Рита, ласково, как ему показалось.

– Не стоит, Ген, – поддержал ее Костя. – Теорию выеденного яйца не знаешь? Через нее и смотри на все, помогает.

– Попробую. – Генка хотел идти дальше, но Костя попридержал его:

– Слушай, пошли все ко мне. Я магнитофончик кончаю – поможешь монтировать. А?

– Не хочется.

– Накормлю! И найдется бутылка сухого. Думай.

– Нет, я домой.

– А я знаю, чего тебе хочется, – прищурился Костя.

– Ну?

– Чтоб я сейчас отчалил, а Ритка осталась с тобой. Угадал? – И, поняв по отвердению Генкиных скул, что угадал, Костя засмеялся, довольный. – Так это можно, мы люди не жадные, – правда, Рит?

Он испытующе глядел по очереди – то в Риткины, веселые и зеленые, то в темные недружелюбные Генкины глаза. На Риту напал приступ хохота – она так и заливалась:

– Генка, соглашайся, а то он раздумает!..

– Только, конечно, одно условие: в подъезды не заходить и грабки не распускать. Идет? Погуляете, поговорите... А можете – в кино. Ну чего молчишь?

Генка стоял, кривил губы и наконец выдал нелепый ответ:

– А у меня денег нет.

– И не надо, зачем? – удивилась Рита. – У меня трешка с мелочью.

– Нет. Я ему должен... за прокат. Сколько ты берешь в час, Костя? – медленно, зло и тихо проговорил Генка.

Рита задохнулась:

– Ну, знаешь! – и хлестанула его по лицу. – Сволочь! Псих... Не подходи лучше!

– Да-а... – протянул Костя Батищев ошеломленно. – За такие шутки это еще мало... В другой раз так клюв начистят... Лечиться тебе надо, Шестопал! У тебя, как у всех коротышек, большое самолюбие!

Слезы у Риты не брызнули, но покраснели лоб и нос, она дунула вверх, прогоняя светлую свою прядь, – и зацокала каблучками вниз по лестнице.

Генка, привалившись к стене, глядел в потолок.

– Ты, Геночка, удара держать не можешь. Так учишься проигрывать – чтоб лица хотя бы не терять... А то ведь противно!

С брезгливой досадой Костя пнул ногой Генкин портфель, стоящий на полу. И припустился догонять Риту.

...Когда Генка шел не спеша в сторону спортзала, он обнаружил, что и Косте влетело теперь: Рита уединилась там, в пустом неосвещенном зале, ее «телохранитель» пытался ее оттуда извлечь, рвал на себя дверь... Дверь-то поддавалась, а Рита – нет:

– И ты хочешь по морде? Могу и тебе! – крикнула она в нешуточном гневе. И дверью перед его носом – хлоп!

Издали Костя поглядел на Генку, плюнул и ушел.

...Выключатель спортзала был снаружи. Генка после некоторого колебания зажег для Риты свет. Она выглянула и погасила – из принципа. Он зажег опять. Она опять погасила.

Настроение по обе стороны двери было одинаково невеселое. Рита придвинула к двери «козла», села на него для прочности, в полумраке напевая: «Я ехала домой... Я думала о вас... Печальна мысль моя и путалась, и рвалась...»

А потом она услышала вдруг стихи!

...От книги странствий я не ждал обмана,
Я верил, что в какой-нибудь главе
Он выступит навстречу из тумана,
Твой берег в невесомой синеве... –

читал ей с той стороны Генкин голос.

Но есть ошибка в курсе корабля!
С недавних пор я это ясно вижу:
Стремительно вращается Земля,
А мы с тобой не делаемся ближе...

Молчание.

– Еще... – сказала Рита тихо, но повелительно.

* * *

А Наташа и Мельников снова шли – уже среди вечерней толпы, на фоне освещенных витрин... Для большинства уже началась нерабочая суббота. А эти двое вели себя так, будто и у них выходной завтра. Очень основательно оттоптали ноги себе!

С другой стороны улицы радостно скандировали:

– На! – та! – ша!

Наташа оглянулась: у Театра оперетты стояли пятеро молодых, веселых, хорошо одетых людей. Две девушки, три парня.

Наташа, блестя глазами, извинилась перед Мельниковым:

– Я сейчас...

И перебежала на другую сторону.

Мельников стоял, курил, смотрел.

Наташа оживленно болтала с институтскими однокашниками. Хохот. Расспросы. Она со своими ответами тянула, была уклончива, а им не терпелось выдать два-три «блока информации» самого неотложного свойства. Кое-что касалось ее близко... (напрасно она делает старательно-отрешенное лицо при упоминании отдельных имен). А самое было бы клевое – сманить Наташу с собой в один гостеприимный дом, где наверняка будет здорово, где ей будут рады, но есть помеха – «дед», седой неведомый им очкарик на противоположной стороне...

Остановился троллейбус и загордил Мельникова от Наташи.

Когда она, что-то объясняя друзьям, поворачивается в его сторону, троллейбуса уже нет, но нет и Мельникова.

Еще не веря, смотрит Наташа туда, где оставила его...

– Что случилось, Наташа? – спрашивает один из парней, заметив ее потухший взгляд, ее полукруглый рот...

* * *

В спортзале они теперь были вдвоем – Рита и Генка. Кажется, он уже прощен – благодаря стихам.

Рита соскочила с «козла».

– Ты стал лучше писать, – заключает она. – Более художественно. – И берет портфель. – Надо идти. Сейчас притащится кто-нибудь, раскритичится...

– В школе нет никого.

– Совсем? Так не бывает, даже ночью кто-то есть.

Оба прислушались. Похоже, что и впрямь все ушли... Тихо. Нет, что-то крикнула одна нянечка другой – и опять тихо...

– А ты представь, что, кроме нас, никого... – сказал Генка, сидя на брусках: драма короткого роста всегда тянула его повыше...

Склонив голову на плечо и шурясь, Рита сказала:

– Пожалуйста, не надейся, что я угрелась и разомлела от твоих стихов!

– Я не надеюсь, – глухо пробубнил Генка. – Я не такой утопист! – Вдруг он покраснел и сформулировал такую гипотезу: – Стишки в твою честь – это ведь обещание только? Вроде аванса? После-то – духи будут из Парижа, чулочки, тряпки... может, и соболя! Только уже не от губошлепов – от настоящих поклонников? Но которых и благодарить надо... по-настоящему?

– За соболя-то! Еще бы! – Она хохотала. Веселила мрачная серьезность, с которой он все это прогнозировал! Он чуть ли не худел на глазах, воображая себе ту «наклонную плоскость», на которой она вот-вот окажется! Умора...

– Ты, кажется, пугаешь меня? Что-то страшное придется мне делать? Аморальное?! Чего и выговорить нельзя?! Мамочки... Или страх только в том, что все это – не с тобой?!

... Похоже, он оскорбил ее, недопонимая этого? Иначе – с чего бы ей отвечать сволочизмом таким? Да, видимо, несколько туманной была для него та «наклонная плоскость», оттого он и перегнул... Но вот ее тон уже не хлесткий, а вразумляющий:

– Мое дело, Геночка, предупредить: у нас с тобой никогда ничего не получится... Ты для меня инфантилен, наверное. Маловат. Дело не в росте, не думай... нет, в целом как-то. Я такой в седьмом классе была, как ты сейчас!..

Внезапно Генка весь напрягся и объявил:

– Хочешь правду? Умом я ведь знаю, что ты человек – так себе. Не «луч света в темном царстве»...

– Скажите пожалуйста! Сразу мстишь, да? – вспыхнула Рита.

– ... Я это знаю, – продолжал Генка, шурясь, – только стараюсь это не учитывать. Душа – она, знаешь, сама вырабатывает себе защитную тактику... Просто – чтобы не накалываться до кровянки каждый день...

– Что-что?

– Не поймешь ты, к сожалению. Я и сам только позавчера это понял...

Он отвернулся и, казалось, весь был поглощен нелегкой задачей: как с брусков перебраться по подоконнику до колец. С брусков – потому что допрыгнуть до них с земли он не смог бы ни за что. Даже ради нее, наверное...

Вышло! Повис. Подтянулся.

– Ну и что же ты там понял... позавчера?

Она была задета и плохо это скрывала.

– Пожалуйста! – Из всех сил Генка старался не пыхтеть, не болтаться, а проявить, наоборот, изящество и легкость. – В общем, так. Я считаю... что человеку необходимо состояние влюбленности! В кого-нибудь или во что-нибудь. Всегда, всю дорогу... – Он уже побелел от напряжения, но голос звучал неплохо, твердо: – Иначе неинтересно жить. Мне самое легкое влюбиться в тебя. На безрыбье...

– И тебе не важно, как я к тебе отношусь? – спросила снизу Рита, сбита с толку.

– Не-а! Это дела не меняет... – со злым и шалым торжеством врал Генка, добывая поскученную Риту. – Была бы эта самая пружина внутри! Так что можешь считать, что я влюблен не в тебя... – Тут ему показалось, что самое время красиво прыгнуть. Вышло! – ...не в тебя, а, допустим, в Черевичкину. Какая разница!

Вдруг Генка против воли опустился на мат, скривился весь – дикая боль в плечевых мышцах мстила ему за эти эффекты на кольцах.

– Что, стихи небось легче писать? – саркастически улыбнулась Рита. – Вот и посвящай их теперь Черевичкиной! А то она, бедняга, все поправляется, а для кого – неизвестно... Good luck!⁴

Она ушла.

Генка хмуро встает, массирует плечо. Потух его взгляд, в котором только что плясали чертики плутовства и бравады...

Что ж, поздно, надо идти.

Прямой путь в раздевалку с этого крыла был уже закрыт; ему пришлось подниматься на третий этаж. В полумрак погружена школа. По пути Генка цепляется за все дверные ручки – какая дверь поддается, какая нет... Учительская оказалась незапертой. Генка включил там свет. Пусто. На столе лежала развернутая записка:

Ув. Илья Семенович!

Думаю, что вам будет бесполезно ознакомиться с сочинениями вашего класса. Не считите за труд. Они в шкафу.

Свет. Мих.

Генка исследовал содержимое застекленного шкафа – действительно, лежали их сочинения. И о счастье, и не о счастье...

...Свет еретической идеи загорелся в темных недобродушных глазах Шестопаала. Кроме него, ни души не было (и до утра не будет) на всем этаже...

* * *

Полина Андреевна, мать Мельникова, смотрела телевизор. В комнате был полумрак. На экране молодой, но лысый товарищ в массивных очках говорил:

«Смоделировать различные творческие процессы, осуществляемые человеком при наличии определенных способностей, – задача дерзкая, но выполнимая. В руках у меня ноты. Это музыка, написанная электронным композитором – машиной особого, новейшего типа. О достоинствах ее сочинений судите сами...»

Стол был, как обычно, накрыт для одного человека. Обед успел превратиться в ужин.

Хлопнула дверь. Уже по тому, как она хлопнула, Полина Андреевна догадалась о настроении сына.

Он молча вошел. Молча постоял за спиной матери, которая не двинулась с места.

⁴ Удачи! (англ.)

«Найдутся, вероятно, телезрители, – продолжал человек на экране, – которые скажут: машина неспособна испытывать человеческие эмоции, а именно они и составляют душу музыки... – Тут он тонко улыбнулся: – Прекрасно. Но во-первых, нужно точно определить, что это такое – „человеческая эмоция“, „душа“ и сам „человек“...»

– Господи, – прошептала Полина Андреевна, глядя на экран испуганно, – неужели определит?

Она автоматически придвинула сыну еду.

«А во-вторых, учтите, что компьютерный композитор, чей опус вы услышите, – это пока не Моцарт», – снова улыбнулся пропагандист машинной музыки.

Но Илья Семенович не дал ему развернуться – резко протянул руку к рычажку и убрал звук.

– Извини, мама, – с досадой пробормотал он.

– А мне интересно! – С вызовом Полина Андреевна вернула звук, негромкий впрочем.

Но она сразу утратила интерес к телевизору, когда сын попросил:

– Мама, дай водки.

Она открыла буфет, зазвенела графинчиком, рюмкой.

– И стакан, – добавил Мельников.

Паника в глазах Полины Андреевны: стаканами глушить начал!

Мельников налил (она предпочла не смотреть – сколько) и выпил.

Уткнулся в тарелку, медленно стал жевать.

Звучала странноватая механическая музыка.

Боковым зрением старуха пристрастно следила за сыном. Потом озабоченно вспомнила:

– Тут тебе какая-то странная депеша пришла. Из суда.

Мельников взял. Вскрыл. Читает. Чем дальше читает, тем резче обозначаются у него желваки.

– Нет, ты послушай. – И он принялся читать вслух:

«Уважаемый Илья Семенович!

Не имею времени зайти в школу и посему вынужден обратиться с письмом. Моя дочь Люба систематически получает тройки по вашему предмету. Это удивляет и настораживает. Ведь история – это не математика, тут не нужно быть семи пядей во лбу, согласитесь...»

– Согласись, мама, ну что тебе стоит? – зло перебил сам себя Мельников.

«Возможно, дело в том, что Люба скромная, не обучена красноречию и завитушкам слога. Полагаю, девушке это ни к чему.

Я лично проверил Любу по параграфам с 61-го по 65-й и считаю, что оценку „4“ („хорошо“) можно поставить, не кривя душой».

– Они лично, – прокомментировал Мельников, – считают!

«Убедительно прошу вторично проверить мою дочь по указанным параграфам и надеюсь на хороший результат.

С приветом, нарсудья Потехин Павел Иванович».

– Вот так, мама, ни больше ни меньше. И всё это на бланке суда – на бумагу даже не потратился! – Он скомкал письмо, встал, заходил по комнате. – Зато не пожалел усилий, чтобы адрес узнать!

Звучала механическая музыка.

– Зачем же так раздражаться? – сказала мать. – Ты же сам говорил: если человек глуп, то это надолго.

– Это Вольтер сказал, а не я, – поправил Мельников автоматически. – Но понимаешь, мама, глупость должна быть частной собственностью дурака! А он хочет на ней государствен-

ную печать поставить... Он зря старался, Павел Иванович... В этой, по крайней мере, четверти Любины «тройки» и «четверки» зависят уже не от меня...

Я перейду в другую школу,
Где только счастье задают...

– Что-что-что? Я не поняла, Илюша... Куда ты перейдешь? – встревожилась мама.

– Да никуда. Это стихи такие.

Потом, стоя у окна, он курил – хотя в этой комнате не имел на то права.

– Опять моросит? – поинтересовалась старуха.

Он отозвался тусклым, без выражения, голосом:

– Mam, не замечала ты, что в безличных предложениях есть безысходность? «Моросит». «Темнеет». «Ветрено». Знаешь почему? Не на кого жаловаться потому что. И не с кем бороться!

Явно желая отвлечь сына, Полина Андреевна вдруг всплеснула руками:

– Илюша, посмотри, что я нашла!

Из большой шкатулки, где, очевидно, хранятся реликвии семьи, она извлекла фотографию. Протянула сыну. Он взял без энтузиазма.

Это был выпуск семилетней давности. Рядом с Ильей Семеновичем стояла Наташа. Мельников глянул и помрачнел еще больше. Отошел к окну.

– Сколько я буду просить, чтобы она зашла к нам? – перебирая в шкатулке другие фотографии, сказала Полина Андреевна. – Тебе хорошо, ты ее каждый день видишь...

С таким выражением глаз оглянулся сын, что она предпочла не углублять.

А он ушел в свою комнату. Не находя себе дела, присел к пианино. Взял несколько аккордов.

Полина Андреевна держала в руках фото, которое всегда делают, когда рождается ребенок: на белой простыне лежал на пузе малыш и улыбался беззубым ртом, доверчиво и лучисто.

А Мельников в это время запел... Для себя одного. К вокалу это не имело отношения, само собой. Имело – к дождю, к черной пятнице, к металлическому вкусу во рту после чтения газет и писем от дураков, к непоправимости, в которой складывалась и застывала «объективная реальность, данная нам в ощущениях»; против этого он пел...

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, –
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Мать слушала его, перебирая фотографии.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.

Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?

Перед нами беспорядочно проходит его жизнь и жизнь его семьи в фотографиях. Вот он школьник, с отцом и матерью. Вот мать в халате врача среди персонала клиники. Мельников с незнакомой нам девушкой... Мельников в военной форме, с медалью. Вот его класс на выпускном вечере. Мельников – студент, на какой-то вечеринке... И опять фронтовой снимок.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле,
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет,
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоем...

Зазвонил телефон.

– Меня нет! – донесся голос Мельникова.

– Слушаю, – сказала Полина Андреевна. – А его нет дома. – И когда трубка уже легла на рычаг, старуха вдруг схватила ее снова, сквозь одышку восклицая: – Алло! Алло!

Вошел с вопрошающим лицом Мельников.

– Я могу ошибиться, но, по-моему, это...

Он понял, отобрал у матери гудящую трубку, положил на место... и поцеловал обескураженную, ужасно расстроенную своей оплошностью Полину Андреевну.

Суббота

Первой сегодня в учительской оказалась Наташа. Помаялась, не найдя себе места, затем принялась разглядывать себя в зеркале... Вошел учитель физкультуры, Игорь Степанович. Он перебрасывал с руки на руку мяч и следил за Наташей, улыбаясь.

– Игорь Степанович! – Наташа увидела за своим плечом его отражение. – Я вас не заметила...

– А я в мягких тапочках, – объяснил он улыбаясь.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, здрасте... А я к вам с критикой, Наташа.

– Что такое?

– Нехорошо, понимаете. Вы наш молодой перспективный кадр, а общей с нами жизнью не хотите жить! Телефончик я у вас спрашивал – не дали. Ну ладно, мы не гордые, мы и в канцелярии можем выяснить...

Она молчала.

– По агентурным данным, – продолжал он, присаживаясь, – вы каждый день ждете товарища Мельникова... Не отпирайтесь, только честное признание может облегчить вашу участь, – сострил он, видя ее попытку возразить. – А участь ваша – ниже среднего, я извиняюсь. У него же пыль столетий на очках... Из женщин его интересуется разве что Жанна д'Арк... или страшная какая-нибудь Салтычиха!

Он засмеялся заразительно. Поссориться с ним Наташа не успела: в этот момент вошли Светлана Михайловна, химичка Аллочка, математичка Раиса Павловна.

– Здравствуйте, здравствуйте...

Светлана Михайловна водрузила на стол свою сумку – тару удивительной емкости. Любопытно, что сверху там лежал библиотечный том Е. А. Баратынского.

– Товарищи, что ж вчера никто не был в городском Доме учителя? Очень содержательный был вечер...

Никто не ответил на это Светлане Михайловне, и она отошла к расписанию.

– Мы ведь еще продолжим этот разговор? – приблизился опять к Наташе Игорь Степанович, и она вместо ответа сердито вышибла мяч у него из рук.

– Наташа!.. – с укоризной и недоумением сказала Светлана Михайловна, не оборачиваясь. (Как это учителя умудряются видеть затылком – тайна сия велика есть!)

– А кстати, Наташа, у тебя ж нет первого урока, – заключила из расписания Светлана Михайловна.

– Ну?.. Надо же, еще понежиться в койке могла. Перепутала, – ответила Наташа, ни на кого не глядя. Игорь Степанович бдительно следил за ней и насвистывал песню: «Я ждала и верила, сердцу вопреки...»

– Аллочка! – воскликнула Раиса Павловна. – Только что из дому – и уже звонить.

Химичка Алла Борисовна действительно уже устроилась у телефона. Светлана Михайловна подхватила:

– Вечная история... Формально все здесь, а толку? Если наши мысли еще дома копошатся или...

Вошел Мельников.

– ...или вообще неизвестно где! – закончила Светлана Михайловна и косынкой прикрыла Баратынского в сумке.

Вдруг необычайное обнаружилось: цветы в руках у Ильи Семеновича – свежие, еще влажные хризантемы.

Испуганная, неуверенная радость в глазах Наташи. Заинтригованы все. Притихли. А Мельников подходит к Светлане Михайловне:

– Это вам.

– Мне?..

– Двадцать лет в школе – это цифра, Светлана Михайловна. Это не кот начихал, – произнес он с уважением.

– Ой... А ведь верно! – изумилась порозовевшая Светлана Михайловна. – Я и сама-то забыла... А вы откуда знаете?

Мельников загадочно промолчал, подмигнул, отошел в сторону. Все в учительской ожились, даже химичка Аллочка, швырнув на рычаг телефонную трубку, устремилась целовать Светлану Михайловну.

– Не-ет, вы цветочками не отделаетесь, – шумел Игорь Степанович, – такое дело отмечается по всей форме! У нас напротив мировая шашлычная открылась, все в курсе? И я уже с завом на «ты», он нас встретит в лучших традициях Востока! – заверял он, переходя на грузинский акцент.

Входили другие учителя, им наскоро объясняли, в чем дело, и Светлана Михайловна оказалась в кольце, ее целовали, сокрушались, что не успели подготовиться.

– Презент за нами... Надо ж предупреждать!.. Ребята, поди, тоже не знают...

– Илья Семеныч, вы им намекните, чтоб они хоть вели себя по-людски...

– Да, это минимум, но – попробуй добейся! Выходит, он же и максимум...

Светлана Михайловна была счастлива. Блестели в ее глазах растроганные слезы.

– Спасибо, родные мои... Спасибо... только не делайте из этого культа... Да разве подарки дороги, золотце мое? Дорого внимание...

Только один раз встретились в этой возбужденной сутолоке взгляды Мельникова и Наташи. Встретились, чтобы сказать: забудем вчерашнее, этот казус у Театра оперетты – он глупый, и нагружать его смыслом не надо... простите.

Раздался звонок на уроки.

Мельников вышел сразу, раньше других: очень уж шумно стало в учительской.

Ребята разбежались по классам.

– Илья Семенович... – услышал Мельников позади себя невеселый робкий голос. Обернулся – это Люба Потехина, рыженькая, с белесыми ресницами, некрасивая.

– Да?

– Илья Семенович, – глядя не на учителя, а в окно, терзая носовой платок, заговорила Потехина. – Вы от папы моего ничего не получали? Никакого письма?

– Получил. – У Мельникова твердеет лицо. – И вот что прошу передать ему...

– Не надо, Илья Семенович! – перебила девочка. – Вы не обращайтесь внимания. Он всем такие письма пишет, – объявила она с мучительной улыбкой стыда.

– Кому – всем?

– Всем! В редакции. Министру культуры даже. Зачем артистов в кино не в тех позах снимают, зачем пьют на экране – до всего ему дело... Вы извините его, ладно? А главное, не обращайтесь внимания.

Он машинально поправил ей крылышко форменного фартука:

– Хорошо. Иди в класс.

Потехина убежала.

Усмехаясь своим мыслям, Мельников стоял у окна, напротив двери девятого «В», куда с оглядкой на него прошмыгивали опаздывающие...

Учителя расходились по классам.

Спешил мимо Мельникова старичок-географ Иван Антонович. Глядя на него детски ясными и озорными глазами он сообщил:

– А у меня, друг мой, сегодня новый слуховой аппарат. Несравненно лучше прежнего!

(Ох, должно быть, несусветное и беспардонное вытворяют над ним в пятых, в шестых, а не исключено, что и в старших классах! Сострадание – знают ли они в наше время, с чем это едят?)

...Когда Мельников уже входил в девятого «В», его попрдержала за локоть Наташа, задыхнувшаяся от бега:

– Илья Семеныч, пустите меня на урок!

– Это еще зачем?

– Ну, не надо спрашивать, пустите, и все! Я очень хочу, я специально пришла раньше.

Неизвестно, кто был смущен сильнее: она своей просьбой или он – невозможностью отказать. Отказать-то он мог, ясное дело, только за что обижать, чем отказ мотивировать? Если она лишний час сна оттяпала у себя – надо признать, поступок, и лестный, как ни крути... Мельников пропустил Наташу впереди себя.

Ее стоя встретили удивлением и англоязычной приветливостью:

– Good morning!.. Look, who is coming! – Why? Welcome!.. How do you do?⁵

Она села за последнюю парту, и на нее глазели, шепотом обсуждая, в чем причина и цель этой необычной ревизии... Мельников хмурился: начало было легкомысленное.

– Садитесь, – разрешил он, снимая с руки часы и кладя их перед собой.

– Ну-ка, потише! В прошлый раз мы говорили о Манифесте семнадцатого октября, о том, каким черствым оказался этот царский пряник, вскоре открыто замененный кнудом...

⁵ Доброе утро!.. Смотрите, кто пришел! – Зачем? Добро пожаловать!.. Как дела? (англ.)

Говорили о начале первой русской революции. Повторим это, потом пойдем дальше... Сыромятников! – вызвал он, не глядя в журнал.

Лицо Сыромятникова выразило безмерное удивление.

– Чего?

– Готов?

– Более-менее... Идти? – спросил он, словно советуясь. Сыромятников нагнулся, поискал что-то в парте и, ничего не найдя, пошел развинченной походкой к столу. Взял со стола указку и встал лицом к карте европейской части России начала нашего столетия, спиной к классу.

– Мы слушаем, – отвлек его историк от внезапного увлечения географией.

– Значит, так. – Сыромятников почесался указкой. – Политика царя была трусливая и велеромная...

– Какая?

– Велеромная! – убежденно повторил Сыромятников.

– Вероломная. То есть ломающая веру, предательская. Дальше.

– От страха за свое царское положение царь выпустил манифест. Он там наобещал народу райскую жизнь...

– А точнее?

– Ну, свободы всякие... слова, собраний... Все равно ведь он ничего не сделал, что обещал, зачем же вранье-то пересказывать?

Мельников посмотрел на Наташу: она давилась от хохота!

И у класса этот скоморох имел успех. Да и сам Илья Семенович с трудом удерживал серьезность и под конец не удержал-таки.

– Потом царь показал свою гнусную сущность и стал править по-старому. Он пил рабочую кровь, и никто ему не мог ничего сказать...

Класс покатывался со смеху.

– Вообще после Петра Первого России очень не везло на царей – это уже мое личное мнение...

– Вот влетишь ему единицу, – сказал Мельников задумчиво и с невольной улыбкой, – а потом из него выйдет Юрий Никулин... И получится, что я душил будущее нашего искусства.

* * *

Светлана Михайловна была в учительской одна. Напевая мелодию какого-то вальса, она стояла, покачиваясь в такт и прикасаясь к лицу подаренными цветами.

Потом она поискала взглядом вазу. Вазы не было. Заглянула в шкаф: есть!

Но – как это понять? – оттуда торчит бумажка со словами:

Тут покоится счастье 9-го «В».

Счастье?

Что за фокусы? Сочинения где?!

Она нашла три двойных листка: две работы о Базарове, одна о Катерине. А остальные?!!

Светлана Михайловна попыталась рассмотреть, что там, в этой вазе, но не поняла. Тогда она перевернула ее над столом.

Хлопья пепла, жженой бумаги высыпались и разлетелись по учительской. Светлана Михайловна, роняя свои хризантемы – одни на стол, другие на пол, ошеломленно провела рукой по лбу и оставила на нем черный след копоти... Заметалась, сняла зачем-то телефонную трубку... Потом поняла: глупо. Не набирать же 01!

Она нагнулась и подняла свернутый трубочкой листок бумаги, прежде она этого не заметила. Там какой-то текст, по ходу чтения которого лицо Светланы Михайловны выражало обиду, гнев, смятение и снова обиду, доходящую до слез, до детского бессилия...

* * *

Урок истории шел своим чередом.

Теперь у доски был Костя Батищев. Этот отвечал уверенно, спокойно:

– Вместо решительных действий Шмидт посылал телеграммы Николаю Второму, требовал от него демократических свобод. Власти успели опомниться, стянули в Севастополь войска, и крейсер «Очаков» был обстрелян и подожжен. Шмидта казнили. Он пострадал от своей политической наивности и близорукости.

– Бедный Шмидт! – с горькой усмешкой произнес Мельников. – Если б он мог предвидеть этот посмертный строгий выговор...

– Что, неправильно? – удивился Костя.

Мельников не ответил, в проходе между рядами пошел к последней парте, к Наташе. И вслух пожаловался ей:

– То и дело слышу: «Герцен не сумел...», «Витте просчитался...», «Жорес не учел...», «Толстой недопонял...» Словно в истории орудовала компания двоечников...

И уже другим тоном спросил у класса:

– Кто может возразить, добавить?

Панически зашелестели страницы учебника. Костя улыбался – то ли уверен был, что ни возразить, ни добавить нечего, то ли делал хорошую мину при плохой игре.

– В учебнике о нем всего пятнадцать строчек, – заметил он вежливо.

– В твоём возрасте люди читают и другие книжки! – ответил учитель.

– Другие? Пожалуйста! – не дрогнув, а, наоборот, расцвел Костя. – «Золотой теленок», например. Там Остап Бендер и его кунаки работали под сыновей лейтенанта Шмидта, – рассказать?

Классу стало весело, Мельникову – нет.

– В другой раз, – отложил он. – Ну кто же все-таки добавит?

Генка поднял было руку, но спохватился, взглянул на Риту и руку опустил: пожалуй, она истолкует это как соперничество...

– Пятнадцать строчек, – повторил Мельников Костины слова. – А ведь это немало. От большинства людей остается только тире между двумя датами...

Вообще-то, страшноватое вырвалось откровение; годится ли изрекать такое перед начинающими жить? Так-таки ничего, кроме дат и черточки? Откровенно глядя на одну Наташу, Мельников спросил сам себя:

– Что ж это был за человек – лейтенант Шмидт Петр Петрович? – И заговорил, ловя себя на пристрастии, коего историку полагается избегать: – Русский интеллигент. Умница. Артистическая натура – он и пел, и превосходно играл на виолончели, и рисовал... что не мешало ему быть храбрым офицером, профессиональным моряком. А какой оратор!.. Завораживали матросов его речи. Но главный его талант – это дар ощущать чужое страдание острее, чем собственное. Именно из такого теста делались праведники на Руси... И поэты. И бунтари.

Остановившись, Мельников послушал, как молчит класс. Потом вдруг улыбнулся:

– Знаете, сорок минут провел он однажды в поезде с женщиной и влюбился без памяти, навек – то ли в нее, то ли в образ, который сам выдумал. Красиво влюбился! Сорок минут, а потом были только письма, сотни писем... Читайте их, они опубликованы, и вы не посмеете, вернее, не захочется вам – с высокомерной скукой рассуждать об ошибках этого человека!

– Но ведь ошибки-то были? – нерешительно вставил Костя, самоуверенность которого сильно пошла на ущерб.

Мельников оглянулся на него и проговорил рассеянно:

– Ты сядь пока, сядь...

Недовольный, но не теряющий достоинства Костя повиновался.

– Петр Петрович Шмидт был противником кровопролития, – продолжал Мельников. – Как Иван Карамазов у Достоевского, он отвергал всеобщую гармонию, если в ее основание положен хоть один замученный ребенок... Все не верил, не хотел верить, что язык пулеметов и картечи – единственно возможный язык переговоров с царем. Бескровная гармония... Наивно? Да. Ошибочно? Да! Но я приглашаю Батищева и всех вас не рубить сплеча, а прочувствовать высокую себестоимость этих ошибок!

...Слушает Наташа, и почему-то горят у нее щеки. Напрягся класс: учитель не просто объясняет – он негодует, переходит в наступление...

– Послушай, Костя, – окликнул Илья Семенович Батищева, который вертел в руках сделанного из промокашки голубя. – Вот началось восстание, и не к Шмидту – к тебе приходят матросы... Они говорят: «Вы нужны флоту и революции». А ты знаешь, что бунт обречен, что ваш единственный крейсер, без брони, без артиллерии, со скоростью восемь узлов, не выстоит. Как тебе быть? Оставить матросов одних под пушками адмирала Чухнина? Или идти и возглавить мятеж и стоять на мостике под огнем и, если не вмешается чудо, погибнуть наверняка...

– Без всяких шансов на успех? – прищурился Костя, соображая. – А какой смысл?

Его благоразумная трезвость вызвала реакцию совсем неожиданную.

– Да иди ты со своими шансами! – вдруг негодующе взорвалась Рита; это было, похоже, продолжением каких-то давних разногласий, тогда она поддавалась – теперь не вытерпела, не пожелала... И, увидев пустующее место в соседнем ряду, пересела от Кости туда.

– Черкасова!.. – одернул ее Илья Семенович, не сумев, однако, придать голосу впечатляющей строгости.

Надя Огарышева повернулась к Рите и показала ей большой палец.

– Итак, – Илья Семенович повысил голос, требуя тишины, – был задан вопрос: какой смысл в поступке Шмидта, за что он погиб...

– Да ясно, за что! – нетерпеливо перебил Михайцев. – Без таких людей свободы, как своих ушей, не видать...

Рука Ильи Семеновича легла на плечо Михайцева, и учитель продолжал:

– Он сам объяснил это в своем последнем слове на военном суде. Так объяснил, что даже его конвоиры, вроде бы два вооруженных истукана, ощутили себя людьми и отставили винтовки в сторону!

Затем он достал из портфеля книгу, объявил ее название – «Подсудимые обвиняют» – и, листая ее в поисках нужной страницы, пробормотал опять слова Батищева:

– Пятнадцать строчек...

Ничего не успел он прочитать: широко распахнулась дверь класса – на пороге стоял директор.

– Разрешите, Илья Семенович?

Мельников пожал плечами: дескать, а как вас непустишь? Николай Борисович вошел не один. С ним была Светлана Михайловна; у нее на лбу по-прежнему оставался черный след копоти, особенно заметный от пугающей бледности ее лица.

– Извините за вторжение. А почему вы, собственно, не встали? – спросил директор у класса. Ребята поднялись. Слишком резко переключили их с тех, шмидтовских, впечатлений на эти новые, и рефлекс школьной вежливости не сработал...

– Садитесь. Произошла вещь, из ряда вон выходящая. Вчера вечером кто-то вошел в учительскую, вытащил из шкафа сочинения вашего класса и сжег их.

Девятый «В» тихонько ахнул.

– Да-да, – продолжал Николай Борисович, – сжег! И оставил на месте своего преступления – я говорю это слово вполне серьезно, в буквальном смысле – вот это объяснение. Дерзкое по форме и невразумительное по существу.

Листок он передал Мельникову. Илья Семенович отошел с ним к окну и стал читать.

– Я не буду говорить о том, какую жестокую, какую бесчеловечную обиду нанес этот... субъект Светлане Михайловне. Не буду пока говорить и об идейной подкладке этого безобразия; это – впереди... Меня интересует сейчас одно: кто это сделал? Надеюсь, мне не придется унижать вас и себя такими мерами, как сличение почерков и так далее...

– Не придется! – вспыхнул Генка и встал.

– Ты, Шестопап?

– Я.

– Пойдем со мной.

– С вещами? – мрачно пошутил Генка, но никто не засмеялся.

– Да-да, забирай все. – Николай Борисович протянул руку за листком к Мельникову.

– Ознакомился?

Не ответив, Илья Семенович вернул ему эту бумагу.

Мертвая тишина в классе.

Скорбным изваянием стоит в дверях Светлана Михайловна, так и не проронившая ни слова.

Генка собирал свои пожитки.

Вдруг Николай Борисович увидел Наташу.

– А вы, Наталья Сергеевна, каким образом здесь?

– Мне разрешил Илья Семенович...

– Ах так! Ну-ну.

Ни на кого не глядя, Генка пошел с портфелем к двери.

Директор вышел за ним.

Еще раз оглядев класс и кивая каким-то своим мыслям, последней ушла Светлана Михайловна с полосой копоты на лбу, напоминающей пороховую метку боя...

А Мельников, похоже, совсем забыл об уроке – его утянули за собой те ушедшие трое, явно же не разобрался он с ними, не закончил. Вот и нечем пока ответить на вопрошающие взгляды ребят и Наташи; если и слышит он, как нарастает в классе гул, то для него это ропот возмущения против его невмешательства в ЧП, рассказанное директором.

А чем возмущаться? Да, невмешательство – но просвещенное же, высоколобое, рассеянное, не успевающее просто переключиться с горящего «Очакова» на пепел от каких-то полуграмотных сочинений... А что, должна быть непременно охота переключаться туда? Он историк. Сам предмет – неужто не ограждает его? Безоговорочная любовь к предмету? Мысленное пребывание на месте П. П. Шмидта – нешто не освобождает от скандальчиков сугубо местного и сиюминутного значения?

...Так допрашивал себя Мельников, и внутренний этот голос его набирал сарказм, иронию, злость! Класс же не держал против него зла в эти минуты; просто девятый «В» обалдел маленечко – и теперь, стряхивая оцепенение, лишь начинал соображать, кем и чем надобно тут возмущаться...

– О чем я говорил? – спросил наконец Мельников с усилием.

– Про пятнадцать строчек, что это немало, – подсказала Рита.

– Да-да.

Он взял со стола книгу, но глядел поверх нее, медлил... И вдруг, решив что-то, вышел из класса...

Все замерло, а потом загудело тревожно:

- Он к директору пошел, да? Наталья Сергеевна?
- А куда ж еще-то! – опередил Наташу Михейцев. – Братцы, Шестопальчику хана – это точно!
- А зачем сжигал? Не посоветуется ни с кем – и сразу сжигает...
- Это все для оригинальности! Лишь бы повыпендриваться!
- Ребята, тихо! – заклинала их Наташа.
- Однако страсти слишком долго консервировались, им нужен был выход.
- По себе судишь-то! – кричали тому, кто заклеил Генку.
- Он объяснение написал, почитать надо...
- Нет, а вообще-то он психованный.
- Сама шизик.
- Я-то нормальная. Я, может быть, без одной ошибочки написала, это у меня, может быть, лучшее сочинение за два года! Пусть он мне теперь отдает мою пятерочку! – наседали на Михейцева, главного Генкиного адвоката, одна голосистая блондиночка.
- Тоже мне Герострат, – высказался Костя Батищев.
- Кто-о?! – оскорбился Михейцев. – Ты выбирай слова-то!
- Да тихо же, вы! – умоляла Наташа, и в ее положение вошел Сыромятников: он стал ходить по рядам, раздавая звонкие щелбаны всем, кто был особенно горласт.
- Некоторое успокоение эта мера принесла.
- Послушайте, – сказала Наташа, и на сей раз послушались, замолчали все. – Я думаю, просто рано спорить. Сначала надо понять кое-что. Смотрите, какая странная вещь: девять лет вы учитесь рядом с человеком и не знаете о нем самого главного.
- Кто, мы не знаем? Очень даже знаем. Он честный, – сказала Надя Огарышева и поглядела на одноклассников: может, возражения будут? Нет, не возразил ни один. Очень веско она это сказала.
- А если честный... – Наталья Сергеевна не закончила фразу: эта предпосылка рождала выводы, непедagogичные и далеко ведущие...
- И все это поняли.
- А знаете, чего я слышал? – объявил неожиданно Михейцев. – Что наш директор Илью Семеныча из окружения вытащил, раненого...
- Говорят, – не опровергла Наташа.
- Наталья Сергеевна, а правда, что Илья Семенович уходит от нас?
- Как уходит? Откуда вы взяли?
- Говорят. Даже говорят, что он заявление уже написал...
- У Натальи Сергеевны был такой растерянный взгляд, что Света Демидова сразу поспешила на помощь:
- Врут, наверно! Не верьте, Наталья Сергеевна, это все сплетни!..

* * *

Из кабинета директора школы вышли Мельников и Генка. Молча стали подниматься по лестнице.

Илья Семенович оглянулся: за ними возникла Светлана Михайловна, кашляя и брезгливо держа поодаль от себя сигарету.

– Иди в класс, я сказал! – сердито шикнул Мельников на Генку, а сам спустился. Увидев его рядом с собой, Светлана Михайловна снова захлебнулась кашлем.

– Вы зажгли фильтр, надо с другого конца, – сказал Илья Семенович и протянул ей пачку болгарских «Интер».

Светлана Михайловна не взяла. Измененным, низким голосом проговорила:

– Ну, спасибо, Илья Семеныч! Хороший подарочек... Вы сделали из меня посмешище! Вам надо, чтобы я ушла из школы?

– Светлана Михайловна...

– Им отдаешь все до капли, а они...

– Что у нас есть, чтоб отдать, – вот вопрос... Послушайте! Вы учитель словесности. Вам ученик стихи написал. Это хорошо, а не плохо, – сказал он так, словно ей было пять лет и она плохо слышала после свинки.

– Ну не надо так! Я еще в своем уме, – вспыхнула она. – «Дураки остались в дураках», – он пишет. Это кто?

Вопрос был задан слишком в лоб, и Мельников затруднился.

– Боюсь, что в данном случае это и впрямь мы с вами... Но если он не прав, у нас еще есть время доказать, что мы лучше, чем о нас думают, – сказал он тихо, простодушно и печально, с интеллигентским чувством какой-то несуществующей вины...

– Кому это я должна доказывать?! – опять вскинулась Светлана Михайловна, багровея.

– Им! Каждый день. Каждый урок, – в том же тоне проговорил Мельников. – А если не можем, так давайте заниматься другим ремеслом. Где брак дешевле обходится... Извините, Светлана Михайловна. Меня ждут.

(Почему возможно такое? Люди проводят бок о бок долгие годы, а потом узнают: несовместимо то главное, что у них за душой, причем – в крайней, во взрывоопасной степени!.. Узнают они это почему-то в день рождения или под Новый год!.. В таком конфликте, которому теперь тлеть и вспыхивать и снова тлеть, никогда уже не потухая...)

Он уже поднимался по лестнице, когда она тихо спросила, не в силах проглотить сухую кость обиды:

– За что вы меня ненавидите?

– Да не вас, – досадливо поморщился он. – Как вам объяснить, чтобы вы поняли?..

– Для этого надо иметь сердце, – сказала она горько.

Мельников приподнял плечи, секунду помедлил и стал решительно подниматься. Сверху, облокотясь на перила, глядел спасенный – до ближайшего педсовета! – Генка Шестопал...

...В класс они вошли все-таки вместе – Генка и Мельников.

Стоило Генке сесть на место, расстегнуть портфель, как к нему потянулись руки для пожатия, зашелестел шепот: «Ну что было-то?» – но Генка не мог сейчас отвечать. На Илью Семеновича класс смотрел теперь восхищенно. Наташа вернулась за последнюю парту.

– Урок прошел удивительно плодотворно, – усмехнулся Мельников устало. – Дома прочтете о Декабрьском вооруженном восстании. Все...

А вот и звонок; иногда у звонка в школе – привкус и смысл театрального эффекта. Сейчас – эффекта неслабого!

– Всевозможных вам благополучий...

Девятый «В» смотрел на него с небывалой сосредоточенностью. Мертвая стояла тишина. И у Наташи в глазах – испуг...

– Сидят как приклеенные... – отметил Илья Семенович. – Итак, до понедельника. И постарайтесь за это время не сжечь школу, – быстро взглянул Мельников на Генку и захлопнул журнал. – Все свободны!

Облегченно вздыхают ребята. И спешат убраться в коридор, оставить их наедине – а чем еще отблагодарить Мельникова за испытанное сегодня наслаждение справедливостью? Тех, кто не сразу это смекнул, подгоняли сознательные: живей, мол, тут не до вас...

Мельников и Наташа вдвоем. Без особых предисловий вынул он из внутреннего кармана тот листок, который мы уже видели у него в руках, и сказал:

– Наташа! Отбил... Хотите послушать?

Да, она хотела...

Это не вранье, не небылица:
Видели другие, видел я,
Как в ручную глупую синицу
Превратить пытались журавля...
Чтоб ему не видеть синей дали
И не отрываться от земли,
Грубо журавля окольцевали
И в журнал отметку занесли!
Спрятали в шкафу, связали крылья
Белой птице счастья моего,
Чтоб она дышала теплой пылью
И не замышляла ничего...
Но недаром птичка в небе крепла!

Дураки остались в дураках...
Сломанная клетка...
Кучка пепла...
А журавлик – снова в облаках!

- А знаете, что он написал в этом сочинении?
- Откуда? Из кучки пепла? – засмеялся Мельников.
- А вот я знаю. Случайно. Он написал: «Счастье – это когда тебя понимают».
- И все?
- И все!

Неловко было им оставаться дольше в пустом классе под охраной таких и стольких «заинтересованных лиц».

Мельников с силой открыл дверь.

От этого произошел непонятный шум: оказывается, Сыромятников подслушивал и получил за это сногсшибательный удар дверью по лбу!

Вот он сидит на полу, вокруг все ребята над ним смеются. И Наташа. И сам Илья Семенович. А Сыромятников, вольно разбросав свои длинные ноги, сперва хотел изобразить тяжкие увечья, но передумал и оскалился всей лошадиной прелестью шербатай своей улыбки:

– Законно приложили!..

Проходивший мимо первоклассник Скороговоров окликнул его сзади благоразумным голосом:

– Дядь, вставай, простудишься.

Ключ без права передачи

Киноповесть

*Давайте говорить друг другу комплименты –
Ведь это все любви счастливые моменты...*

Булат Окуджава

Большинство ребят еще не знало Назарова в лицо. И он не вызывал к себе особого интереса, когда шагал среди половодья перемены рядом с замдиректора по воспитательной части. Чей-то родитель или чей-то представитель – так, наверное, думали, если думали о нем вообще.

– Полагалось бы собрать всех в актовом зале, – сказала ему Ольга Денисовна. – И представить вас... И чтобы вы сказали небольшую «тронную речь».

– Это обязательно? – спросил он с заметным отсутствием энтузиазма. – А я уже стал знакомиться в рабочем порядке. С каждым классом в отдельности.

– Можно и так, ваше право... Федорук! Юра! – окликнула она парня, который, опережая их, толкнул Назарова.

– Чего?

– «Чего»!.. – горько повторила она. – Извиниться полагалось бы.

– Извиняюсь.

– «Извиняюсь» – это, значит, ты сам себя извиняешь. А как надо?

– Простите, пожалуйста...

– Что ж ты мне говоришь? Ты толкнул Кирилла Алексеича – ему и скажи. – Ольга Денисовна, воспитывая Федорука, заодно и Назарову давала урок завидного педагогического упорства.

– Извините, пожалуйста, – жестоко сучая, повторил мальчик теперь уже незнакомцу в кожанке. – Можно идти?

– Идти можно. Бежать сломя голову – нет. Да еще в такой обновке – жалко ведь... – (У Федорука были сверкающие, только из магазина, ботинки.) – Хороши! Поздравляю!

– Спасибо... – мальчик светло сконфузился и исчез.

В тот момент выяснилось, что величавое одутловатое лицо Ольги Денисовны с застывшей в глазах укоризной может бывать добрым и домашним – оно просто нечасто позволяет себе ямочки и улыбки.

– Стало быть, с каждым классом в отдельности, – вернулась она к прерванной теме. – Это дольше, зато основательнее, понимаю. Да, вы отметьте себе: завтра совещание руководителей методобъединений... Ну-ну, не смотрите так, никто пока не ждет от вас указаний, предложений... Просто будем вводить вас помаленьку в курс...

Назаров улыбнулся:

– Спасибо, что «помаленьку»...

Гвалт перемены мешал разговору.

– Вот что, Кирилл Алексеич, – вздохнула Ольга Денисовна, взяв его под руку и выводя на лестничную площадку. – Школа уже давно без хозяина. Строго между нами: Серафиме-то Осиповне полагалось бы уйти намного раньше: она ведь начала слепнуть два года назад!

– Вот как?

– Да, и это скрывалось... Память, чутье, опыт – это все было при ней, и все-таки... Некоторые, знаете, широко-о пользовались тем, что она в потемках!

– Ребята?

– Не только...

Тут дали звонок, Ольга Денисовна развела руками и оставила Назарова.

Вот он «у себя» – в директорском кабинете. Здесь уютно. Стол превосходный, книги, сейф, телевизор – работайте, тов. Назаров! Из кресла на него удивленно таращится кошка. Пушистая, раздобревшая, цвета кофе. Вот она здесь действительно «у себя».

– Брысь!

Уступая ему место, кошка усмехнулась вопреки всякому правдоподобию... Он сел в нагретое ею кресло и стал листать перекидной календарь.

Здесь почерком учительницы начальной школы старуха напоминала себе, что надо сделать, о чем хлопотать. Тут и Горсовет, и металллом, и доклад где-то, и дежурство в буфете, и несколько раз слово «продленка» с восклицаниями, и сигнал, что «во 2-м „Б“ читают медленно!».

А под стеклом на столе – несколько фотографий «бабы Симы» с детьми, с выпускниками... Видно, как она старела, как по-совиному глядела сквозь очень толстые стекла в последние годы.

Календарь под рукой Назарова открылся на апрельском листке с такой записью:

Уровень уроков химии!?!

Этот сигнал уже внятн ему. Листок Назаров выдрал и положил во внутренний карман кожанки – на память.

И закурил. Даже если судить только по этому календарю – «не соскучишься»...

* * *

1. Кем быть? (обоснование твоего выбора).

2. Ты оптимист или нет? Почему?

3. Почему провалился «Гамлет» в нашем театре драмы?

Прочтя на доске такие исключительно свободные темы сочинений, десятый «Б» не удивился: это было в знакомом стиле Марины Максимовны. А она все же надеялась озадачить их, раздражить. Что-то задиристое посверкивало в ее глазах и пружинило в походке. У нее мальчишеская стрижка, худая шея, великоват рот, косметики – ноль. Глаза говорили как-то очень явно и серьезно о «присутствии духа» в небогатом ее теле, – так что мужчин это могло даже отпугивать, но художник не прошел бы мимо.

Алеша Смородин – высокий, большелобый, сутулый – работает так, словно ему дана тема – «Образ Марины Максимовны»: посмотрит на нее, улыбнется, напишет несколько строк и опять направит на нее через очки взгляд рассеянный и сосредоточенный одновременно, взгляд Пьера Безухова... Если б ему растолстеть – вылитый Пьер.

– Какую ты выбрал? – шепотом спросила она у него.

– Третью. По-моему, самая трудная, – улыбнулся он, почему-то благодарный за этот простой вопрос.

– Я так и знала, – кивнула она.

Женя Адамян, сосед Смородина, не согласен:

– Что вы, вторая трудней! На целый порядок. Потому что...

– Тихо, тихо, весь пыл – туда. – Она нагнула его голову к бумаге.

Отошла от их парты и вдруг наткнулась – как на ежа, как на «финку»! – на злобный, откровенно злобный взгляд из-под давно не стриженных черных волос. Саша Майданов. Что это с ним?

«Нет, я не оптимист – размашисто написано у Майданова. – А почему – это мое личное дело».

Когда Марина Максимовна подошла к нему, он сгреб все листки, скомкал их, сплющил в кулаке. И вид у него – просто опасный.

– Ты что, Саша?

– Ничего... Не обязан я это писать. И не буду. – Он сомкнул свои редкостно ровные зубы.

– И не надо! Из-под палки на такие темы не пишут. Но зачем так скулами играть?

В глаза он не смотрит, юмористического ее тона не принимает:

– Меня это не спросят нигде... Ни в каких программах этого нет, значит – неправильно!

– Что неправильно?

– Все! Лишнее это, только голову забивать...

Класс настороженно слушает этот диалог, хотя Марина Максимовна говорит тихо, с одним только Сашей:

– А вот у поэта Светлова была другая позиция. Он сказал: «Я легко обойдусь без необходимого, но я не могу без лишнего».

Майданов гнул свое:

– Это его дело.

– Да что вы с ним разговариваете, Марина Максимовна? – не выдержала Юля Баюшкина. – Гоните его!

Юля была в этом деле не только сторонним наблюдателем, как могло показаться.

– Гоните меня! – как эхо, отозвался Майданов и пошел на выход. Скомканным бумагам придал вид букета и положил на учительский стол.

В тишине за Майдановым вышел Алеша Смородин. Там, в коридоре, перехватил его руку у локтя и сказал:

– Сделай мне одолжение: забери свой мусор и извинись.

Майданов на секунду оторопел от ледяной корректности этих слов, потом сказал: «Еще чего!» – и, вырываясь, мазанул Алешу рукавом по лицу, по очкам. Очки упали, брызнуло стекло.

– Извиниться, говоришь? Я извиняюсь! – сказал Майданов Смородину, у которого сразу сделалось беспомощное и напряженное лицо. – Не будешь лезть под горячую руку...

Тут кто-то запихнул ему за шиворот его бумажный букет. Развернувшись, чтобы ударить, он увидел Юлю Баюшкину. Она негромко уронила:

– Все, Майданов. Ко мне – не подходи.

Да, она имела власть над майдановским существованием – он ссутулился и потух.

* * *

Назаров шел по коридору с записной книжечкой. Дверь химического кабинета открылась: урока там не было, и Назарова окликнула Эмма Павловна, химичка:

– Кирилл Алексеич!

– Да?

– Вы ничего мне не скажете? Ни словечка? – Назарову показалось, что с ним кокетничают.

– Виноват, Эмма Павловна, но по одному уроку судить нельзя...

Эмма Павловна – молодая блондинка со сложной прической, завидным цветом лица и крупными клипсами. Она пошла рядом с Назаровым.

– Я понимаю... Я там кое-что скомкала... Трудно, знаете, когда на уроке сидит мужчина с таким пронзительным взглядом!

Он что-то промычал.

– Да еще класс тяжелый, развинченный. Один Женечка Адамян чего стоит!

– Это тот, что вопросы задавал?

– Вот-вот! Специально готовит эти свои пакостные вопросы, чтобы насмеяться над учителем! Между прочим, сынок главного инженера с химкомбината...

– Вот как?

Ему надо было на четвертый этаж, а Эмма Павловна не отставала, у нее «накипело».

– Уймите его, Кирилл Алексеич, я прошу! Знаете, я просто вся ликую, что у нас к власти пришел, наконец, мужчина!

Назаров, глядя на свой ботинок, сказал:

– Эмма Павловна, а вы не давайте ему такого удовольствия – насмеяться. Он – вопрос, а вы ему – ответ, толковый и ясный.

– Ну, знаете...

– А что? Он был в своем праве – на уроке химии интересоваться открытием, за которое академик Семенов получил Нобелевскую премию по химии. А вы были как-то уж очень уклончивы... а?

– Но вопрос не по теме! Да ему и не нужен ответ, он и так знает... – Эмма Павловна розовеет.

Сверху спускался Алеша Смородин. С портфелем – видимо, уходит совсем.

– Стоп, – сказал Назаров. – Почему не на уроке?

– Вот, кстати, тоже из десятого «Б», – вставила Эмма Павловна, уйдя с облегчением от неприятной темы.

Назаров кивнул – мол, знаю, помню.

Алеша словно разбужен вопросом, как бы удивлен.

– Отпустили, – ответил он. – Я очки разбил.

Он предъявил очки и туда, где отсутствовало стекло, с печальной издевкой просунул палец.

– Ну и что? Посидел бы, послушал учителя. Слух в порядке, надеюсь?

Юноша наморщил лоб, усиленно вглядываясь в Назарова.

– Видите ли, – сказал он очень искренне, – когда у человека минус пять и нет очков, он неадекватен сам себе. Кругом туман потому что, вата... Кроме того, у нас два последних урока – сочинение, так что слух ни при чем...

Вздыхнул, повернулся и пошел вниз, касаясь перил. Ему не нужна была санкция Назарова на уход.

– Вот как они разговаривают! И это еще лучший из них, – сокрушенно сказала Эмма Павловна.

– Понятно... «Неадекватен сам себе», – повторил Назаров насмешливо.

– Откуда, спрашивается, набрались?

Назаров вытащил из внутреннего кармана тот календарный апрельский листок, где стояло: «Уровень уроков химии!?!»

– Да, кстати. Это я нашел среди записей Серафимы Осиповны. Ознакомьтесь.

Он отдал листок химичке и сразу ушел. Чтобы человек не вскидывался, не спешил обороняться, теряя лицо, а мог подумать.

* * *

Потом он заглянул в кабинет литературы, там была полуоткрыта дверь.

– Десятый «Б»?

Класс вскинул головы, некоторые встали, другие медлили, прикованные к своим исповедальным листочкам.

Кто-то сзади невинным тоном спросил:

– Вы ревизор? На всех уроках будете?

- Тихо ты, остряк, – слышался благоразумный шепот.
- Извините, Марина Максимовна, я отниму полминуты.

Она кивнула. В отличие от ребят, она уже представляла себе, что он такое, что кроется за жестким спокойствием его облика, слегка измененного в худшую сторону недавней стрижкой... От этого человека в начальственной роли она не ждала ничего хорошего для себя.

– Мы могли познакомиться на химии, но там я решил – не стоит... Будем лучше считать, что этого урока, половину которого вы превратили в балаган, – не было. Плохое получилось бы начало у нас... Я Назаров Кирилл Алексеич, новый директор. Временно – пока отозван на сборы ваш военрук – буду вести начальную военную подготовку и автомобильное дело. Вот... Представители сильного пола должны радоваться: смогут получить водительские права...

– А мы? – спросила Таня Косицкая, в лице которой десятый «Б» готовил смену Татьяне Дорониной, которая как раз в том месяце красовалась на обложке «Советского экрана». Сходство и впрямь было! – Нам будет чему радоваться?

Назаров едва заметно поклонился – наверное, ее внешним данным.

– Не беспокойтесь. С новой четверти я и вас «охвачу» – на уроках обществоведения, это мой главный предмет. Есть еще вопросы?

Пауза.

– Вопросов нет. Тогда работайте.

Он сделал знак, чтобы не вставали, и хотел уйти, но его задержали необычные темы на доске. Он прочел и спросил Марину Максимовну тихонько:

- А что, «Гамлет» там действительно провалился? Я об этом нигде не читал...
- А нигде пока и не писали.
- Так откуда же...

– Но мы видели спектакль, – ответно удивилась она. – Своими глазами, в прошлое воскресенье.

– А-а... – протянул он озадаченно и вышел.

* * *

Водруженная на стол груда книг и брошюр была едва ли не выше Назарова.

– Так я пойду, Кирилл Алексеич? – спросил голос библиотечарши.

– Да-да, конечно, я запру сам. Если часть книг возьму домой, то заполню на себя формуляр и все там отражу, не беспокойтесь.

– Ну что вы, вам необязательно...

– Порядок один, – возразил он спокойно и положил перед собой «Руководство учебным процессом в школе» В. П. Стрезикозина. Включил настольную лампу. Снял кожанку и остался в рубашке с галстуком. Чтобы встряхнуться, несколько раз выполнил отжимы от стола.

Услышав чьи-то быстрые каблучки, он выпрямился...

– Верочка, дай мне на двадцать минут «Бывое и думы», – сказала Марина Максимовна, думая, что библиотечарша где-то за стеллажами.

– Ушла Верочка, – отозвался Назаров.

– Мне нужен Герцен, я возьму... – она прошла к стеллажу и вскинула брови.

Он покачивался с пяток на носки, смотрел выжидательно.

Она медленно подошла к его столику, сбоку взглянула на книжные корешки. Тут были труды по педагогике, по возрастной психологии, о школе в связи с научно-технической революцией...

– Собираетесь все это осилить? – спросила Марина.

– А что? За неделю – реально.

– Почему не взять домой? Хотя спешить вам некуда: дети, наверно, не плачут?

– Дети имеются. В количестве одной штуки. А визгу – полон дом, особенно когда от взрослых телепередач отдирают... Не представляю, какую надо площадь, чтобы заниматься дома. И вообще я люблю библиотеки. – Он говорил все это сердито. Сердился же на себя, на скованность свою. – Что они набиты мудростью – это само собой. Но я их за то люблю, что человек не может фамильярничать с этой мудростью, понимаете?

– Не очень.

– Ну, не на кушетке читает, где к нему телефон подключен, и телевизор, и жена... Тишина, твердый канцелярский стул и книжка – вот это да, уважаю.

– Ну, это, знаете, роскошь, – колючим тоном заявила Марина и отошла на поиски «Былого и дум». – Вы сумеете-ка в троллейбусе, когда там битком. И в кухне, пока варится суп! И ночью, пока спит сын... – Эта тема задела ее.

– У вас сын? А с кем он днем?

– В яслях. Весной будет три года, в садик пойдет.

– Ясно... А как муж, его успехи?

Марины не видно было за полками.

И не поступило ответа на последний вопрос. Может, не расслышала?

Потом она вышла с нужным томом в руках:

– Пойду, Кирилл Алексеич, ребята ждут.

– До сих пор? У вас там что – литкружок?

– Нет, у нас спор возник, стихийный... Я вспомнила один чудесный аргумент у Герцена...

Она провела пальцем по всей толще книжной груды, что стояла перед директором.

– Как толсто пишут о нашем деле... – Она вытащила из этой кипы тоненькую желтенькую книжку, которую узнала. – А этого недостаточно?

На обложке стояло: Януш Корчак. «Как любить детей».

– Начать, во всяком случае, можно с нее. Спасибо... – Он так продолжительно поглядел ей в глаза, что следовало бы сказать – загляделся, и сам был этим смущен. И решил – напрямик, через барьер условности: – Марина Максимовна! А ведь вы узнали меня.

Она вскинула голову.

– Да, я был в той комиссии, что навещала мастерскую вашего мужа. Года три назад?

– Хотите оправдаться? Не надо!

– Зачем? Наоборот, могу повторить: дети железнодорожников имели больше прав на это помещение, оно им досталось законно... А ваш талантливый супруг слишком уж развоевался тогда. Вроде он удельный князь, а мы были – половцы! Ему бы подождать немного, а он...

– Не надо об этом! – перебила Марина. Назаров видел, как вспыхнули и потемнели ее глаза. – Я для вас не жена скульптора Локтева, а учитель вверенной вам школы.

– «Вверенной вам...» Ну полно обижаться, Марина Максимовна! Скажите лучше, как его успехи сейчас?

– Из любви к искусству интересуетесь?

– Допустим. – Он выдержал ее скептический взгляд.

– Успехов ждать не приходится. В загуле Локтев. А вообще я ничего не знаю: нет его в городе. Давно.

Назаров прошелся вдоль стеллажей, неодобрительно усмехаясь:

– Город виноват, стало быть? А заодно и жена с ребенком? Послушайте, так он же у вас слабак! А на вид бравый был парень, даже Фиделя Кастро напоминал – бородой, ростом... И предлагали же ему пустующий гараж – мог перебиться временно...

– Давайте прекратим, Кирилл Алексеич! – крикнула она.

– Давайте! – и он крикнул ответно. – Только, если по такой малой причине художник кончился, значит его и не было никогда!

Вот так он довел ее до слез. А зачем? В порядке самообороны? Затравленно глянула она сквозь слезы и дверью за собой – трах!

В досаде на себя взлохматив волосы, Назаров уставился в обложку книги Корчака.

* * *

– Ну-с? Сегодня, кажется, кто-то родился? – прозвучал над Юлей Баюшкиной голос отца, как раз в тот момент, когда она открыла глаза и снова зажмурилась: мама раздвинула шторы.

Юля зевнула и сказала:

– Мне снилось, что я разбила банку с кислотой в химкабинете...

– Чепуха, – сказала мама ласково. – Стекло бьется к счастью. У тебя сегодня и праздник, и воскресенье, совпало-то как хорошо.

Юля еще досыпала одним глазом, принимая родительские поцелуи и слушая традиционные тексты:

– Поздравляю, девочка. Будь умницей...

– Мать, уши, я думаю, драть не будем?

– О чем ты говоришь, Коля, какие уши? Семнадцать лет! Тут розы нужны, корзину роз к ногам – верно, доченька?

– Ну, роз я не достал, принцесса меня извинит, а кое-что получше имеется... Принимай!

Что-то водрузили ей на живот поверх одеяла, что-то шелкнуло, и Муслим Магомаев страстно запел:

Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала,
И крылья эту свадьбу вдаль несли,
Широкой этой свадьбе было места мало...

– Ой... большое спасибо!

Это был магнитофон – портативный, изящный. Дивная игрушка.

– Тут одним «спасибом» не отделаешься, – шутил папа, выключив Магомаева. – Такие капиталовложения должны давать хорошие проценты, дочка! Да-да... В виде пятерок в аттестате – это раз...

– Нет, – перебила мама. – Главное даже не это. Главное – понимать, что ближе родителей никого нет, что им для тебя ничего не жалко и что плохо они не посоветуют – у них опыт!

– Ладно, мать, не наседай... Юля, Юля! Ну чего ты нажала, куда? Понятия ведь не имеешь, что это за клавиша! На, читай инструкцию... Пока не ознакомишься – даже не прикасайся. Я, чтобы записать Муслима, часа полтора разбирался... Значит, первое: он работает и от сети, и на батарейках. Ну, батарейки мы зря жечь не будем...

– Пап, давай потом, а? Мне надо одеться.

– Ну-ну... – Он вышел с инструкцией в руках, а мама осталась сидеть в ногах у именинницы.

– Юленька, мы все-таки решили устроить, отец рыбу достал живую... Можешь своих позвать, только немного. А мы пригласим Борзуновых с дочкой.

– Да? – Юля тут же отменила подъем, улеглась снова. – Я рада за вас. И сочувствую рыбе. Только меня не будет.

– Начинается... Чем, чем они не угодили тебе?

– Не они, а вы. Ты!

– Интересно... Чем же это? – изумилась Клавдия Петровна.

– Тем, как ты их облизываешь. И главное: зря – мне Борзунов не нужен, я в его институт не иду, раздумала.

– Коля, ты слышишь? – воскликнула мама. – Это кому надо сказать спасибо – Марине Максимовне?

В смежной комнате зазвонил телефон, трубку взял отец. Зычно объявил:

– Именинницу требуют!

– Пораньше не могли? Наверное, она, Мариночка. Спешит показать, что не забыла... – прокомментировала мама.

Секунда – и Юля, уже в халатике, была у телефона.

... Саша Майданов торчал в автоматной будке без пальто, в свитере и шапке, с лыжами, которые, не уместаясь, мешали ему закрыть дверь. Первым делом он предупредил Юлю:

– Только трубку не бросай: у меня одна «двушка».

– А если брошу?

– Тогда мне придется еще доставать, – сказал он мрачно, выдыхая пар. – В общем, так. Я поздравляю, желаю тебе всего самого-самого... Говорить я не умею, ты знаешь. Может, я тогда и сваял дурака на сочинении... я не спорю...

– Так. Уже прогресс. Еще что скажешь?

Втянув озябшие пальцы в рукава, он замолчал. И она ждала.

Ее мама, накрывающая на стол, и папа, будто бы углубленный в магнитофонную инструкцию, – оба предельно внимательны к этому разговору Юли. И она демонстративно переходит на английский:

– Иф ю уонт ту си ми уис ивнинг, ю мэй кам...

– Секреты, – скорбно улыбнулась мама. – Вот и обучай их после этого...

– Что-что? Повтори! – заволновался в своей будке Майданов.

Юля взбунтовалась, а он это слышал:

– Товарищи, миленькие, ну дайте же словечко сказать! Я не только по-английски, я по-птичьи скоро начну разговаривать!..

– Как тебе это нравится, Николай?

– Ну, не нравится, а что я могу? Выросла девка... Пошли на кухню... Пошли, пошли, – проявил сознательность отец.

Оставшись одна в комнате, Юля сказала:

– Через час я буду на Гагаринской, ты знаешь и дом и подъезд... Но там тебе надо прежде всего просить прощения!

– Юль... а тебе не надоело там?

– Представь себе, нет!

– А то поехали в Блинцово, как в тот раз... тетки там нет сегодня. Печку затопим... там хорошо... Белки по снегу бегают...

– Никуда я с тобой не поеду, – отрезала Юля. – Ты вел себя с Мариночкой как последний хам, я тебя ненавидела... И не скоро еще отойду, понял? Все, привет белкам!

* * *

Снег! До этого он был только за окнами и мало замечался, а тут ослепил вдруг, козырнул щедростью, пристыдил чистотой...

Антошка, сын Марины Максимовны, сидел на санках и сердился: его «конь», вместо того чтобы работать, затеял долгий и непонятный разговор с мамой. «Конем» был Алеша Смородин.

Антон, крихтя, слез и пошел за скамейку в кусты – добывать себе какой-нибудь кнут. Там он с удивлением увидел Юлю Баюшкину; она присела за скамейкой, шепотом сказала:

– Своих испугался? Тсс... Мы спрячемся!

И в обнимку они стали через щель в скамье наблюдать. Ага, вот пропажа обнаружена, «конь» озирается в поисках седока...

– Анто-он! – позвала мама. – Антон, ты куда это делся? Пора не пора, я иду со двора!

Юля выпрямилась и с малышом на одной руке, со своим новеньким магнитофоном в другой пошла наискось через детскую площадку.

– Граждане, – обратилась она учтиво к Марине и Смородину, – вы, случайно, не знаете, чей это ребенок? Если ничей, я беру его себе.

– Знакомое лицо, – подыграла ей Марина. – На днях точно такого продавали в овощной палатке, купите себе...

Антон хохотал, абсолютно счастливый, – он любил юмор.

– А это откуда? – спросил Алеша про магнитофон.

Юля поставила маленький аппарат на санки и включила – на сей раз это была запись с популярной детской пластинки, в которой Антошку зовут копать картошку, – Юля специально с этим шла к одноименному ребенку. Пока он радовался и подпевал, она объяснила:

– Подарок. От родителей: я сегодня родилась.

– Юлька... Алеша, это свинство, что мне никто не сказал...

– Да мы и сами прошляпили. Поздравляю!

А Марина Максимовна поцеловала ее и какие-то секретные вещи зашептала на ухо, отчего Юля порозовела:

– Спасибо... только это непросто, вы же знаете...

– Алеша, – повернулась к нему Марина, – ты очень зол на Майданова? Даже теперь, когда нашлись вторые очки?

Он пожал плечами:

– А я не из-за очков, а из-за вас. Товарищ хамил в лицо... И вы уже простили?

– А что, непедагогично? Теперь надо объявить ему войну?

– Не войну... но, как минимум, вытащить его на бюро! Не я один так думал.

– Ваше право. Только зачем? Лучше прийти с ним ко мне – все равно ж мы соберемся, раз такой день! И может, заодно пойдем: почему он всеми иглами наружу, кто и в чем виноват перед ним? Юля, можешь его пригласить?

– Сегодня? Нет... Он за город уехал, в Блинцово. Там у него и тетки нет, и белки скачут, и печку, видите ли, можно разжечь... Как будто я никогда печку не видела... Или белку! – Она повела плечом очень индифферентно.

Антошка заявил, наоборот, с большим подъемом:

– Хочу белку! Где она?

– Вот у Юли спроси, – отозвалась мама. – Ты была там?

– Один раз, в октябре. А что?

Марина пересела на качели и недолго думая спросила оттуда:

– Слушайте, не рвануть ли нам за город? Не потеснить ли Майданова возле его печки?

– Это вы из-за кого предлагаете? – спросил, глядя на Юлю, Алеша.

– Да из-за себя, господи! Из-за этих белок! Из-за Антона: он зимнего леса никогда не видел... А вы видали? Где, когда? Прошлым летом по телевизору? – задиралась она, пока не раздалось единоегласное:

– А что, в самом деле? Поехали...

* * *

В электричке – те же плюс Таня Косицкая и Женя Адамян. Вагон свободный, почти безраздельно принадлежит этой компании. Антошка имеет возможность облазить разные скамейки. Адамян везет свои лыжи, захвачен и рюкзачок с провизией. Разговор неупорядоченный, скачущий.

– Марина Максимовна, а давайте «Маскарад» поставим? Майданов – Арбенин, Юлька – Нина, я – баронесса Штраль... – смеется Таня.

– Издеваешься? Нину мне никогда не дадут, я и не надеюсь, носом не вышла...

– Да, носик у тебя скорей уж для Марии Антоновны из «Ревизора». Но это мы простили бы...

– Майданов уже простил! – вставил Женя.

– Не твое дело. Но пока у тебя тройки – Юля, я тебе говорю! – никаких ролей и маскарадов, понятно?

– Подумаешь, тройки... в день рождения о них можно не напоминать. Правда, Антон? И вообще, я их, может быть, нарочно получаю!

– То есть?

– Чтоб меня нельзя было запихнуть в тот институт, куда я не хочу!

Адамян засмеялся:

– А там, куда хочешь, – троечников берут вне конкурса?

– Нельзя, Юлька, невозможно, – говорила Марина Максимовна, – перед таким человеком, как наш физик, стоять и мямлить: «Я учила, но забыла» – провалиться легче! Так, Женя?

– Да, он корифей, – подтвердил Адамян. – Алексис, ты ему не отдавай Макса Борна, ты «прочти и передай товарищу»...

– Угу...

– Мальчики, вы не сорвитесь у меня, – озабоченно сказала Марина.

– Я, конечно, не в курсе, но... Макс Борн – может быть, это уже чересчур?

– Думаете, не наш уровень? – улыбнулся Алеша Смородин.

– Ваш, ваш! Но я перегрузок боюсь. Сейчас финиш, десятый класс, третья четверть – самая утомительная... – говорила она, поправляя ему шарф и обматывая нитку вокруг верхней пуговицы, готовой отлететь.

Он вдруг отвел ее руку и произнес медленно:

– Вот когда вы так делаете... я не только трудных авторов... я букваря не понимаю!

– А я – тебя... – растерянно сказала Марина. – Ты о чем, Алеша?

– Не важно. Не обращайтесь внимания.

И сразу заинтересовался ландшафтом за окном. Ему повезло: ребят отвлек Антошка, они не слышали этого.

* * *

Когда они выходили на заснеженный участок под предводительством Юли, Майданов, в шапке и свитере, вытягивал полное ведро из колодца.

Он так опешил, увидя всю процессию, что выпустил ручку, и она завертелась как ошпаренная... Тыча пальцем в него, Юля хохотала над его столбняком, и другие гости – тоже, а малыш, которого нес Смородин, спрашивал:

– Это Майданов? А где белка? А что это крутится?

А через полчаса все заминки и психологические трудности были, казалось, далеко позади...

На майдановских лыжах Юля скатилась с горки по искрящейся пушистой целине, а внизу шлепнулась, вспахала ее носом.

– Приказываю! – зазвенел на просторе голос Адамяна. – Торжественный салют семнадцатю артиллерийскими залпами! По новорожденной!

Сверху в нее полетели снежки, веселые и безжалостные.

Солнца в этот день было сколько угодно. И Антон не капризничал. Что касается Майданова, он был насмешлив, слов тратил минимум, общался с Антошкой охотнее, чем со всеми.

Похоже, это паломничество к нему настроило его иронически. Но хорошо хотя бы, что злость прошла, думалось Марине... Вот он на склоне горы по свежему насту пишет лыжной палкой крупнейшую римскую цифру XVII – в Юлину честь. А лица не разглядеть отсюда...

– Юля... С той компанией он уже не имеет дела?

– Вроде нет... Баба Сима успела ему мозги прочистить. Ну и я немного повлияла, наверное... Двое оттуда уже в колонии, знаете?

– За что?

– Киоск кожгалантереи взломали.

– Красота! – горько сказала Марина.

– Они бы и Сашку потянули – слава богу, у него тогда был перелом руки...

– Да? А если бы...

– Нет! – почти вскрикнула Юля. – Я не то хотела сказать, он и со здоровой рукой не пошел бы! Верите?

– Я-то ему готова верить. Он мне – нет...

– Мы вас знаем три года, а он – один. И после всего, что было, трудно ему причалить к нам...

– Я о том и говорю. Собираетесь вы у меня, ревнует он тебя ко мне... Ревнует, не спорь! Только напрасно, объясни ему. Я могу написать на своей двери аршинными буквами: «Все, кому интересно, – добро пожаловать!»

– Я понимаю... А как сделать, чтоб ему интересно стало?

– Ну и вопросик... Я ж не волшебник, Юлька, я только учусь...

...А еще они гуляли по лесу. Слушали капустный хруст снега под ногами, высматривали обещанных белок. Дергали ветки, чтобы по-братски уронить снег на голову зазевавшемуся «ближнему». Антошку тащили и развлекали по очереди, и никому он не был в тягость.

И была такая подходящая опушка, где Марина попросила:

– Таня! Почитай-ка нам.

– Стихи? Прозу? Басню? Монолог? – тотчас перебрала она весь ассортимент, с которым собиралась поступать в актрисы.

– Стихи.

– Пожалуйста. Ну, допустим, вот это. Называется – «Из детства»:

Я маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Сбирается вещий Олег...»
Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке душу,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.
Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я маленький, глупый, больной.

– Хорошо, – вздохнула Марина и посмотрела на Майданова. Тот, наморщив нос, спросил:

– Над чем он плачет? «Над брэнностью» – это как?

– Над тем, что все проходит на свете, ничто не вечно.

– Ну правильно, – согласился Майданов мрачно. – Человеку это всегда обидно. Хоть маленькому, хоть какому.

– Даже мне понравилось, – заявил Адамян. – Странная вещь: информация ведь минимальная, так? Ничего нового, ошеломительного не сообщается. А действует!

Марина взяла его шапку за оба уха, надвинула на глаза:

– Женька, ты чудовище! Ну можно ли думать о количестве информации, когда тебе читают стихи?

– По-моему, за этим стихотворением моих данных совсем не видно. Они как бы не нужны, – пожаловалась Таня.

Майданов сплюнул. Когда его что-то коробило, он сплевывал.

– А ты их не навязывай, – резковато сказала Марина. – Кому надо – увидит. Ты же не в манекенщицы идешь – в актрисы!

– Все равно. Я чувствую, что для поступления это не подходит. Надо взять что-нибудь гражданское, патриотическое...

– А что, – спросил Смородин угрюмо, – красивым девчонкам прощаются пошлости?

– Пошлости?! А что я такого сказала?

– Когда же люди поймут, Марина Максимовна? Когда они поймут, что нельзя выставлять свой патриотизм, чтобы тебе за него что-нибудь дали или куда-нибудь пропустили! Другие свои данные выставляй, пожалуйста; может, и правда, в дом моделей возьмут... А это – не надо!

Татьяна, округлив большие красивые глаза, готовилась заплакать.

– Дядя Алеша сердится? – спросил Антон у Майданова, с которым успел подружиться.

– Ага, – сказал Майданов. – Он идейный.

И толкнул плечом Адамяна: отойдем, мол.

Когда их не могли слышать, спросил:

– Кто из вас придумал этот... культпоход? Только мозги не пудрить, я все равно узнаю.

– А тут все открыто, – удивился Женя. – Предложила Мариночка.

– Так я и знал. Педагогические закидоны!

– Слушай, ты ее все время с кем-то путаешь. Она – человек, понимаешь? С ней интересно – раз. Никогда не продаст – два. И говорить можно о чем угодно – три. Нам дико повезло с ней, если хочешь знать.

– Наивняк... Ну давай, заговори с ней «о чем угодно». О чем ей педагогика не велит!

– Ну например? О сексуальной революции? – ухмыльнулся Женя.

– О сексуальной? Нет, тут она сразу иронии напустит. Надо такое, от чего нельзя отхохлиться. Начни только – сам увидишь, как завилает.

– Да что ты против нее имеешь?

– «Душевница» она. А я учителям-«душевникам» не верю! Я нашей Денисовне, завучихе, верю больше, понял? В трех школах перебивал, видал всяких. Одна инспекторша детской комнаты – тоже молоденькая, нежная, с «поплавком» МГУ на груди, – так со мной говорила за жизнь, так говорила...

– И потом что?

– А потом – протокольчик. И в нем черным по белому: «На собеседованиях Майданов Александр показал...» Ну и там все мои сопли доверчивые в дело пошли. Против Витьки Лычко и других... Ты их не знаешь. Актриска она была, понял?!

– Да... невесело, – признал Женя и тут же возразил: – Но это совсем из другой оперы!

– А я рассказал так, для примера... Ну чего это она решила в гости ко мне? Чудно ведь!

– Брось, Майдан. У нее никаких задних мыслей!

– Не знаю. Вот у ее «пузыря» – точно, никаких! – Майданов улыбнулся. – Но мама-то она ему, а не нам. Нам – классная дама, пускай даже самая лучшая. А друг твой, Смородин, – все-таки комсомольский чин... Так?

– Ну и что? Мы его выбрали, он же отбивался!

– Ладно, поговорили, иди к своим...

Женя отстал от него, тяжело озадаченный.

* * *

А потом в доме, когда гудела в печке отличная тяга, когда накормленный Антон спал под шубкой на оттоманке, а остальные пили чай после сытной пшенной каши, имел место разговор (несколько туманный для непосвященных, но это ничего: если они потерпят, все прояснится).

– Ладно, никто не спорит с тобой, – говорил Смородин. – А чего ты от Марины Максимовны хочешь?

– Мнения! – настаивал Адамян.

– Зачем? Это наша проблема, и мы решим ее сами...

– Как? Вызовем Голгофу на бюро?

– Не смей!

– Баба Сима могла бы... – меланхолически сказала Юля.

– Так ее уже нет. – Адамян ходил взад-вперед, глядя себе под ноги. В нем заметна какая-то напряженность. – Есть Марина Максимовна, но она молчит...

– Жень, а я имею, по-твоему, право обсуждать это с вами? – спросила Марина Максимовна.

– Нет? Ну, не надо... что ж. Вообще-то, я и сам понимаю...

– Зачем же начал?

– Надеялся, что вы...

– Лопух потому что, – вдруг высказал с оттоманки Майданов, охранявший там сон ребенка. – Марине Максимовне неинтересно иметь неприятности из-за тебя, правда же?

Повисла пауза.

Смородин чиркнул спичкой для Марины: она разминала сигаретку. Но рассердившись (на себя?), она задула эту спичку и принялась эту сигарету крошить:

– Трудный вопрос, да. Тягостный. Такой, что все стараются отвести глаза. А надо бы набраться духу – причем не тете Моте, а мне самой! – и сказать на педсовете: «Вот мнение моих десятиклассников об одном из нас. Давайте думать, как быть».

– Вот! Я только этого и хотел!

– Ну и прекрасно. Если б еще обоиться без этой злости... Ты хотел знать – смогу ли я? Готова ли? Скоро буду! Но даже если я смогу завтра в девять утра, – вы-то опаздываете с вашей критикой. Результат будет, дай бог, для восьмых и девярых, а вам – I am sorry very much – заканчивать в этих «предлагаемых обстоятельствах».

– Ясно, – подвел итог Женя. – Как один конференсье объявлял: «У рояля – то же, что и раньше».

И Адамян виновато отошел в темный угол, откуда мерцал глазами Майданов. Они там обменялись немногими словами. Тем временем Юля спросила:

– Марина Максимовна, а как вам этот директор? Нравится?

– Граждане! Предупредили бы, что экзамен, – я ж не готовилась!

– Не будет он лучше бабы Симы, это ясно, – вздохнула Таня.

– О чем говорить!

– Он еще не проявился и не мог успеть, – отвел Алеша этот вопрос от Марины Максимовны, но Юля от нее домогалась истины:

– Нет, не как начальство, – как человек?

– А в нашем деле это все как-то вместе... Вот баба Сима считала, что хорошая школа – учреждение лирическое! Сами понимаете: надо быть белой, белоснежной вороной, чтоб так считать! А уж среди отставных военных...

– Он серый вообще? Как слон? – уточнила Таня.

– Не знаю... Нет, ярлыков не лепите, это зря... Такого, от чего уши вянут, я от него не слыхала пока. Взгляд такой... вбирающий. Знает вроде, что в уставах – еще не вся философия, не окончательная. Но все же вряд ли он пришел руководить «лирическим учреждением», а? – усмехнулась Марина. – Боюсь, теперь труднее будет раскрутить некоторые наши затеи. Вечер сказок Евгения Шварца – помните, все откладывали?.. Или вечер французской поэзии, от Вийона до Жака Превра... Или вам самим уже нет дела до них?

Ее успокоили:

– Да что вы?! Наоборот! Вдвойне охота...

– Но с этим не вылезешь теперь в актовъй зал... Разве что – в классе, на ножку стула заперевшись... под сурдинку... Главное – не киснуть, правда? И от намеченного не отказаться. На чердаке, в котельной – какая разница? Я притащу одну книжку о театре, увидите: так называемая «эстетика бедности» – очень даже на почетном месте... Братцы, а ведь уже темно. Родители ни у кого не волнуются?

– Да знают они, рано не ждут.

– Мы не в пятом классе...

Юля не ответила на вопрос о родителях.

– Юль, тебе батареек не жалко? Машинка-то крутится, – заметил Майданов о магнитофоне. – Истратишь за один день...

– Куплю еще.

– Спасибо, что забыли о нем, – сказал Женя, выключая аппарат и сматывая шнур микрофона. – А то каждый старался бы вещать для истории и обязательно нес бы чушь...

Юля отозвалась, по-прежнему сидя на корточках у печки:

– А мне надо, чтобы было что вспомнить! Будет кассета с нашей историей – чем плохо? Включи опять, мы сейчас напоем туда что-нибудь...

И они спели в пять голосов (Майданов не знал слов, только покачивался в такт). Песня была такая:

Сударь, когда вам бездомно и грустно,
Здесь распрягите коней:
Вас приютит и согреет Искусство
В этой таверне своей...
Девушка, двигайся ближе к камину,
Смело бери ананас!
Пейте, месье, старой выдержки вина –
Платит Искусство за вас!
Классика! Двери ее переплетов
Чуть заржавели, увы...
Впрочем, сеньор, выше всех звездолетов
С нею окажетесь вы!
И поразит вас бессилье злодея –
Бедненький, весь он в крови!
Серой опасно запахнет идея,
Если в ней нету любви...

Последние строчки каждой строфы повторялись дважды.

* * *

Когда вышли на привокзальную площадь, Майданов молча передал спящего Антошку Смородину. И потянул за рукав Юлю:

– Пойду я... ладно?

– Не хочешь меня проводить? Интересно... За весь день осчастливил тремя словами... а теперь «пойду». Иди!

– Адамяну же с тобой по дороге, он так и так увяжется.

– Не ври, ему гораздо ближе.

– И потом, вы же еще туда завернете, на Гагаринскую?

– Обязательно. А тебе некогда?

– Время-то есть... Незачем мне туда, Юль! Не понимаю я, когда из учебы и личной жизни делают винегрет...

– Ах вот в чем дело!

Майданов послушал, как она смеется (определил, что «на публику» был этот смех) и крупно шагнул вперед, чтобы опередить Марину:

– Марина Максимовна, мне налево, до свиданья...

Она скользнула взглядом по Юлиному лицу, удивленно ответила:

– До свиданья...

* * *

Марину Максимовну провожали до самой квартиры. Еще на лестнице она прислушалась и сказала:

– Телефон у меня разрывается...

Она могла бы и не бежать – потому что звонки были упорные и не думали прекращаться.

– Да? – сказала она в трубку, задохнувшись. – Да, я... За городом. А кто это? А-а, здравствуйте, добрый вечер. Вас зовут... сейчас вспомню... Клавдия Петровна, да?

Ребята вошли и слушали. Спящего Антона Смородин бережно положил на тахту и стал расстегивать на нем шубку. А Юля вся напряглась, норовя прямо-таки вырвать телефонную трубку, словно оттуда исходила опасность для учительницы.

– Во-первых, я поздравляю вас, Клавдия Петровна... И я, и все наши ребята... Что? Он и не мог ответить: мы только что вошли... Нет, что вы, никто ее не похищал! Она мне этого не сказала... Юля, ты знала, что к тебе должны прийти гости?

– Знала и не хотела! Дайте же мне! – рвалась она к трубке, но мама ее говорила Марине что-то распространенное и тяжелое, и Марина не пыталась вставить в этот монолог оправдательных слов, и с ее сапожек текло, и она молча оборонялась от Юли, уже готовой нажать на рычаг – разъединить...

– Что, что она там несет?! – изнемогала Юля.

Смородину пришлось держать ее за локти. Наконец Марина Максимовна смогла ответить:

– Клавдия Петровна, ей было хорошо, ей все было на пользу в этот день... Вас это не утешает? А я могу извиниться, что не поставила вас в известность. И обещаю, что минут через двадцать она будет дома. Ее проводят. Только... пожалуйста, не надо ничего обобщать сейчас... вы раздражены... Хорошо, пусть в другом месте. До свидания.

Она положила трубку и устало сказала Адамяну:

– Проводи ее, Женя.

Юля плакала, отрицательно качая головой:

– Нечего мне там делать после этого!

– Кончай истерить, Юлька, – сказала Таня. – Они тебе и магнитофончик, и сапожки югославские...

– Ну спасибо им, спасибо! – крикнула Юля. – Но я бы с тоски сегодня померла, если б с их гостями сидела... А главное – зачем я там? У них же хороший цветной телевизор!

Некоторое время все молчали. Марина ушла в смежную комнату укладывать сына. Юля метнулась за ней туда, стягивая с себя пальто.

– Можно я его уложу?

– Нет. Иди домой, – был ответ, и дверь той комнаты закрылась перед ней. Она стояла в смятении, в сознании вины, грызла ноготь. Потом сбегала в ванную и принесла тряпку – затереть лужицы талого снега на полу. Но Алеша наступил на тряпку ногой и тоже сказал непреклонно:

– Иди, иди. Управимся. – Он нагнулся и стал действовать тряпкой с уверенным домохозяйственным навыком. Юля села в углу, плечи у нее вздрагивали.

– Дано: Жанне д'Арк хочется спасти Францию, – сказал Адамян меланхолично, – а папаша велит ей пасти коз. Спрашивается: как им договориться?

Алеша присел на корточки, поправил очки и заговорил:

– Нет... все-таки самостоятельность начинается не с того, чтобы доводить предков до инфаркта. Как-то иначе их надо воспитывать.

Вышла к ним Марина:

– Спит без задних ног... Алеша, зачем? Отдай-ка тряпку.

– А я уже все.

– Спасибо, ребята... Длинный был день, правда?

– Особенно мне спасибо, да? – всхлипнула Юля.

– Юля, не разводи мне сырость тут! Уладишь с мамой разумно, по-взрослому, и не будет никаких трагедий... Не инфантильничай, поняла?

– Тем более, – сказал Адамян, – что тебе не нужно осаждать Орлеан и спасти Францию. Спокойной ночи, Марина Максимовна.

Она стояла в дверях, провожая ребят.

Сморозин, уходивший последним, сделал два шага вниз, потом три – обратно: огорченное лицо Марины не отпускало его.

– Зря вы так... Нельзя на всех реагировать с одинаковой силой, не хватит вас.

– Уже не хватает. На Майданова, например. На Таню, красавицу нашу... Да на многих...

– И что? Будете переживать?

– Сейчас нет, не буду. Выдохлась. Начну завтра с восьми утра, – улыбнулась она. – Спокойной ночи, Алеша.

* * *

– Разрешите?

В директорский кабинет входит учитель физики Сумароков – поджарый, высокий человек с палкой.

– У меня пустяковый вопрос. – Он прохромал только полрасстояния от двери до стола, остановился почему-то на середине и заговорил, избегая называть Назарова по имени-отчеству (может, не запомнил еще?). – Нельзя ли так устроить, чтобы приказы по школе оглашались не на уроке?

– Простите, не понял.

– Входит ваш секретарь, формально извиняется и отнимает ни много ни мало, а пять минут... Удобно ли это учителю – такая мысль не волнует ее.

Дверь распахнулась.

– Как вы можете, Олег Григорьевич? – вперед выступила пухленькая блондинка Алина. – Это я что, развлекаюсь? От нечего делать, да?

– Не знаю, милая, но так нельзя. Перед ребятами рождалась планетарная модель атома Резерфорда... и вдруг – пожалуйста! – является совсем другая модель...

– А уж это нехорошо, ей-богу! – Алина просто вне себя от сумароковского тона.

– Почему же? Модель сама по себе недурна, но не взамен резерфордовской, киса! А как по-вашему? – спросил физик Назарова.

– Минутку, Алина, это что – приказ о дежурстве в раздевалке?

– Ну да. И в буфете.

– Вот там и повесить. А если зачитывать – только на линейке с этого дня. Урок – неприкосновенное дело. Поняли?

– Я понятливая. – Алина поиграла многозначительной оскорбленной улыбкой.

– Это все, Олег Григорьевич?

– Да, благодарю. – Он удалился, сухой и прямой, как раз в тот момент, когда звонок прекратил перемену.

– Уж для него-то я никак не «киса»! – Алина сузила глаза. – Во внучки ему гожусь...

– Ну-ну-ну... – произнес в рассеянности Назаров, собираясь на урок.

– Так будет каждый приходиться и ставить свои условия. Знаете, что это, Кирилл Алексеич?

Это ваш характер испытывается!

– Знаю! – бросил он, уходя. И уже в дверях: – Если позвонят из милиции насчет того беглеца из пятого «А», поднимитесь сказать, ладно?

– Как? Среди урока? Вы ж сами только что...

– А сейчас я говорю: если найдется ребенок, поднимитесь сказать. Среди урока! Истина конкретна, слышали?

* * *

Кабинет военного дела и автомобилизма. Стенды, макеты, карты военной топографии. Ящик с песком. Присутствует только мужская часть десятого «Б».

Назаров трогал указкой нарисованный дорожный знак, глядя на Алешу Смородина. Тот стоял, от него требовалось этот знак истолковать.

– Ну?

– Запрещен разворот? – гадал Алеша.

– Пальцем в небо. Майданов!

– Преимущество в движении встречного транспорта, – спокойно, с ленцой сказал Майданов.

– Так, дальше. – Указка касалась другого знака. – Смородин!

– Не знаю, – сознался Алеша и сел, хотя Адамян подсказывал так, что повторить за ним легче легкого.

– Майданов! А ты постой, Смородин, постой...

– Конец запрещения обгона.

– Так, а здесь?

– Ограничение габаритной высоты... Подряд говорить? Ограничение нагрузки на ось.

– Майдан, ты уже машину, что ли, купил? – спросил кто-то сзади.

– А ты не знал? – огрызнулся он. – «Кадиллак»! Серый в яблоках...

– Тихо, остроумие потом... Смородин. – Директор подошел к нему вплотную. – Стало быть, по запрещающим знакам – ни в зуб ногой. Почему?

– Я уже говорил вам: я никогда не сяду за руль. У меня минус пять.

– Да-да, помню. И ты «неадекватен сам себе»...
– Даже если б разрешили, я бы не сел. Я был бы опасен! – Вдруг он улыбнулся. – Вон тот знак я понимаю...

– Который?

– Крайний слева. Означает «осторожно, дети!».

– Удивил! Тем более, что дети прямо нарисованы... Ну ладно, автомобилизм – дело факультативное, принуждать не могу. Но военная подготовка – это, брат, другое. На днях ты стоял такой же застенчивый, когда задача была – собрать автомат Калашникова. Теперь бы мог?

Алеша молчал.

– Да он же поступит в университет, Кирилл Алексеич! – не выдержал Адамян. – Ему же медаль обеспечена!

Назаров потемнел:

– Это еще не факт, Адамян! Факт, что есть статья шестьдесят третья Конституции СССР... Или выполнять ее – тоже не его мечта?

Алеша, у которого кровь отхлынула от лица, сказал:

– Там про мечту не сказано, в статье шестьдесят третьей... И я же не нарушил ее пока? Ни ее, ни других статей. Так что не надо повышать на меня голос. Если можно.

Назаров выслушал с усмешкой, взгляд его не смягчился:

– А профилактика? Сейчас я даже не про Смородина. Я – про «вечных белобилетников». Про эту установку их. Независимо ни от очков, ни от болезней... Когда молодой человек решает: солдатчина? казарма? хождение строем? Ну нет, увольте, это для других, для менее ценных!.. Симпатичен такой кому-нибудь из вас? Мне – нет.

Раздался звонок. Глядя прямо на Алешу, в глаза ему, Назаров закончил так:

– А про твои заслуги – и научные, и комсомольские – мне известно. И физик тебя нахваливает, и Марина Максимовна... Но в следующий раз я тебя гоняю по тактико-техническим данным, а также сборке-разборке автомата Калашникова. Основательно гоняю. Это ко всем относится! – предупредил и вышел.

Наблюдалось некоторое оцепенение.

Круглоголовый, с тонким голосом Ельцов высказал:

– Парни, а ведь у нас директор еще не обозванный ходит! Кличка Унтер подойдет?

– В смысле – Пришибеев? – уточнил Женя.

Подошел к Алеше Майданов, предложил с неловкостью и поэтому грубовато:

– Взять тебя на буксир, натаскать? Один, два вечера – и будешь иметь у него пять баллов... Он ведь, кроме шуток, может не дать медаль... Даже тебе!

– Спасибо... Это я просто горю на плохой механической памяти, – объяснил Алеша в досаде. – Мозг уже не принимает того, что надо запоминать без доказательств...

– Шериф! – крикнул Ельцов. – Парни, нашел, потрясная кличка... Он же вылитый шериф, ей-богу!

– Это пойдет, – расплывшись, одобрил Адамян, – да, Леш?

Дверь распахнула Таня Косицкая:

– Эй, Мариночка зовет, вместо урока мы будем телик смотреть...

* * *

Ребята шумно возликовали: «Мариночке – слава! Ура!..»

Опять директорский кабинет.

– К вам две мамы, Кирилл Алексеич. – Алина вошла с этими словами. Томная улыбка на ее губах играла независимо от смысла того, что она говорила или слушала. – И сию минуту из милиции звонили: Додонова из пятого «А» сняли с поезда на Адлер.

– Сняли?! Фу-ты ну-ты... – Назаров откинулся в кресле. – Номер отделения, телефон записали?

– Да.

– Сейчас соедините меня. В Адлер его понесло... В Сочи то есть. У нас ему холодно!

Вошла Марина Максимовна в черном свитере с рукавами, вздернутыми до локтей.

– Можно? У меня просьба, Кирилл Алексеич...

Была в ней стремительность, которую он считал нужным притормозить. Наиграл хмурость.

– Минуточку, присядьте... Алина, пока не забыл: макулатуру, которую таскают маленькие, должен сортировать кто-то взрослый. Прямо скажите библиотекарю, – как ее? Верочка? – что я распорядился. Гляньте-ка, что я сегодня выудил оттуда... – Он предъявил две мятых книжки. – «Птицы России», монография, и Евгений Долматовский «Стихотворения и поэмы»...

– Смотрите, карта выпала... Карта сезонных птичьих перелетов, – живо отозвалась Марина. – Какой же дикарь выбросил?

– Вот давайте не будем на него похожи. Чтоб ни одной серьезной книжки не пропало, понятно, Алина? Лучше мне дарите – у меня дома в основном политическая литература... С пользой перечитаю... Долматовского того же.

– Хорошо, – с улыбкой сказала Алина.

Кажется, над ним уже иронизирует его секретарша. Да еще в присутствии этой женщины!

– А чему вы улыбаетесь? Вы знаете все его стихотворения? И тем более – поэмы?

– Все – нет...

– А улыбаетесь! Через две минуты соединяйте с милицией. Как вы поняли – в детприемник они его не упекут?

– Ну зачем, вряд ли...

– Родителей известили?

– Кто, я? Нет... Кто поймал, тот пусть извещает, для того там и сидит инспектор детской комнаты...

– Алина! – Назаров побагровел. – Вы мать Додонова видели? Какое у нее лицо было вчера? Мы все оглянуться не успеем, как у вас свой пацан будет! И представьте, что семнадцать часов вы не знаете, где он!

– Извините... Сейчас позвоню.

В дверь просунулись головы двух девушек.

– А вам что?

Оказывается, в канцелярию набилось человек тридцать десятиклассников. Марина объяснила со старательной непринужденностью:

– Это мой класс, мы хотим напроситься к вам в кабинет на этот час... Из-за телевизора. Там сейчас будут пушкинские «Маленькие трагедии» по второй программе. Оказывается, почти никто из моих не видел... а это нельзя не посмотреть.

– Да? – слегка растерялся Назаров. – Так-таки нельзя?

Алина саркастически покачала головой и напомнила:

– Кирилл Алексеич, вам надо двух мамаш принимать.

– Ну, я-то место найду... – Он посмотрел на Марину озадаченно. – У вас же сейчас совсем не это по плану?

– Нет, – вскинула она голову. – Но знаете, внеплановый Пушкин – он еще гениальней!

– Балуете вы их, вот что, – вздохнул Назаров и повернулся к телевизору. – Пирожными кормите свой десятый «Б»...

– Русской классикой я их кормлю! А это давно уже – хлеб. – Похоже было, что Марина рассердилась. – Ну что же вы? Время идет, скажите: можно или нельзя?

Он покорно щелкнул рукояткой «Рубина», а она распахнула дверь:

– Заходите, ребята!

Глядя, как этот табун вторгается в директорский кабинет, Алина подняла глаза к потолку и шепнула сама себе:

– Край света!

Но у Назарова глаза стали веселые. Вот он настроил, подкрутил, и на экране появилась заставка, обещающая показ «Моцарта и Сальери»...

Стульев в кабинете хватило только на девочек. Назаров потоптался, глядя на стоящих у стен мальчиков, потом флегматично, не торопясь, стянул зеленую скатерть с длинного стола, за которым проходили педсоветы, и сделал над ним приглашающий жест.

Они не заставили просить себя дважды.

Звучала тема из моцартовского «Реквиема».

Назаров, стоя за Марининым стулом, наклонился к ее уху:

– С вами не соскучишься...

– Благодарю... – И, не отводя глаз от экрана, где уже появился Николай Симонов – Сальери, она поднесла палец к губам: – Тссс...

Телефонный звонок. Вместо того чтобы снять трубку, Назаров отключил розетки обоих аппаратов и вышел из кабинета бесшумно.

Сальери начал свой монолог...

* * *

– Простите, вы ко мне? – окликнул Назаров двух родительниц в распахнутых пальто. Дожидаясь его в вестибюле, они обсуждали что-то; предмет дискуссии особенно распалял одну из них – Клавдию Петровну Баюшкину. Женщины оглянулись.

– Кирилл Алексеич, это вы? Очень приятно, Баюшкина.

– Назаров.

– Смородина. – Мать Алеши оказалась маленькой, щуплой и стеснительной.

– Попрошу на второй этаж, в учительскую... Только нужно раздеться.

– С удовольствием... Я, наверное, красная сейчас, как этот огнетушитель, – говорила Клавдия Петровна, выскальзывая из шубки. – Сюда шла с классом Юлия, моя дочь... И если бы она меня увидела, мне бы несдобровать!

– Вот даже как? – Он приподнял брови.

– Да-да, тут весьма щекотливый вопрос. Так что умоляю: не выдавайте меня...

– Хорошо.

– И меня, если можно... – совсем тихо и подавленно сказала Смородина.

* * *

...В учительской мы следим за разговором с того момента, когда суть щекотливого вопроса уже наполовину изложена: это заставило Назарова нахохлиться, помрачнеть... И Клавдия Петровна продолжала излагать – то понижая голос с оглядкой на Ольгу Денисовну, которая писала что-то за дальним столом у окна, то забывая об ее присутствии...

– В одиннадцать вечера, Кирилл Алексеич! Гости, конечно, не дождались и ушли. Смертельно обиженные... Причем явилась с мокрыми ногами! А у нее был нефрит, ей нельзя простужаться!..

Но я сейчас не об этом... Я вообще не понимаю, что у них там происходит, я прошу объяснить мне! Там маленький ребенок. Прекрасно. Я сама мать, хотя и не мать-одиночка, я знаю, что три года – это прелестный детский возраст, но... но я не готовила дочь в няньки, Кирилл Алексеич! Для этого не надо так долго учиться... В десятом классе, в решающем году

они выкраивают время, чтобы по очереди гулять с этим ребенком в субботу и в воскресенье! Но если у меня или у отца просьба к ней – она не может, потому что «много задали»... А что они там делают по вечерам? Раза два в неделю – это уже традиция. Говорят? О чем говорят? Видимо, они выговариваются там дочиста, потому что для нас у Юли остается совсем мало слов: «да», «нет», «нормально», «не вмешивайся», «сыта», «пошла»... Думаете, не обидно? – В голосе Клавдии Петровны зазвенели слезы, она отвернулась, теребя пальцами желтую кожу мужского портфеля, который имела при себе.

– Так вы считаете, что Марина Максимовна восстанавливает Юлю против вас?

– Не знаю... Может, ее и развивают там, но после посиделок в том доме девчонка приходит чужая! Мы с мужем не хотели бы развивать ее в такую сторону... И не позволим, Кирилл Алексеич. Муж мне так и велел сказать: не позволим!

– Да... – Назаров закурил. – Ольга Денисовна, вы нас слушаете? Подключайтесь. Вы же лучше знаете историю вопроса.

Клавдия Петровна несколько замялась, щелкая замком своего портфеля.

– Но, Кирилл Алексеич, мы только сигнализируем, а дальше – вы уж сами, пожалуйста!

– Да-да... – отозвалась Ольга Денисовна. Лицо ее затуманилось, и высказываться она не спешила. Встала, зачем-то глянула в окно.

– Кирилл Алексеич, там как будто привезли оборудование. Наверно, ищут нас – принять, подписать накладные... Мамаши извинят? Это две минуты... – И она вышла в коридор. Назаров извинился, пошел за ней...

* * *

– Какое оборудование?

– Никакого! Военная хитрость. Отойдемте... Историю вопроса вы хотели? Что ж, дыма без огня нет. Марина без конца дает поводы. Не может без фокусов, без педагогической отсебятины... И уже знают ее с этой стороны. Так что в роно с помощью такой Баюшкиной легко может завариться каша... А нам это нужно?

– Пока не знаю... Пока слушаю вас.

– Не-ет, Кирилл Алексеич, тут ваше слово решает! – прищурилась Ольга Денисовна. – А я – что же я? Скоро тридцать пять лет, как работаю, в общем-то, на выход пора. И не хочу я запомниться ребятам этакой телегой несмазанной, которая все против молодости скрипела. Невеселая, знаете, роль.

– Что ж, могу понять... Но сейчас-то вы не с ребятами говорите.

– Видите ли... Если тянутся они к учителю, этим уже многое сказано, это уже талант. А таланты, наверное, без отсебятины не могут... Гнать их за это? Вроде невыгодно. Вот сумейте-ка так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты! Главное – успокойте мамулю, чтоб она дальше не пошла...

Он понятия не имел, как решается эта задача. Ольга Денисовна за руку подвела его к учительской и сделала знак, чтобы он шел туда, а она, дескать, потом.

Назаров вернулся к мамашам.

* * *

– Ну а у вас такие же претензии? – обратился он к Смородиной.

Под его взглядом Алешина мать опустила голову:

– Я не знаю... может, и не надо было мне приходиться... – и опасливо покосилась на Баюшкину.

Клавдия Петровна вспыхнула:

– Ирина Ивановна, миленькая! А кто вчера плакал в телефон, что с вашим Алешей творится неладное?

– Я не говорила – «неладное»... Непонятное для меня – это есть. А сейчас я думаю: они-то любят учительницу, а мы ругаться пришли... Завидуем ей, что ли?

– Да, похоже, – усмехнулся Назаров.

– А чем эта любовь покупается, хотела бы я знать! – Клавдия Петровна возвысила голос.

– Мало ли что говорят, – тихо, но упрямо твердила Смородина. – Я только медицинская сестра – образование невысокое... И мне надо верить своему Алеше... А то я наговорю тут ерунды, он потом не простит.

– Ну, милая, так вы же у него под каблуком! Моя бы тоже взбеленилась, если б узнала... Но я же иду на это, иду ради нее!

За своей табачно-дымовой завесой директор пока отмалчивался.

* * *

Тем временем в директорском телевизоре Сальери ждал Моцарта к обеду и мучительно доказывал сам себе, что гений его друга не нужен и даже пагубен в силу таких-то и таких-то причин...

Марина смотрела на ребят. Правда ли, что они, дети 70-х годов, стали упрощенцами, очерствели, ударились в дяляческий прагматизм? Правда или поклеп?

Вот яд уже попал в бокал Моцарта, и у Саши Майданова – коротенькая гримаска боли на лице. Что это – реакция на единственный в трагедии детективный момент? Кто дал ему понятие о Моцарте и дал ли? Песенка Окуджавы: «Не оставляйте стараний, маэстро»?

Во всяком случае, не она, не Марина. Кто бы ей, словеснице, выделил пару уроков на Моцарта? Сказали бы: а почему не на Глинку в таком случае? Да вы еще к Шолохову не приступали, у вас Фадеев не пройден! Моцарта она захотела...

Так ничего странного, если в майдановском сознании «отрицательный» в парике убивает «положительного» в парике – и не больше...

Впрочем, сейчас-то не нужно, может быть, напрягаться и хлопотать о чем-либо? Сейчас сам Пушкин работает, и музыка, которую никому не убить, и артисты сильнейшие... Можно довериться!

* * *

Ольга Денисовна уже снова была в учительской за своим дальним столом.

Назаров раздавил папиросу в пепельнице.

– Спасибо... Я всех выслушал, я попытаюсь разобраться... Хотя, по-моему, у вас одни эмоции, дорогие граждане.

– Эмоции? – Клавдия Петровна встала. – А вам факты нужны? Есть и факты, к сожалению. Я не хотела до них доводить, но если без этого нельзя... Десятый класс как-никак, нам надо всем мобилизоваться... Если мы сейчас их упустим – пиши пропало! – говорила она, энергично щелкая замками на желтом мужском портфеле и доставая оттуда знакомый нам магнитофон.

– Что это у вас? Зачем?

– Сейчас услышите. Вчера Юля брала его с собой на их воскресный пикник... под елочкой! Я же понимаю, Кирилл Алексеич, вы человек новый, вам не хочется сразу конфликтовать... Ольга Денисовна, вы идите поближе, вам не будет слышно... Есть местком, там всегда найдутся заступнички... Но когда такие факты, как здесь у меня... Я утром прослушала и в ужас пришла. – И Баюшкина включила аппарат.

Магнитная лента заговорила знакомыми молодыми голосами:

«Марина Максимовна, вопросик можно?» (Адамян.)

«Ну попробуй».

«Эмма Пална – хороший, по-вашему, учитель?»

«Здрасьте, я ваша тетя! Отдохни ты от нее, чего она тебе далась?» (Это Смородин.)

«Не мешай, это вопрос по существу. Так как же, Марина Максимовна?»

«Жень, но ведь я не сижу у нее на уроках! Я знаю ее больше как человека. Как очень домашнего, слабохарактерного человека, которого заедает текучка... вот... и которому с вашим братом несладко. Правильно?» (М. М.)

«Марина Максимовна, ее мальчишки доводят! Особенно он, Женька. Что смотришь? Я б никогда не сказала, если б это было правильно, если б Голгофу стоило доводить. А ее – не за что!» (Юля.)

«Постойте, это прозвище у нее такое – Голгофа?»

«Ну да. Она говорит: „Каждый раз иду в класс, как на Голгофу!“»

«Братцы, что ж вы делаете? Помилосердствуйте...»

«За ней надо записывать, Марина Максимовна! Она все время такое отмачивает. Вот еще, например: „Вас родители портили, портили, а потом школе подкинули!“» (Таня.)

Хохот.

«Слушайте, а за что вы невзлюбили-то ее? Не за фразы же эти?»

«Сказать? (Опять Адамян.) За то, что она отбивает интерес к химии у ребят! Каждый день – примерно у ста пятидесяти человек! На проблемном уровне она же не сечет абсолютно. Подсуньте ей любую сенсацию химическую – из „Науки и жизни“, из „Эврики“, о спецжурналах я и не говорю, – по лицу увидите: все это мимо! Как козе баян, как зайцу джинсы!»

«Нам это известно. А чего ты от Марины Максимовны хочешь?» (Смородин.)

«Мнения!»

...Далее идет то, что мы уже слышали – вплоть до разговоров о новом директоре, когда Марина Максимовна исключала из своего репертуара песенку «А я люблю военного...»

– Товарищи, как же это? Ведь мы подслушиваем... – словно очнувшись, сказала Ирина Ивановна Смородина.

– Что-что? – не поняла Клавдия Петровна, однако нажала клавишу «стоп».

– Я лучше пойду... Я эту педагогику не знаю, конечно, только как-то нехорошо... – Ирина Ивановна двигалась спиной к двери, горестно глядя на Назарова. – До свиданья. – И ушла.

Клавдия Петровна всплеснула руками:

– Если хотите правду, вот уж кто действительно ревнует своего сына к этой Марине, так это она! И по-моему, неспроста... А здесь вот струсила!

– Не о храбрости речь, Клавдия Петровна, – глухо сказал Назаров, уставившись на кассеты. – Если не ошибаюсь, магнитофон принадлежит вашей дочери?

– Да, это наш ей подарок... А сама-то она кому принадлежит? Я могу это спросить, не усмехайтесь, я жизнь на нее положила! – Клавдия Петровна направилась к графину с водой. Выпила два стакана подряд. – ...Когда я послушала разговоры эти, я поняла наконец, откуда у девчонки такой тон со старшими. Оказывается, это можно. Вот «разобрали» Эмму Павловну... И вас, Кирилл Алексеич, заодно! Ей знаний не хватает, вам – лирики, видите ли. От любого немного останется, если его так разобрать, никто не святой, правильно? Одна Марина Максимовна!

– По-моему, комментарии тут излишни, – вмешалась Ольга Денисовна. – Мы подумаем, разберемся... – Она свехвыразительно глядела на Назарова.

– Вот-вот. А то получается по пословице: сильнее кошки зверя нет!

– Вы можете эту пленку доверить нам? На день-два? – спросил Назаров. Ему не терпелось прекратить эту аудиенцию.

– Да, берите с аппаратом вместе... А ей я что-нибудь придумаю. Берите, берите, интересы у нас одни, правильно? Только, Кирилл Алексеич, Юля-то моя здесь тоже распустила язык... Надеюсь, по ней моя откровенность не ударит? Десятый класс...

– Не ударит. – Назаров ухватил магнитофон за кожаный ремешок, буркнул «до свидания» и вышел.

Дали звонок с урока.

– Ах, господи! – Клавдия Петровна досадливо щелкнула пальцами. – Тогда уж я пересяжу у вас перемену, а?

Она подсела к Ольге Денисовне:

– Думала: приду, выложу все – станет легче. Нет, камень тут. – Она дотронулась до груди. – И себе не облегчила, и вам тяжесть навесила...

Ольга Денисовна согласилась:

– Золотые слова.

– Директор разнервничался... Между нами, женщинами, там ничего такого нет?

– Где «там»? Не понимаю...

– Я говорю: может, уже раскручена эта самая «лирика»? Я ж не из пальца, вы сами слышали: «лирического учреждения» ей надо!.. Это как – утепленного? Худо, дескать, зябко в одинокой постельке? Ни стихи не помогают, ни песенки? А французские – еще хуже...

Внезапно Ольга Денисовна залилась краской, разгневалась – такой мы еще не видели ее.

– Послушайте! Речь все-таки идет об учителе вашей дочери! Нельзя так, нехорошо! Мы с вами не девчонки, калякающие в туалете!

Она взяла стопку тетрадей и вышла, прежде чем Клавдия Петровна успела оправдаться.

А через полминуты вдруг вернулся Назаров, ударом ладони распахнул дверь. Шея у него была красная.

– Во что вы меня превращаете, мамаша? Иду в кабинет – навстречу весь десятый «Б»... а я – с этой штукой. Красиво? Я ж педагог, черт возьми, директор, коммунист!

Лицо Баюшкиной хлопотливо выразило понимание и сочувствие.

– Действительно... Не хватало вам еще от них прятаться! Директору – от ребят... смешно! Был один заграничный фильм, длинное такое название – про дело человека, который вне всяких подозрений... Вот это – вы! – говорила она, отобрав у него магнитофон и укладывая его в желтый мужской портфель.

– Благодарю вас. Я смотрел. Как раз он там убийца, – не улыбнувшись, напомнил Назаров.

– Серьезно? Пример, значит, глупый, беру назад... Так хорошо будет? – Она передала ему портфель.

Он несолидно показал большой палец, чтобы больше не произносить ничего. Боялся произнести то, что вертелось на языке.

* * *

В коридоре он встретил Марину.

– Спасибо большое, Кирилл Алексеич, – сказала она. – Мы там выключили.

– Да? А мы тут включили...

– Что? – она, естественно, не поняла.

Он переложил портфель из правой руки в левую и распорядился:

– Зайдите ко мне после уроков, есть разговор...

– Хорошо, – сказала она рассеянно. – Но зря вы с нами не смотрели: такие вещи бывают раз в год, надо все бросать и смотреть...

– Дела, знаете, работа! – отозвался он едко. – Не всегда для души, как у вас, а все же не бросишь: зарплата идет!

Она даже задохнулась от этого выпада и ответить не успела: директор спешил.

* * *

Алеша Смородин, застигнув свою маму в раздевалке, допытывался у нее:

– Мам, не выкручивайся. Зачем ты пришла?

– Ерунда, Алеша, не обращай внимания... думала, что ключ дома забыла, а он – вот он – нашелся... – Ирина Ивановна, уже одетая, без надобности рылась в сумочке, лишь бы не смотреть на сына.

– Здравствуйте, Ирина Ивановна! – подбежал Адамян, а с ним Ельцов. – Неужели вас вызвали?

– Здравствуй, Женя. Давно вас не видела. Похудели вы что-то, – ушла она от вопроса.

Но сын настаивал:

– Мама, зачем ты приходила?

– Если уж смородинских родителей вызывают, – сказал Ельцов, – тогда я уже ничего не понимаю...

И, не сумев спрятаться от честных глаз сына и его друзей, Ирина Ивановна вдруг взмахнула рукой, сердито глянула наверх и сказала:

– Языкатые вы слишком, несдержанные... Особенно ты, Женя. Навредили вы своей учительнице этими длинными языками.

– Кому? Мариночке?!

– Вот видите: она для вас «Мариночка»... А разве это можно?

* * *

По иронии школьного расписания после телевизионного урока о Моцарте и Сальери у десятого «Б» была химия, Голгофа.

– Кого нет? – выясняла Эмма Павловна.

Дежурная осмотрелась и несколько удивленно стала перечислять:

– Адамяна Жени... И Смородина не видно. Еще Ельцова...

– Адамяна нет? Слава богу! Один раз отдохнуть... от его великой учености и великого нахальства! Он думает, что если его папа химик, то...

Дверь открылась: прибыли Адамян, Смородин и Ельцов. У них замкнутые недобрые лица.

– Разрешите?

– Ну вот, только обрадовалась! Адамян, я уже отметила тебя как отсутствующего. Так что или ты уходишь, или на весь урок делаешься как рыба!

Женя фыркнул и отпарировал:

– Ну нет... Вам легче зачеркнуть вашу пометочку, чем мне отрастить жабры и метать икру...

Класс одобряет его смехом.

– Начинается! Все, сели, тишина! К доске идут Сысоев и Баюшкина. Сысоев решает задачу – вот она, а Баюшкина расскажет нам про бензол и вообще про ароматические углеводороды – их строение, свойства и так дальше...

Урок пошел сравнительно гладко: Юлия неохотно, небойко, но все же сносно докладывала о бензоле, писала кольцевые формулы на доске, Сысоев пыхтел над задачей, у остальных были свои заботы, далекие, в большинстве случаев, от химии.

Алеша шептал Адамяну:

– В чем они могут ее обвинить, в чем? Все, о чем мы говорили, можно повторить на площади, в рупор!

– Не скажи... Ее ответы мягкие по форме, но суть...

– А кто ей вопросы дурацкие задавал? Кто? – грозным свистящим шепотом напомнил Алеша.

– Ну кто знал, что Юлька свою игрушку поставит на запись?

– Ладно, молчи.

– А сама эта идея испытания...

– Молчи, говорю!

Женька виновато затих. Но не было ему покоя: он метнул несколько жгучих взглядов назад, на Майданова, тот не сразу заметил, потом поднял бровь: дескать, в чем дело? Женья размашисто написал записку и, прицелившись, пустил ее по воздуху так, что она шлепнулась как раз перед носом адресата.

Майданов прочел и напрягся весь.

* * *

Алина, секретарь дирекции, с удивлением приоткрыла дверь, приоткрыла ее: в рабочее время товарищ Назаров слушал песенки! Алина позволила себе войти и осталась незамеченной: директор стоял, отвернувшись к окну. Портативный магнитофон на столе пел ему голосами Марины Максимовны и представителей десятого «Б»:

Девушка, двигайся ближе к камину,

Смело бери ананас!

Пейте, милорды, шипучие вина –

Платит Искусство за нас...

Алина бесшумно вышла...

* * *

Эмма Павловна рассеянно прочитала то, что изобразил на доске Сысоев, и сказала:

– Ну так, Сысоев – «четыре», Баюшкина – «три». Дневники мне на стол.

Адамян поднял руку.

– Что тебе? – прямо-таки с испугом спросила химичка. – Я же сказала: ты у меня отсутствуешь!

Женья встал:

– Но это субъективный идеализм, Эмма Пална. Всякий материалист скажет вам, что я присутствую. А следовательно, могу задать вопрос: в чем ошибка Сысоева? Почему «четыре», а не «пять» или «три»?

– Граждане, когда же это кончится? – воскликнула Эмма Павловна. – Почему я должна давать ему отчет?!

– Но вопрос по существу, Эмма Пална, – кротким взглядом своих черных бархатных глаз Адамян показывал полную лояльность. – Человек правильно вычислил объем газа, полученного...

– Молчать! – закричала Эмма Павловна так, что все перепугались. – Вон из класса!

– За что? – спросила Юля. – Несправедливо!

– За что? – стали громко интересоваться и другие.

Эмма Павловна дала себе паузу, чтобы остыть. По лицу ее растекались яркие пятна.

– Это я вас хочу спросить: за что мне нервотрепка такая? Что я вам сделала плохого-то? А ведь могла бы кое-кому испортить аттестат! Нет, мне это не надо. Я вообще могу уйти и фармацевтом устроиться!.. Сколько раз даю себе слово...

И тут вошел Назаров. Десятый «Б» хотел встать, но он удержал:

– Сидите, сидите... Я тоже посижу. Эмма Павловна, вы не против?

– Ну что вы... Наоборот, очень вовремя. Только урока не будет, Кирилл Алексеич, пока не выйдет Адамян. Я не могу его видеть, я уже говорила вам... Он... он... умственный хулиган, вот! Или он, или я!

Назаров оценил напряженность обстановки.

– Адамян, пойдешь погуляй, – скомандовал он спокойно.

Женя усмехнулся и вышел.

Эмма Павловна раскрыла свои конспекты и, читая, сказала:

– Тема у нас – механизм реакций замещения. На примере предельных углеводов... – Пальцы ее на тетрадочном переплете слегка дрожали.

Поднял руку Майданов.

– Что тебе?

– Можно выйти?

– Ну выйди... если невтерпеж, – пожала она плечами. Класс дружно хохотнул.

Майданов целеустремленно вышел, ухватив попутно насмешливый Юлин взгляд.

– Все пишут! – провозгласила Эмма Павловна и пошла по рядам, наблюдая за исполнением этой команды. – Ме-ха-низм ре-ак-ций заме-ще... – чеканила она и так дошла до Назарова, устроившегося за последним столом.

Он тихо удивился:

– Зачем же по складам, Эмма Павловна? Десятый класс...

– Ох, уж я не помню, на каком я свете, – созналась она. – Записали?

Он посмотрел на нее внимательно и подавил трудный вздох.

* * *

Вырвавшись в пустой коридор, Саша Майданов допытывался у Адамяна:

– Объясни толком... Я и не помню, чего мы там такого наговорили.

– Не помнишь? Ну еще бы: ты-то в порядке! Кому будет плохо, так это Мариночке. Хотел ее испытать – теперь радуйся! Теперь эту шарманку включают на педсовете!

– А ты не за себя ли испугался?

– Здрассте! Да если б это по Мариночке не стукнуло, я б только радовался, что они наконец услышат про Голгофу!

Майданов помолчал, подбросил несколько раз и поймал монету... И высказал резюме:

– В общем, так: ты отвлекаешь Алину – надо, чтоб она вышла, а я захожу в кабинет Шерифа...

– Зачем? – честно не понял Женя.

– За магнитофоном!

– Погоди, погоди! Тут надо рассчитать на пять ходов вперед – может, это только напортит? И потом...

– Что?

– Неловко все же...

Один лестничный пролет Майданов шел молча, потом остановился и сказал:

– Вот поэтому вы, интеллигенция, не класс, а только прослойка. Что неловкого-то – отобрать свое? Мы ж отдадим кому? Юльке. Она хозяйка? Она! Значит, что? Значит, обратно будет справедливость.

Адамян хотел возразить, но майдановская логика была слишком проста и пряма для него.

– А как ее отвлекать, Алину? – спросил он.

– Ну скажи, что о ней спрашивал один человек. Высокий, скажи, спортивный. И тяни резину, что ты обещал его не выдавать... И уходи. Она пойдет за тобой, как нитка за иголкой.

– Это что, проверено? – Многознающий Адамян был, как дитя, неопытен по части женского сердца и распахнул глаза.

– Тыщу раз.

* * *

...Все шло как по нотам. Из канцелярии Алина вышла вслед за Женей, заинтригованная предельно:

– Ну намекни, Жень... Ну хоть на какую букву?

– На «эс».

– Стеблов Костя? Старший пионервожатый?

– Алина, не могу, слово дал. – Адамян сдерживал смех: способ действовал безотказно.

– Если Стеблов – неинтересно... А подбородок у того человека раздвоенный, да? А глаза черные.

– А вот и нет. Серые!

– Серые – это хорошо. Только у тех серых, которые я имею в виду, фамилия совсем на другую букву, – вздохнула Алина. – А если ты на своего Смородина намекаешь, то давай не ври: мы-то знаем, на ком у него свет клином сошелся... На каком недоступном предмете! – засмеялась она.

– На каком? – застыл Женя.

– Не знаешь? А друг называется! Ну давай на обмен: я тебе эту тайну шепну, а ты мне про того человека... А?

...Проводив их критическим взглядом, Майданов прошел в дирекцию спокойно.

В кабинете магнитофона не было. Ни на столе, ни внутри стола, ни на стеллажах, ни на подоконниках. Неужели в сейфе? Тогда это мертвое дело. Уже признав свое фиаско и собравшись исчезнуть, Майданов напоследок рискнул открыть большой желтый портфель, что лежал в кресле директора. Есть! Но ведь если вынуть магнитофон, портфель совсем легонький? Ну что ж... Пусть там пока полежит один из этих томов Большой советской энциклопедии – книги, товарищ директор, ваши, а магнитофончик, извините, – нет!

* * *

...Уроки кончились. Раздевалка гудела, девчонки, одеваясь, теснили и перекрывали друг друга возле зеркала.

Юля уж надела шапочку, когда рядом оказался Майданов: вид у него был таинственный.

– Ты ничего не потеряла?

– А что?

Он медлительно открыл свой портфель, в который с трудом влез магнитофон, вытеснив книги, – их Майданов держал под мышкой.

– Мой? Где ты взял? – поразились Юля.

– Где взял, там нету.

– У тебя сейчас лицо, как у афериста. Где ты взял, я спрашиваю?

– А чего ты сразу обзываешься? Это вместо благодарности... Вот не отдам теперь!

И он с независимым видом пошел вверх по лестнице.

Накинув шубку на одно плечо, Юля кинулась за ним:

- Ты можешь толком сказать, в чем дело?
- Ну мама твоя принесла его... Только тихо.
- От непонимания у Юли застопорились все реакции.
- Мама? Принесла тебе?

В вестибюль спускался Назаров. Саша торопливо наступил Юле на ногу. Однако Назаров думал что-то свое, гроза миновала...

* * *

У парапета набережной стояли Смородин и Адамян, смотрели на глыбистый серый лед. Алеша был мрачен.

– Не понимаю, чем ты недоволен, – говорил Женя. – Была «мина», так? Ее нет. Обезврежена. Сделано не совсем изящно, согласен, но...

– Суетимся мы, Женька! – перебил Смородин. – Значит, неправы!

– Ну знаешь, это в математике годится, в физике: «Формула некрасива – следовательно неверна». А в жизни...

– Зачем было красть? Ну Майданов – понятно: он сразу представил себе, что он майор Смекалкин в штабе генерала фон Дурке... А ты?

– А я его страховал...

– От слова «страх»? А чего нам бояться, Жень? Ну допусти, что новый директор – совсем не фон Дурке...

– Идеализм... Гляди, Колчин шагает.

Парень, которого мы видели в классе, но пока не удостоили персональным вниманием, тоже заметил их.

– Чего это вы делаете?

– Видишь, стоим. Воздухом дышим.

– И дома еще не были? – определил он по портфелям. – На пустое брюхо дышите? Не, я так не могу. Я сегодня два раза обедал: дома и у бывшей соседки. Ей однокомнатную дали, ну я и помог ей там барахлишко перевезти. Второй обед заработал и еще пятерку.

– Тимуровец, – усмехнулся Алеша. – Ладно, Колчин, иди. Жень, а нам, я думаю, в школу надо. По некоторым признакам, учителя там трубили сбор...

– Думаешь, насчет этого? А что мы можем сделать?

– Вы уже сделали! – взорвался Смородин. – Вы сделали так, будто Марине Максимовне есть чего стыдиться, вот ужас-то в чем!

И он пошел быстро, не оглядываясь.

Колчин между тем не спешил по своим делам.

– А чего случилось? – спросил он.

– У Мариночки неприятности, – вздохнул, поеживаясь на ветру, Адамян и последовал за другом. Колчин был заинтригован и решил тоже не отставать. Может быть, второй обед вызвал у него прилив сил, которым не было точки приложения, – только теперь нашлась...

* * *

Назаров барабанил пальцами по коже застегнутого желтого портфеля, водруженного на стол. Наискосок в кресле сидела Ольга Денисовна.

– Так вы говорите – Серафима Осиповна замяла бы...

– Да! Она вообще брала ее под крыло. Ей в этих Марининых вольностях мерещилось что-то от пушкинского Лицея. Красиво, я согласна. И все же Лицей хорош на своем месте и в свой

век. Слегка образумить бы Марину на первом же году работы – не имели бы мы сейчас такого дела скандального... И программа по литературе не превращалась бы в тришкин кафтан...

– То есть?

– Ну это когда «одалживают» часы у одного писателя, чтобы посвятить их другому. Который сегодня больше вдохновляет Мариночку! А эти ее темы сочинений? Уж привыкли, не вмешиваемся. А как реагировать на жалобы отдельных учителей? Они говорят: ее популярность у ребят – за наш счет! Конечно, после ее дискуссий и спектаклей на обычном уроке сидеть скучно... Ну как быть? Есть такое понятие – стандарт образования. Не очень интересно звучит, но всеобуч, средняя школа обойтись без него не может...

Теперь Назаров слушал Ольгу Денисовну, шагая по кабинету. И вдруг резко повернулся к ней, перебил:

– Не знаю, зачем понадобилось назначать «варяга» вроде меня. Вот вы – разве не справились бы? Смотрите, пока я только задаю вам вопросы!

Она тонко улыбнулась сухими, точно гипсовыми, губами:

– Руководству виднее, Кирилл Алексеич. Здесь, видно, требуется мужская рука.

– Рука потяжелей, что ли? Которая не дрогнет? – Он поморщился. – Видите, я опять спрашиваю... Допустим, мы заслушаем эти магнитофонные записи на партбюро... Раз уж взяли их на свою голову... – Он вернулся к портфелю, открыл один замок...

Тут позвонил внутренний телефон и сказал грудным голосом Эммы Павловны:

– Кирилл Алексеич! Милости просим подняться в буфет...

– Зачем в буфет?

– Ну, все вас просят... тут у нас маленькое мероприятие...

Лицо Ольги Денисовны выразило осведомленность.

– Пойдемте, пойдемте, – сказала она. – Это дело такое – нельзя обидеть людей...

– Хорошо, – ответил он в трубку, недоумевая.

* * *

И вон они поднялись туда.

Так и есть – сдвинуто несколько столов, накрыто на двенадцать персон или вроде того; преподаватель электротехники буйнокурчавый Костя Мишин открывает бутылки.

– Просим, просим, – оживились учителя, стоявшие группками.

– А что такое, граждане? – спросил Назаров. – Сегодня на моем календаре ничего такого красного...

– Опечатка там! Врет ваш календарь и не краснеет! Сегодня День директора, – весело разъяснила учительница французского, гибкая брюнетка в серебристом платье.

– Кирилл Алексеич, это нормальная операция по сближению с начальством, – говорил, работая штопором, Константин Мишин. – У Симонова, помните? «Без глотка, товарищ, песню не заваришь»!

– Ну надо же отметить ваше назначение, – подхватила Эмма Павловна. – Чтоб все по-людски было, по-русски... Садитесь, где вам больше улыбается.

Марины не было здесь.

– Спасибо, товарищи. А кто инициатор?

– Так мы вам и сознались, – исподлобья глянула на него Эмма Павловна. Куда подевалась ее раздражительность, где следы той изнурительной борьбы, что вела она на уроке? Цветущая женщина во власти вдохновения, хозяйка стола...

Назаров оказался между Ольгой Денисовной и Алиной, которая сразу приняла на себя заботы о его тарелке.

– Все вооружились? Первое слово беру себе, – заявил Мишин. Но одновременно встал физик Сумароков, худой, неизменно корректный.

– Уступите его мне, Костя, – тихо попросил он, и тот безропотно сел.

– Простите, Кирилл Алексеич, мой тост не за вас. Мне кажется естественным и необходимым сказать сейчас, здесь о Серафиме Осиповне. Сколько лет она была хозяйкой этой школы? Тридцать два? Тридцать три? Но стаж еще не заслуга, стаж и опыт часто бывают щитом, за которым косность. У нее было не так... Без Серафимы Осиповны моя личная судьба имела бы совсем другую траекторию: я не остался бы здесь, я тяготился школой... В особенности презирал девчонок, считал, что они и физика – две вещи несовместимые. И вообще разделял печально известное мнение, что, когда нету дороги, идут в педагоги... Но была Серафима Осиповна, которая почему-то швыряла в корзину мои заявления об уходе. Она просила дотянуть до лета. И позаниматься отдельно с какой-нибудь бледненькой девочкой. И провести олимпиаду. И открыть кружок радиолюбителей. Я скрепя сердце соглашался, потом увлекался, а осенью все начиналось снова.

«Они разбили мне амперметр, – страдал я, – они дикари!» – «Они сами смастерят тебе новый, – говорила она, – если вы друзья, конечно... А если нет – бог с ним, с амперметром, это из твоих убытков наименьший...» Не знаю, возможно, у нее, как у директора, были свои упущения... нет, даже обязательно были! Возможно, Кириллу Алексеичу не все у нас нравится... Но учителем она была настоящим! А теперь в ее глазах потух свет...

Я, естественник, отказываюсь понимать природу в данном случае, – слишком несправедливо... Давайте, что ли, протелепатируем в Одессу: поправляйтесь, Серафима Осиповна, желаем вам света...

Ни с кем не чокнувшись, физик глотнул из граненого стакана.

– Пойдите!

Назаров услышал голос Марины; она незаметно возникла за стулом физика.

– Три года работаю и все три года боюсь вас! А вы, оказывается, золотко...

Она чокнулась с Сумароковым и села на дальнем от Назарова конце стола.

– За бабу Симу, товарищи! Все у нее будет хорошо, филатовцы чудеса делают, – снова зашумел курчавый тамада: он не выносил минора. – А теперь – слово о новом шефе! Не знаю, как вы, товарищи, а я очень боялся, что нам назначат какого-нибудь... замухрышку. Что, не так сказал? Сказал, как думал! И то, что поставили крупного человека, – это подарок! Кирилл Алексеич, товарищи, после политрабобы в армии и в комсомоле согласился на наши, более скромные, масштабы. Не скрою, Кирилл Алексеич, были у нас такие разговорчики, что школой руководить может только учитель со стажем, знающий это дело изнутри и так далее... Но я думаю, что не боги горшки обжигают и что если человек в тех масштабах управлялся, то здесь он управится за милую душу. Как говорится, одной левой! А вы, Марина Максимовна, подождите смеяться, я не кончил. Теперь – такая вещь, как связи. Про товарища Назарова шептать по углам не надо: у него, мол, большие связи и где-то наверху «рука»... У него не «рука» – у него личный авторитет в городских инстанциях! И конечно, для школы это сыграет свою немаленькую роль... потому что, сами понимаете, не в вакууме живем... ну вот, опять, Марина Максимовна! Чего вы смеетесь?

– От удовольствия, Костя!

– Да? Ну тогда ладно... Но вы меня сбили – у меня главное в конце было...

Он пошел под общий смех чокаться с Назаровым:

– Или вы и так все поняли?

– Понял, понял, благодарю...

– Костя, дайте слово для ответа Кириллу Алексеичу! – требовала француженка.

– Я повременю, если можно, – сказал Назаров.

* * *

Юля и Майданов находились в это время в комнатухе под названием «Радиоузел». Здесь полно металлического хлама на шатком столе, проволочек, лампочек... Юля, теперь уже полностью информированная обо всем, карябает стол отверткой, и лицо у нее заплаканное, жалкое, горестно-некрасивое.

– Нет, ты мне объясни, – требует она, морща лоб. – Я знаю, что бывает предательство, читала... Но чтобы собственная мама? Это же дикость какая-то...

– Значит, насолила ты ей, – объяснил Майданов не мудрствуя. – Чем и как, сама знаешь... Слушай, она не работает?

Юля мотнула головой.

– Ну вот. Сидит дома, скучает...

– Теперь она еще не так заскучает! Мне бы угол любой и хотя бы пятьдесят рэ в месяц! Как это сделать? Как?!

Надо было отвлечь ее, тут годилась любая чепуха, и он сказал:

– Пятьдесят рэ... На тигрицу в зоопарке – и то больше идет. А ей ни платьев, ни сапожек не требуется, ни колготок...

– Если не знаешь, что говорить, молчи! – двумя кулаками сразу Юля треснула его и расплакалась снова. Он неловко гладил ее по голове...

* * *

– Слово Кириллу Алексеичу! – опять воскликнул женский голос.

– Товарищи, ну дайте человеку покушать спокойно, – заступилась за него Эмма Павловна. – Это вам не педсовет... Вот, ей-богу, Кирилл Алексеич, я дома с удовольствием всех принимаю, я это люблю... пироги мне удаются, кто из наших пробовал – все в восторге. Но нет смысла возиться – потому что сойдутся и сразу начнут «о родном заводе»...

– Но это же понятно, Эмма Павловна! – сказала Марина. – Здесь просто не получается – выключить станок и уйти...

Учительница французского застучала вилкой по стакану:

– Перегибаетесь, Маринка! Оставьте нам времечко на личную жизнь!

– Вот именно! Только эти фанатики могут так рассуждать, – обиженно добавила Эмма Павловна. – Класс вместо семьи, что ли?

– Перегибаю, согласна, – потухла Марина. – Это у всех по-разному.

Ощутилась неловкость. Осторожно, даже ласково высказалась Ольга Денисовна:

– Ну что же, это можно понять: личная жизнь учителя и внеклассная работа – совпадают. Только вот содержание этой работы...

– Что?

– Таинственно! Поделитесь бы с нами опытом, Мариночка, – это же всем интересно... Считается, что ключ к десятому «Б» только у вас!

– Ну, это не так... И потом, этот ключ, если он существует, ребята дают сами. Кому и когда хотят. И конечно, без права передачи посторонним...

– Товарищи! – уловив напряженность, встал Константин Мишин. – Я притащу музыку, а? Сейчас она будет в самый раз!

И, посчитав молчание знаком согласия, он исчез.

– Так мы вас слушаем, Мариночка, – мягко напомнила Ольга Денисовна. – Про ключ – это очень образно, мы оценили... А внеклассная работа?

– Ольга Денисовна! Да это и не работа вовсе... это общение.

- Тем более. Почему-то по вечерам. Почему-то не со всеми, а с какими-то избранными...
- А кто к вам ходит, Марина Максимовна? – страшно заинтересовалась Алина. – Алеша Смородин, да? Еще кто? Адамян?
- Не вспоминайте при мне эту фамилию... – вздрогнув, попросила Эмма Павловна. – Сегодня я его вышибла в присутствии Кирилла Алексеича!
- Адамяна Евгения? – переспросил физик. – Удивлен. Я ему симпатизирую.
- Дело не в симпатиях, – сухо заметила Ольга Денисовна. – А вообще выдворение из класса – это капитуляция перед учеником, есть прямая инструкция на этот счет. И давайте не говорить все сразу...
- Долго молчавший Назаров обратился к Марине:
- Я поддерживаю Ольгу Денисовну: мне интересно про это ваше общение...
- Она смутно улыбнулась:
- Ну как это рассказать? Читаем стихи. Слушаем музыку – у меня есть хорошие записи... Это неправда, будто им нужны только шлягеры из подворотни... Как-то они сами сложили песенку, там есть такие слова:

Сударь, когда вам бездомно и грустно,
Здесь распрягите коней:
Вас приютит и согреет Искусство
В этой таверне своей...

- А дальше? – спросила француженка.
- Минутку, – вклинилась Ольга Денисовна с немного сконфуженной улыбкой. – Все это хорошо, только вы там замените слово «таверна». Это в переводе на русский – трактир, кабак. Кто-нибудь решит, чего доброго, что у вас трактир для учащихся. Замените, правда.
- Кто так решит?
- Да кто угодно... Достаточно заглянуть в словарь.
- А зачем туда заглядывать, Ольга Денисовна?
- Ну, Мариночка... сначала учебники, а теперь уже и словари в немилости?
- Себе надо верить, Ольга Денисовна, себе! И ребятам...
- Bravo, – поддержал ее Сумароков. – Но зря вы так реагируете, Марина. Вот уже побледили...
- Потому что этот разговор не вчера начался, Олег Григорьевич! Со мной же все время проводят работу под девизом «как бы чего не вышло»...
- Ничего странного, – сказал физик. – Сделал же Антон Павлович своего «человека в футляре» педагогом. Имел для этого основания, как ни грустно...
- И до сих пор имеет, вы сами видите... Ребята ходят домой к учителю, пьют там чай – «какой пассаж!». Сочинили песенку – «батюшки, не кабак ли там?!». Шлифуют свои убеждения, вкусы, учатся их отстаивать – «а зачем, а почему там, а не в актовом зале?».
- Назаров счел нужным остудить ее:
- Перебор, Марина Максимовна. Я не слышал здесь таких нелепых вопросов.
- Они подразумеваются! – крикнула она.
- Ольга Денисовна потемнела лицом и встала:
- Стало быть, знакомьтесь: «человек в футляре» – это я... Спасибо, Мариночка.
- Пожалуйста!
- Опомнись, Маринка, пожалеешь! – крикнула француженка в панике, и другие тоже принялись гасить конфликт:
- Товарищи, товарищи...
- Нервы, граждане, беречь надо – от них все!

– Главная проблема – вдруг объявила, перекрывая голоса, молчавшая до сих пор, точно проснувшаяся женщина, – главная беда, что программа рассчитана на призовых лошадей каких-то, а не на реальных детей! Я сама по три часа готовлюсь к уроку!

– Господи, при чем тут это? Лидия Борисовна! Про «футляра» говорим, вы не поняли... Миленькие, хотела бы я знать, на ком из нас нет этого «футляра»... Такая профессия!

Сказавшая последнюю фразу учительница зоологии сжалась под взглядом Марины и, мигая, выслушала ее отповедь:

– Если я когда-нибудь соглашусь с этим, уйду из школы в тот же день! Лучше мороженым торговать зимой – честнее, по крайней мере!

– Зачем же прибедняться? – заговорила Ольга Денисовна, вращая и разглядывая на просвет стакан. – Прекрасно устройтесь в редакцию... будете печатать «педагогические раздумья», поучать нас, грешных...

– Не надо меня трудоустраивать! Я сказала: если соглашусь... А этого никогда – слышите? – никогда не будет. Нравится мне моя работа, несмотря ни на что! Вот только смешно теперь сидеть тут, жевать, чокаться... Извините!

Марина мотнула головой, стряхивая упавшие на глаза волосы, и – ушла. Была тягостная пауза.

– Что скажете? – задрожал голос Ольги Денисовны. – Я же с ней по-хорошему, все свидетели... Почему вы молчите, Кирилл Алексеич? Теперь я не думаю, что ваше молчание – золото, я скажу! Товарищи, да будет вам известно, что в этой самой «таверне» нам с вами дают клички, обсуждают нас, как на аукционе, и назначают свою цену! Там не только стихи да песенки...

– Велика ли цена, интересно? – спросил Сумароков.

– Ольга Денисовна! – почти взмолился Назаров. – Что вы делаете, вы же умница...

– Я не умница, когда меня оскорбляют, я не обязана быть умницей! Сносить такое на седьмом десятке... От девчонки! Она же от ребят ничего не скрывает, такие уж там отношения, не зря свои мероприятия она готова хоть на чердаке проводить, хоть в котельной – да-да, кроме шуток! – Лишь бы от руководства подальше! Значит, она их восстановит против меня! Против меня, против Эммы Павловны... Кто следующий?!

– А я при чем тут? – Эмма Павловна медленно отклеила пальцы от лица и улыбнулась жалостно – до этого она сидела, закрыв глаза. – Это они меня обсуждали? Да?

– Да бросьте, это я так сказала, в виде примера...

– А на самом деле? Ну скажите, Ольга Денисовна... Ну по секрету, на ушко...

– Не могу я, не подставляйте мне свое ухо! – раздражилась та.

– Вообще, все это возмутительно, – сказала учительница, выступавшая насчет «призовых лошадей». – Я не думала, что Марина на такое способна... В котельной, говорите? Ну и ну!

– Да... тот еще банкет получился! Кирилл Алексеич, наверно, в ужасе, – отозвалась французенка.

– Да что за новость, друзья? – удивился Сумароков. – Прозвища, оценки учителям... Это началось в древнейшей из школ и пребудет вовеки! Слишком легкая была бы у нас жизнь, если б оценки ставили только мы... Я подозреваю, что, уходя от Сократа, его ученики говорили: «Сегодня старик был в маразме», «Нет, просто на него так действует Ксантиппа», «Да бросьте, ребята, он говорил дельные вещи!», «А я не согласен: это пустая софистика...» Обязательно что-нибудь в этом роде произносилось! А иначе Сократ оставил бы не школу, не учеников, а кучку педантов, неспособных пойти дальше него... Тут простой закон диалектики, – закончил он удивленно и насмешливо.

– Вот как? Ну значит, я к диалектике неспособна! – вздохнула Ольга Денисовна. – Пусть меня уберут за это на пенсию... Пойду я... У меня внучка нездорова, мне, в сущности, давно пора к ней. А вы не обращайтесь внимания, – она пошла к выходу, – веселитесь...

Закрылась за ней дверь. Молчание.

– Вот видите, вам хорошо говорить, – простодушно упрекнула физика Эмма Павловна. – Вы точно знаете, что склоняли не вас, вас-то они уважают...

Полная учительница доверила Сумарокову такое признание:

– Вот лично я – не Сократ, Олег Григорьевич. И дома поить их чаем я не могу. Дома я тишины хочу, – что тогда?

– А почему это вас-то задело? Вас они там не обсуждали...

– Как? Совсем?

– Совсем.

И полной учительнице стало еще обиднее.

Засмеялся Сумароков: и так и этак самолюбие коллег – в страдательном залоге! Громко отодвинул он стул и захромал к окну, возле которого курил Назаров.

– Да... Ситуация. Паленым запахло! – сказал физик и потянулся своей сигаретой к его огоньку.

– Я еще не говорил вам, – невпопад ответил Кирилл Алексеич, – я очень рад познакомиться...

И пожал ему руку повыше локтя.

* * *

Константин Мишин раздобыл связку ключей и подбирал подходящий к двери с табличкой «Радиоузел». Но дверь вдруг распахнулась сама, оттуда вышли Юля Баюшкина и Майданов, как-то рассеянно реагируя на Константина Мишина. В руках у Юли был магнитофон. Они направились к лестнице.

– Вот! – обрадовался Мишин. – А я и в актовом зале искал, и в пионерской, и везде... Баюшкина, куда понесла музыку? Там что-нибудь умеренно современное найдется?

Майданов деликатно отодвинул его:

– Константин Иванович, это ее личная вещь.

– А-а... Ну и что? Проявите сознательность, учителям надо поразмяться...

– Не можем, Константин Иванович, – сухо отвечал Саша. – Не до этого...

– То есть как «не до этого»? Вам не до этого, а нам – в самый раз... Баюшкина, я кому говорю-то?

У перил он взял Юлю за руку, она поглядела на него диковато, отсутствующе. И в этот момент снизу появился Алеша в распахнутом пальто; за ним следовали Женя Адамян и Колчин.

– Юля... магнитофон дай мне, пожалуйста. Я потом объясню, – сказал Смородин.

– А я сейчас объясняю, – обиженно возразил Мишин. – Его просят двенадцать человек учителей. Банкет у нас, понятно?

– Дай его мне, Юля, – напряженно повторил Алеша.

– Смородин, а ну кончай торговлю, – возмутился Константин Иванович, – вот еще новости... Я учитель, а ты кто? Баюшкина, миленькая, ну? Это на час-полтора, не больше... Я тебе за него отвечаю! Вот спасибо...

Аппарат незаметным образом оказался у него.

– Вам не подойдет эта музыка. – Майданов загородил ему дорогу. – Seriously. Отдайте, Константин Иванович!

– Может, ты в драку со мной полезешь?! – побагровел Мишин. – К тем дружкам своим бритоголовым захотел?

Майданов засунул в карманы кулаки и отвернулся.

* * *

В буфете Константин Иванович застал тишину.
– Что это вы? Заскучали? – спросил он потерянно. – Эмма Пална, а те три бутылочки «Алиготе», которые в резерве у нас?
Она не ответила.
– Откуда у вас это? – спросил, взглядевшись в магнитофон, Назаров.
– У ребят взял, у Баюшкиной... Еле отбил, такие собственники оказались – жуткое дело!
– А как магнитофон оказался у них?
– Я не знаю... Так чья вещь-то? – не понимал Мишин.
Назаров распахнул дверь – за ней молча, угрюмо стояли Юля, Майданов, Смородин, Адамьян, Колчин...

* * *

Марина подоткнула одеяльце, поцеловала Антона:
– Больше ты меня не зовешь, договорились? Спишь, да?
– Сплю!
Но стоило ей выйти в другую комнату, как он позвал ее.
– Ну что опять?
– Мама, спокойной тебе ночи, доброго тебе стирания и доброго мытья посуды!
– Спасибо! – засмеялась она. – Только мы уже распрощались, больше ничего не придумывай...
У нее действительно было запланировано «доброе стирание»: накопилось порядочно. Она замочила в ванной белье. Сквозь шум воды не сразу услышала, как звонят в дверь. Открыла и не смогла спрятать удивление: у порога стоял Назаров.
– Разрешите?
– Прошу...
– Что, очень странный поступок?
– Почему же? Вероятно, приехали вправлять мои вывихи...
– Так ведь это, наверное, бесполезно? – усмехнулся он. – Можно пройти?
– Да-да. А где же ваше пальто?
– А у меня печка в машине. – Он прошел за Мариной в комнату, держа за ремешок магнитофон в руках, сведенных за спиной. Стал разглядывать эстамп, изображающий Чарли Чаплина, большой фотопортрет Улановой – Джульетты, статуэтку молодого Маяковского и во множестве – Антошкины снимки...
– Похож на вас парень...
– Да, я знаю.
– А это – мама ваша? – С одной фотографии на гостя смотрело патрицианское лицо седой красавицы.
– Это Анна Ахматова... Чаю хотите?
– Спасибо, нет. Я этим банкетом сыт.
Чуткая настороженность была в Марине и передавалась Назарову. Или – наоборот?
– Знакомая вам вещь? – спросил он вдруг и водрузил на стол магнитофон.
– Это чей же? Не Юли Баюшкиной?
– Именно. Вы помните свои разговоры с ребятами в это воскресенье? Их вопросы, ваши ответы? Они ведь мастера у вас вопросы-то задавать?
– Да...

– И вы всегда отвечаете честно?

– Стараюсь. А что, теперь есть другая установка на этот счет?

– Нет... – улыбнулся он. – Нету другой установки. Знаете что? Начнем сначала. – Он отодвинул от себя магнитофон и накрыл его «Комсомольской правдой». – Договоримся так: я пока не добрый, не злой, не прогрессивный, не реакционный. Я – только человек, желающий разобратся. И допустим даже, – добавил он желчно, – что от меня не надо прятаться в котельной, чтобы стихи французских поэтов читать! Вот. И вы передо мной – тоже безо всякого ярлыка.

В своей комнате Антошка влез на спинку кровати, держась за косяк, и толкнул дверь и зажмурился после тьмы от света:

– Здравствуйте. Мам, он – кто?

– Антон, какое тебе дело? – Марина, придав своим глазам максимум строгости, извинилась наспех, вышла, чтобы вернуть его в горизонтальное положение.

Назаров осматривался.

* * *

Эмма Павловна стояла в автобусе возле кассы и плакала. Так остра была мучительная жалость к себе, что не хватало сил удержать эти слезы до дому и безразлично было, что думают о ней люди.

Один мужчина, узколицый, смуглый, в пыжиковой шапке, увидел ее в этом состоянии и стал к ней протискиваться, извиняясь перед пассажирами.

– Простите... Я... Здравствуйте, мы с вами знакомы. Припоминаете? Я могу чем-нибудь быть полезен? – заговорил этот человек.

Она посмотрела расширенными глазами и засмеялась вдруг:

– Адамян!

– Совершенно верно. Отец Жени. Мы тогда с вами поспорили немного на родительском собрании, но это чепуха, правда? Я увидел – вам плохо...

– Мне хорошо, Адамян! – крикнула она. – Мне лучше всех! – И ринулась прочь от этого утешителя, благо как раз открылись двери. Остановка, правда, не ее, но лишь бы вырваться.

Инженера Адамяна люди разглядывали с мрачным осуждением: разбил, гад, сердце женщины, натянул «пыжик» на уши и еще плечами пожимает – я не я, и вина не моя...

* * *

Темнело быстро. На горке, на детской площадке, где прогуливают днем Мариного Антона, сейчас двое под медленным снегопадом – кажется, одни во всем дворе.

– Ты замерзла, – сказал Майданов.

– И стала некрасивая? – спросила Юля непослушными губами. – Или еще ничего?

– Еще ничего. – Он улыбнулся.

И они опять устали в окно на четвертом этаже. Оно светило, и в нем то вместе, то поочередно возникали два силуэта, мужской и женский.

– Не похоже, что они скоро наговорятся... Ну-ка, погоди... – И Майданов сбежал с горки к «москвичу», что стоял у подъезда Марины Максимовны. Потоптался возле него и вернулся назад. – Я подумал, вдруг Шериф дверцу не запер или окошко? Я бы ему посигналил, что пора закругляться.

– Нельзя вмешиваться, – покачала головой Юля.

– А чего они обсуждают? Нас, что ли? Ну и профессия, елки-палки... И ты ее выбрала?!

Кивнув, Юля села на заиндевелые детские качели, Майданов принялся раскачивать и спросил:

– Так теплей?

– Ага...

– Ну дождемся мы, уйдет он – и что? Ты наприсишься туда ночевать? А если она не пустит?

– Она все поймет. Она пустит.

– А я ждать не заставляю, я сразу говорю: пошли ко мне.

– Опять двадцать пять. Сам иди, тебе давно пора.

– За кого ты меня принимаешь? В кухне я буду, в кухне. Раскладушка есть, а мать у меня женщина спокойная. Ни во что не лезет. Она накормит, постелит и ни одного вопроса не задаст.

– Я верю, Сашенька, верю. И завидую, что тебе так повезло.

– А сюда твои предки будут всю ночь трезвонить: «Отдайте дочку!» А у меня еще одна выгода: телефона нет.

Юля еще раз покачала головой: нет, она останется здесь. Скрипели качели...

* * *

Назаров рассказывал:

– Мало ли их было, таких сирот, в оккупации? И сколько погибло! А вот меня не допустили затеряться, с голоду сдохнуть. Крестьянка Надежда Назарова не допустила. Ношу ее фамилию, как видите. А у нее своих было четверо, и муж к ней пришел без рук: сапер он был...

Это все давнишнее, но для того чтобы понять, – существенное. Как только я получил здесь квартиру, решили мы с женой взять старушку к себе. Потому что родные ее дети – из них теперь только двое в живых – не имеют такой возможности. Или желания такого, я точно не знаю. У одного недельку поживет, у другого... а человеку нужна стационарная семья, правда? Овдовела она еще в шестьдесят девятом... болеет, конечно, в такие годы кто не болеет? Короче, перед Новым годом я съездил в Пятихатки и забрал ее...

Вышло так, что ей надо жить в одной комнате с моей дочкой. Дочку тоже Надей звать, она в седьмом классе. Ну, стеснили эту принцессу, а как иначе? Ну действительно, мама заставила все подоконники киселями своими и холодцами... так ведь для кого она старается? Для семьи, для той же внучки!

...Позавчера, Марина Максимовна, я узнаю, что моя дочь заперла бабушку в ванной комнате. На три часа! К ней, видите ли, подружка пришла, и старуха им мешала. Чего церемониться? Заперла – и все. И не просто заперла, а забыла ее там!!! Часок с подружкой побалабанила, а потом они в кино убежали. Жена пришла с работы, только тогда и выпустила...

– Может быть, это просто шалость? Жестокая, да... но все-таки шалость? – спросила Марина.

– Если бы так! Я ведь не сразу ее выпорол... я сперва говорил с ней, хотел понять. Оказывается, она стесняется бабушки! Краснеет, видите ли, за ее речь, за все повадки ее... Перед подругой, которая – кто? Которая дочь журналиста-международника!

Он замолчал, выжидательно глядя на Марину.

– Так вы что... совета у меня просите?

– Да! И объяснения: почему наша молодость так безжалостна бывает, так неблагодарна? Почему наша образованность так... некультурна? Если я верно понимаю это слово – «культура»...

– Вот вы о чем... – пробормотала она. Ей казалось, что она видит его впервые.

– Да! Я, наверное, не смог бы написать сочинение «Почему провалился „Гамлет“?». Я, может, не понял бы, что постановка плохая... Зато я помню, что там говорится про связь времен. Говорится?

– «Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить!» – тихо прочла Марина.

– Вот-вот. Нельзя, чтоб она порвалась, правильно? Ни на один день нельзя допустить! А вы допустили сегодня... И мне морока теперь – обрывки соединять!

Он подождал: может быть, Марина возразит, станет обороняться. Нет, она молчала. Ее шея, умевшая приобретать такое гордое выражение, сейчас была слабой, и казалось, что ворот черного свитера велик ей на несколько размеров.

Кирилл Алексеевич со вздохом вспомнил про магнитофон и стал производить с ним какие-то манипуляции, нажимая на клавиши.

– Что это вы делаете?

– Стираю! Я на вас никаких материалов не получал. И без того работы хватает... – раздраженно и не очень уверенно, словно наугад, он повернул один рычажок, другой – и поставил-таки на «стирание».

– Я помню, – сказала Марина, – это про Эмму Палну... Вы думаете, я не имела права?..

– Да-да, про нее, про меня, про мое солдафонство... Конечно, не имели. Это я даже обсуждать не хочу.

– Но когда ребята спрашивают в упор...

– Марина, – обойдясь почему-то без отчества, прервал он. – Вам повезло: вы соединили призвание и кусок хлеба. Случай ведь не ахти какой частый. А у Эммы Павловны не вышло так... Жалко, симпатичная женщина. Ребятам, может, не под силу еще понять ее беду, а вы-то должны... Заблудился человек, не туда попал. Это как если бы вас сделать дипломатом – представляете, какая угроза миру?

Ее губы дрогнули, попытавшись улыбнуться.

– Вы так и не помирились с дочкой?

Он покачал головой непреклонно:

– Бабка – та уже простила. Я – нет.

– И вы всерьез от меня ждете совета?

– Жду! А как же? Вот если б моя Надька училась у вас, ходила бы к вам домой, как эти из десятого «Б»... Те же песни слушала бы и сама пела... Даете гарантию, что тогда не воспиталось бы такое свинство? Французские стихи, музыка, «Гамлет», Пушкин с Ахматовой, сказки Шварца – это гарантия? – сверлил он ее.

– Я всегда была уверена, что – да, – тихо сказала Марина.

– А сейчас?

– И сейчас... на девяносто процентов.

Недостающие десять процентов злили ее, беспокоили.

– Я часто думаю, – вздохнула она, – может, это просто чванство, просто дурацкое домогательство, как у алкашей, вроде «Ты меня уважаешь?!» – хотеть, чтобы смотрели на нас, запрокинув головы, снизу вверх? В старших классах... Кто мы? Не академики же Королевы, не Ландау, не Товстоноговы, не Шостаковичи! Уважение – его разве выклянчишь? Или выдавишь страхом? Черта с два! Снизу вверх – не выходит: очень выросли ребята, акселерация! Ведь не потому же я выше их, что они сидят, а я стою на уроке!

– Ну?

– Вот вам и «ну»! – совсем как девчонка, огрызнулась она «без чинов». – Когда вдумываешься, какая у нас работа, – ведь жутко бывает, иногда прямо взмолишься: чтоб послал кто-нибудь ума, храбрости, таланта... Вот этих ваших «гарантий» как раз!

– Вам уже послали, я узнавал, – самым серьезным и доверительным тоном пошутил Назаров и нажал в магнитофоне клавишу «стоп».

* * *

Во дворе все так же мерзли Юля и Майданов. Но теперь к ним присоседились Смородин, Адамян и Колчин.

В «примкнувшем к ним» Колчине вдруг проснулось человеколюбие, он заявил:

– Несправедливо. Я уже два раза обедал, а вы – ни одного...

Алеша засмеялся, потом сказал Юле:

– Действительно, Юль, двигай домой. Ты уже синяя, и это упрямство ничего не решает...

– Если надо, я могу за всех вас постоять, – развивал свою мысль Колчин. – Я только не пойму, чего мы такие пассивные. Надо заступиться? Так давайте зайдем и скажем, что надо. А так стоять...

– Мы ж не знаем, какой там разговор, – сказал Майданов. – И вообще, Колчин, ты откуда взялся?

– Я? От соседки. Я у нее второй раз обедал...

Тут из парадного вышел директор. Направился к «москвичу». Отпирая дверцу, заметил их, взгляделся...

– Это вы? – Он подошел поближе. – На страже чего стоите?

Они молчали.

– Баюшкина, ты вот что... Магнитофон свой возьми и скажи маме – спасибо, не пригодился... Передашь?

– Да.

– Следовательно, похищать его у меня было не только опасно, но и бессмысленно!

Пауза.

– Что-то я еще хотел сказать? Да! Хочу прочесть ваши последние сочинения на вольные темы. Дадите?

– Вы директор, – удивленно сказал Адамян. – Команда будет – сдадим!

– Ты не понял... – Назаров, несколько уязвленный, отвернулся и увидел, как в арку этого дома въехало такси, как неуверенно миновало один подъезд, другой... – Баюшкина, твоя мама легка на помине, – мрачно сообщил он.

– Где?! – Юля спряталась за майдановскую спину. – О, черт!

Из машины вышли Баюшкины, муж и жена. Они свернулись с бумажкой и отыскали нужный подъезд. Стоящих на горке они не разглядели, да и было уже довольно темно.

– Вот видишь, – пробубнил Майданов. – Сама их до этого довела.

Назаров двинулся к парадному, в котором скрылись Баюшкины:

– Надо, братцы, взять огонь на себя. С Марины Максимовны хватит на сегодня!

– И вам не надо, Кирилл Алексеич, – заявил Алеша. – До каких пор Юльке вешать свои проблемы на других?

– Баюшкина, прими меры! – потребовал и Адамян.

Юля сверкнула глазами:

– Сама знаю, не подсказывайте! – и побежала с горки.

* * *

В парадном Юлька запрокинула голову и услышала:

– Тебе заходить не надо, я сам, – хмуро говорил отец. – Ты уже свое дело сделала...

– В каком это смысле? – на высокой ноте спросила мать.

Юля не дала им доспорить, крикнула:

– Папа! Спускайтесь... я здесь!

Всхлипнула, запричитала, зацокала по ступенькам мама...

* * *

Конвоируемая родителями, Юля влезла в такси, утвердив магнитофон на коленях. У Клавдии Петровны опухли глаза, она, кусая уголок промокшего носового платка, искала Юлиного взгляда:

– Я ведь с ума сходила... доченька!.. Я на все готова была... буквально... Ну посмотри ты на меня!

– Теперь обратно, пожалуйста, – сказал шоферу отец; он, наоборот, избегал глядеть на дочку.

Развернулись, обогнули директорский «москвич»... Через заднее стекло Юля не махала прощально, она лишь успела порадоваться тому, что оставляет своего Майданова в хорошем обществе...

Перевод с английского

Киноповесть написана в соавторстве с Натальей Долининой

*Я был лживый мальчик. Это происходило от чтения.
Исаак Бабель*

1

На доске оставались чертежи – следы геометрического рассуждения. А за партами сидели трое взрослых: две женщины, один мужчина.

– Да что говорить? Способный. И сам это знает! – сказал мужчина с огорчением. Так, словно засвидетельствовал чью-то бездарность.

Учительница, у которой были нервные руки и сожженные разноцветными красителями волосы, заговорила раздумчиво и с улыбкой:

– Можно мне? Я, знаете, поделила бы урок на две части: на актерскую, так сказать, и на зрительскую. То, что было «на сцене», мне понравилось. У вас есть редкое качество – вы обаятельны у классной доски!

Тот, кого обсуждали, был длинноногий, спортивного вида парень в вельветовой куртке с молниями, которая сообщала ему нечто от свободного художника. Это Дудин Виталий – студент педагогического института; он здесь на практике. Слушал он разбор своего урока со смущенно-снисходительной улыбкой.

Учительница продолжала:

– Ваша манера доказывать – быстро, нетерпеливо, так что крошится и брызгает из-под руки мел, – это подкупает. Есть в этом какое-то изящество, а, Нина Максимовна?

Полная женщина, внимательно глядевшая на Виталия исподлобья, улыбнулась, отрянула пепел со своей сигаретки в бумажный пакетик и сказала:

– Пожалуй. А можно было бы доверить ему классное руководство?

– Вот! – вклинился мужчина, не по-доброму сверкнув на Виталия очками в тонкой металлической оправе. – Вот где решается вопрос! А этот математический блеск – он еще не доказывает, что человек будет учителем... На семинарах я этого студента не видел, он бегал от меня, как черт от ладана... По истории педагогики – тройка, по теории – пробел. Пусто! Лично я не понимаю, зачем он поступил в педагогический вуз... и чему он, собственно, улыбается? Так что вы рискуете, Нина Максимовна. Мое дело – предупредить.

Высказав все это, доцент кафедры педагогики обиженно отвернулся.

– Филипп Антоныч... – кратко начал Виталий. Но тот перебил:

– Нет, со мной вам объясняться незачем. Вот школа, – он показал на двух женщин, – здесь вам быть целую четверть, здесь и выступайте. А у меня еще другие студенты есть; их трудолюбие и скромность мне дороже, чем блеск отдельных гастролеров! Прошу прощения.

Он вышел.

– Со второго курса точит на меня зуб, – с унылой усмешкой произнес Виталий и, пряча неловкость, стал медлительно стирать с доски.

– Я знаю Филиппа Антоновича как очень хладнокровного мужчину, – отозвалась Нина Максимовна. – Это уметь надо – так его... воспламенить. Но мы в ваши с ним дела не вмешиваемся, мы ваших старых грехов не знаем... – Она помолчала. – Так возьмете классное руководство?

– После такого разговора мне выбирать не приходится. Возьму, что дадут.

– Но это, голубчик, не гауптвахта! Это, наоборот, акт доверия. Справитесь – будет вам лестная от нас характеристика, а стало быть, и зачет... Я сама уж как-нибудь умаслю ваше сердитое начальство. Скажу, что человек, совладавший с нашим шестым «Б», – это учитель... Так, Виолетта Львовна?

– Шестой «Б», вы сказали?! – переспросила в тихой панике та учительница, которая нашла в Дудине обаяние, артистизм и что-то еще. – Мой класс?

– Нет, только на время этой практики, – сказала директриса, но Виолетта Львовна стала уже нервно щелкать своим автоматическим карандашом, и гримаска горестного всепонимания была не ее лице: ясно, мол, все мне ясно, можете не продолжать...

– Золотко, вам следует от них отдохнуть, вы опять свалитесь, – говорила директриса. – При чем тут обида, ревность? Вот я же отдаю ему свои часы... В шестом «Б» погоду делают мальчишки, там какие-то хитрые отношения, там все время ЧП! С вашим сердцем, милая моя...

– С моим сердцем, – тонко усмехнулась Виолетта Львовна, – я могу не понять чего-нибудь другого, но когда мне указывают на выход... пусть в завуалированной, деликатной форме...

Она встала и, не договорив, покинула класс.

– Видите? – сказала Нина Максимовна. – Она у нас по два раза в месяц бюллетенит: мерцательная аритмия, стеноз... – Досадливым жестом директриса дала понять, что диагноз длинный и плохой. – Пойти успокоить.

Теперь Виталий Дудин остался один. На лице его читалось: «Ну и влип!»

За стеной сотрясала коридоры большая перемена.

2

Вы не забыли, что это такое – большая перемена?

Резвится стихия, выходя из берегов. Все озабочены: все боятся недополучить, недоурвать плодов двадцатиминутной свободы! Скорей, скорей! Дети взмокли от страшной целеустремленности...

– Кх! Кх! Кх! – раздается из-за угла, и мальчишка лет десяти, бежавший мимо Виталия, закатывает глаза, шатается, сползает по стенке на пол.

– В чем дело? – спросил у него Виталий.

– Ранили, гады... – простонал тот, весь во власти самозабвенной сценической правды, когда актеру уже не до зрителей.

Двое других мальчишек деловито схватили беднягу под руки и тащат куда-то.

– Куда вы его?

– В плен, куда же. В штабе он развяжет язык!

– Держите карман шире. Ничего не скажу! – на секунду открывает глаза «раненый», и в этих глазах – безумство храбрых.

Откуда Виталию знать: прекратить это следует или позволить? Он, усмехаясь, глядел воякам вслед... Тут перед ним вырос десятиклассник:

– Виталь Палыч – это вы?

– Я...

– Вас Нина Максимовна просила подежурить по этажу.

– Меня?

Но объяснений не поступило, десятиклассника уже нет. Неужели бросаться в этот человеческий водоворот, изображать собою плотину?

...Орава преследователей (из четвертого, кажется, класса) мчится за пунцовым мальчиком, прижимающим к себе рулон ватмана.

– Скажите, чтоб они газету не лапали! – закликает он, чуть не падая Виталию в ноги и хоронясь за его спину.

Участники погони остановились и тяжело дышат.

– Что за конфликт? – прищурился Виталий.

– А чего этот Монастырский неправильно карикатуры рисует? Что у Ляликова сплошные двойки по-русскому?!

– А на самом деле?

– Четверку он сейчас получил! Вот только что! Четверку!

Вперед выталкивается коротышка с плутовским выражением лица – это сам Ляликов.

– Опоздал он со своей четверкой! Я-то газету делал вчера! Скажите им, что надо вешать так! – взывает пунцовый Монастырский.

Как в этом гвалте и неразберихе принимать соломоновы решения?

– А по-моему, надо вешать таких редакторов, – пошутил Виталий. И, если бы даже он объяснил, спохватившись, что самосуд – не инструмент юстиции, это опоздало уже, все оговорки потонули в хоре восторженных и мстительных воплей. Газету силой отобрали, уволокли, чтобы навести в ней справедливость, и сам редактор был похищен именно для расправы...

Относительный покой Виталий нашел на лестничной площадке четвертого этажа. Приостановился у окна, достал из своей тоненькой папки газету «Советский спорт», но увидел, что сюда поднимается его закадычный враг – тот самый доцент, руководитель педпрактики... Хорошо, что врага задержал щебет двух студенток. – Виталий успел заменить «Советский спорт» учебником педагогики. Но доцент проследовал мимо так, словно Виталий Дудин – пустое место!

– Филипп Антоныч! – жалобно окликнул Виталий.

– Да?

– Мне деканат на это дал, – он показал переплет учебника, – срок до конца месяца. Примите зачет, а?

– Все у вас наоборот, Дудин. У людей практика, а вы впервые взялись за учебник... Когда ваши товарищи были вожатыми в пионерлагерях, вы себе устроили каникулы! И эта курточка... в ней хорошо пойти на танцы, на ипподром, но не в школу! Будьте скромнее, Дудин, – дети вокруг вас.

Доцент ушел, с ним студентки, сочувственно глянувшие на Виталия, а он, взывая к высшей справедливости, поднял глаза.

Наверху плавало голубое облачко, прошитое насквозь лучом солнца. Облачко пахло табачком.

– Эй, конспираторы! Слишком нахально дымите, все видно, – сказал Виталий, сложив рупором ладони.

Молчание.

Он стремительно взбежал наверх и попал на тесную, прокопченную многими поколениями курильщиков площадку, ведущую на чердак. Четверо мальчишек – на вид им лет по тринадцать – давили подошвами чинарики, большого смущения не выказывая. Он, Виталий, был у них «подопытный»: интересно, как поведет себя, угрозами будет брать или задушевыми рассказами о вреде табака...

– Я думал, это десятиклассники грешат, – сказал Виталий, разгоняя рукой дым, – а вы ведь, кажется, из шестого «Б»?

– Так точно!

– Городянский, ты же в обмороке почти, у тебя даже веснушки пропали...

– Я скоро брошу, Виталь Палыч, – сквозь мучительный кашель пополам со смехом говорит очень рыжий и тощий мальчик. – Только я – Гродненский.

– Извини. А ты – Коробов, верно?

– Я?! – изумляется беленький, очень хорошенький мальчик с лучистой улыбкой. После изумления он, впрочем, согласился:

– Коробов, да. А что?

– Сигареты мне.

Виталий протягивает руку.

– А у нас их нету, – невинно округляет глаза третий персонаж, толстощекий Курочкин.

– Ну папиросы.

– У нас сигара была гаванская, – сообщил Коробов. – Их мало кто покупает, цена – сами знаете – кусается. А мы подумали: туго ей одной, Кубе-то, в том полушарии... надо все-таки поддержать.

Виталий оценил эту демагогию:

– Из идейных, значит, соображений? Остряки... Ну пошли, пошли, дышать тут нечем.

Они стали спускаться.

– И чего он к вашей куртке прицепился? – пожал плечами Гродненский. А Коробов утешил:

– Вы зря волнуетесь насчет зачета. Сперва нервы подергает, а потом еще сам будет бегать за вами!

Виталий озадачился:

– Парни... откуда такая опытность?

– От жизни! Тут у нас – то же самое в конце четверти... А правда или брехня, что вы теперь наш классный руководитель?

– И это вы знаете? Послушайте, братцы... Я очень надеюсь на вашу мужскую солидарность. Про этот разговор подслушанный – никому, ладно? Сами понимаете: нельзя мне, вступая в такую должность...

– Ясно, Виталь Палыч, – весело подмигнул Коробов. – За себя и за этих двух я ручаюсь. А вот Пушкарев у нас недавно, он еще не проверенный...

Худенький невзрачный мальчик, не сказавший до тех пор ничего, вспыхнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.